ТОМАС

КАРЛЕЙЛЬ

«ВОЖДЬ НАЦИИ»

СОТВОРЕНИЕ КУМИРА

МАНУЭЛЬ

САРКИСЯНЦ

Вождь нации. Сотворение кумира

Альбер Камю, Томас Карлейль, Теодор В. Адорно, Серж Московичи, Мануэль Саркисянц

Аннотация
Томас Карлейль. Мануэль Саркисянц. «Вождь нации». Сотворение кумира
Часть 1. Обретение вождя
Томас Карлейль. «Might is Right». Сила — это право. (из книг «Героическое в истории», «Прошлое и настоящее». Перевод В. Яковенко)
«Миссионеры порядка»
Страшные иллюзии
Люди и герои
Ложные пути и цели
Молчание
Мануэль Саркисянц. «Сверхчеловек». Право сильнейшего. (из книги «Английские корни немецкого фашизма». Перевод М. Некрасова)
Карлейль и «божественные фельдфебели»
Подчинение и отсутствие революционных настроений

Объединение нации в империю
Подавление способности к критике
Примат воли над интеллектом
Как не потерять власть
Война как средство продолжения политики
Права сильнейшего. «Железный закон бытия»
Отсутствие пределов для «сверхчеловеков»
Драма политической реальности
Часть 2. Вождь массы
Альбер Камю. Вождь с моралью уголовника. (Из книги А. Камю «Бунтующий человек». Перевод Е. Головиной и М. Ваксмахера)
Ужасающее усиление государства
«Один хозяин, миллионы рабов»
Антонио Грамши. Современный «Государь». (Из «Тюремных тетрадей» А. Грамши. Перевод Г. Смирнова, В. Дмитриченкова, П. Козлова)
«Государь» и государство
Принципы политики
Партии, государство, общество
Теодор Адорно. «Вождь говорит…». (Из книги «Исследование авторитарной личности». Перевод М. Попова, М. Кондратенко)
Самопропаганда вождя
«Одинокий волк»

«Освобождения от чувств»
«Преследуемая невинность»
«Неутомимость»
Человеческий интерес
Понятие жертвы
«Слушайтесь своего вождя»
Экскурс в технику «Fait accompli»
Трюк единства
Демократическая маска
«Если бы вы только знали...»
«Грязное белье»
«Содрогание от ужаса»
«Последний час»
«Черная рука» (тайное судилище)
«Давайте будем практичными!»
Техника разложения
«Вера наших отцов»
Идеологическая обработка
Позиция в отношении внешней политики
Конечная цель пропаганды
Серж Московичи. Вождь массы. (Из книги С. Московичи «Машина, творящая богов». Перевод Т. Емельяновой, Г. Дилигенского)
Средства власти над массой
Запрет на критику
Вождь массы

Аннотация

Томас Карлейль (1795–1881) — британский философ, писатель и публицист. Он исповедовал романтический «культ героев» — исключительных личностей вроде Наполеона, которые своими делами исполняют божественное предначертание и двигают человечество вперёд, возвышаясь над толпой ограниченных обывателей. Не случайно один из разделов книги Карлейля назывался «Люди и герои», а в других он предписывал жизненные правила для общества, существующего на подобных принципах.

Мануэль Саркисянц (1923–2015) — немецкий социолог, политолог и историк, армянин по национальности. Теорию «великих личностей», «сверхчеловеков» Саркисянц рассматривал как идеологическую базу нацизма, а идейным вдохновителем нацистов, наряду с Ницше, он считал Томаса Карлейля.

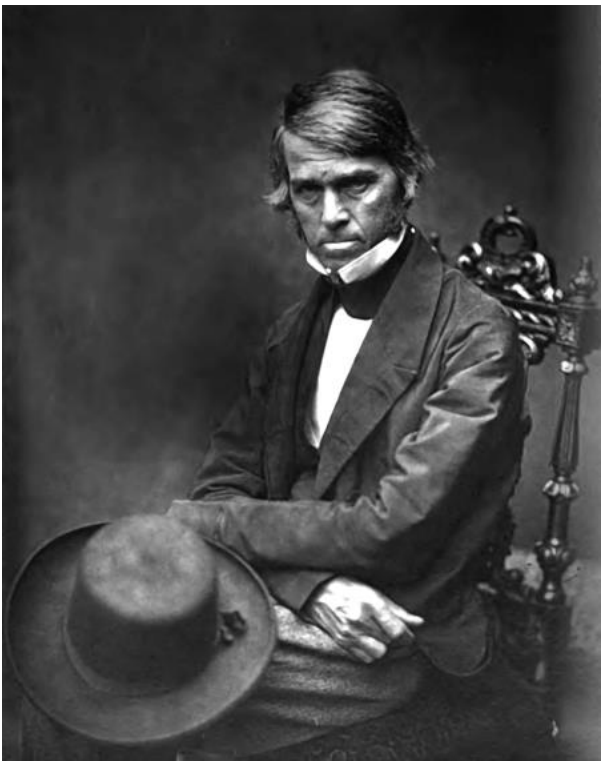
В сборнике представлены работы Карлейля, Саркисянца и других известных философов, посвящённые теме «вождизма».

Томас Карлейль. Мануэль Саркисянц
«Вождь нации». Сотворение кумира

Часть 1
Обретение вождя

Томас Карлейль
«Might is Right». Сила — это право

(из книг «Героическое в истории», «Прошлое и настоящее». Перевод В. Яковенко)



Томас Карлейль (1795–1881) родился в простой крестьянской семье. По окончании курса в Эдинбургском университете он стал учителем математики, а затем жил в основном на случайные литературные заработки.

В своих произведениях Карлейль жестко делит общество на вождей и массу. Он считал, что массы носят в себе разрушительно начало, а вожди возвращают порядок в общество и подвигают его на великие свершения. Взгляды Карлейля в чём-то предвосхитили воззрения Ницше с его культом сверхчеловека, а через него — Гитлера и других фашистских идеологов.

«Миссионеры порядка»

Вопрос о правителе неизбежно вызывает массу связанных с ним мыслей, затрагивает вопросы глубокие, спорные и действительно неисчерпаемые; но мы в настоящую минуту безусловно принуждены воздержаться от какого бы то ни было обсуждения большинства их.

Я же скажу, что все социальные процессы, какие только вы можете наблюдать в человечестве, ведут к одной цели — достигают ли они ее или нет, это другой вопрос, — а именно: открыть

своего вождя и облечь его символами способности: величием, почитанием как достойнейшего, саном короля, властелина или чем вам угодно, лишь бы он имел действительную возможность руководить людьми соответственно своей способности. Отыщите человека самого способного в данной стране, поставьте его так высоко, как только можете, неизменно чтите его, и вы получите вполне совершенное правительство, и никакая избирательная урна, парламентское красноречие, голосование, конституционное учреждение, никакая вообще механика не может уже улучшить положение такой страны ни на йоту. она находится в совершенном состоянии; она представляет собою идеальную страну.

Вождь — это означает также самый искренний, справедливый, самый благородный человек; то, что он указывает нам делать, является всегда самым мудрым, самым надлежащим делом, до какого только мы можем додуматься каким бы то ни было образом и где бы то ни было, — обязательным делом, которое мы должны делать, пуская в ход все зависящие от нас средства, с открытой доверчивостью и признательностью к своему руководителю, нисколько не сомневаясь в нем!

Но, увы, мы очень хорошо знаем, что идеалы никогда в полной мере не осуществляются в действительности. Идеалы всегда должны оставаться на некотором довольно значительном расстоянии, и нам приходится довольствоваться известным приближением к ним и быть признательными за это! Пусть человек, как выражается Шиллер, не измеряет старательно в соответствии с масштабом совершенства жалкого мира реальности. Мы не признаем такого человека мудрым, мы считаем его болезненным, вечно брюзжащим, глупым человеком. Но, с другой стороны, не следует никогда забывать, что идеалы должны существовать; что если мы вовсе не будем к ним приближаться, то все погибнет!

Самый искусный каменщик не может вывести стены совершенно вертикально, это математически невозможно; он удовлетворяется известною степенью приближения к вертикали и, как хороший каменщик, понимающий, что он должен же когда-нибудь покончить со своею работою, оставляет ее в таком виде. но что выйдет, если он позволит себе слишком отклониться от вертикального направления; в особенности если он забросит совсем свой отвес и ватерпас и станет беззаботно класть кирпич на кирпич, как они

подвертываются ему под руку. Подобный каменщик, я полагаю, становится на опасный путь. он забылся; но закон тяготения не забывает действовать, — и вот работник и стена, возводимая им, превращаются в беспорядочную кучу развалин.

Такова, в сущности, история всех восстаний, французских революций, социальных взрывов в древние и новые времена. Во главе дела оказывается слишком неспособный человек, слишком лишенный благородства, мужества, слишком бестолковый человек. Люди как будто забывают, что существует известное правило или своего рода естественная необходимость, чтобы место это занимал способный человек.

Кирпич должен лежать на кирпиче, насколько это возможно и необходимо. неумелая подделка способности соединяется неизбежно с шарлатанством во всякого рода делах управления, дела остаются неупорядоченными, и общество приходит в брожение от бесчисленных упущений, нужд и бедствий; миллионы несчастных протягивают руки, чтобы получить должную поддержку как в материальной, так и в духовной жизни, а ее нет. Закон тяготения действует; действуют все законы природы; несчастные миллионы разражаются санкюлотизмом или каким-либо другим

безумием: кирпичи рассыпаются, каменщики ниспровергаются и лежат поверженные в фатальном хаосе!

* * *

Целые груды злополучных фолиантов были исписаны сто лет и больше тому назад относительно незыблемости известных государственных форм; никто теперь не читает их, и они превращаются в прах в наших публичных библиотеках. Мы далеки от мысли нарушить мирный процесс их исчезновения с лица земли, совершающийся там, в этих книгохранилищах, но в то же время, дабы весь этот непомерный мусор не исчез, не оставив по себе даже следа, я должен сказать, что он заключает в себе, если только мы заглянем в самую суть дела, действительно нечто истинное, нечто ценное, и для нас, как и для всех вообще людей, важно сохранить это истинное навсегда. что делать нам с заключающимися в них рассуждениями о властителях и присущей им непогрешимости, — что делать нам с подобными рассуждениями, как не оставить их гнить в безмолвии публичных книгохранилищ? но вместе с тем я утверждаю — и так именно, думается мне, эти люди понимали свое «божественное

право», — что они, как и все человеческие авторитеты и вообще всякие отношения, какие люди, Богом сотворенные, устанавливают между собою, отмечаются действительно печатью или божественного права, или дьявольского бесправия.

То или другое! Ибо это совершенная ложь, будто бы, как поучал предыдущий скептический век, наш мир есть паровая машина. Существует Бог в мире, и божественная санкция должна таиться в недрах всякого управления и повиновения, лежать в основе всех моральных дел людских. Нет дела, связанного более тесно с нравственностью, чем дело управления и повиновения. Горе тому, кто требует повиновения, когда не следует; горе тому, кто не повинуется, когда следует!

Таков божественный закон, говорю я, каковы бы ни были законы, писанные на пергаменте: в основе всякого требования, обращенного человеком к человеку, лежит божественное право или, иначе, дьявольское бесправие.

Каждому из нас следовало бы посерьезнее подумать об этом; повсюду в жизни нам приходится иметь дело с указываемым мною фактом, который в искренней преданности и истинном величии находит себе высочайшее выражение. наше время глубоко заблуждается, полагая, будто

бы все движется эгоистическими интересами, при помощи пружин и рычагов алчущего плутовства, короче сказать, будто бы в союзе людей нет ровно ничего божественного; я нахожу, что подобное заблуждение заслуживает большего презрения, как бы оно ни было естественно для века неверия, чем признание «непогрешимости» за людьми, именующими себя высшими авторитетами.

Я утверждаю: укажите мне истинного вождя, и окажется, что он имеет божественное право надо мною. Исцеление, которого так жадно ищет наш болезненный век, зависит именно от того, знаем ли мы сколько-нибудь удовлетворительно, как найти такого человека, и склонны ли будут все люди признать его божественное право, раз он будет найден!

Истинный вождь, как руководитель практической жизни, всегда представляет собою до известной степени также и первосвященника, руководителя духовной жизни, которая определяет собою в действительности все практические дела. Поэтому справедлива также мысль, что король есть глава церкви. но мы не станем перебирать всю эту полемическую материю, ставшую уже достоянием минувших веков; пусть она спо-

койно почивает в своих переплетах!

Конечно, поистине ужасное положение — стоять перед необходимостью отыскать своего способного человека и не знать, как это сделать! В таком именно печальном положении находится наш мир в настоящее время. Мы переживаем, собственно, критический период, который затянулся уж слишком надолго. Каменщик, переставший сообразовываться с показаниями отвеса и законом тяготения, упал, а вместе с ним рухнула стена, рассыпались кирпичи, и все это представляет теперь, как видим, груду развалин!

Вера замерла и исчезла; повсюду воцарилось сомнение и безверие. Каменщик швырнул прочь свой свинцовый отвес. он сказал себе: «что такое тяготение? Ведь вот кирпич лежит на кирпиче!» Увы, разве не звучит до сих пор для многих из нас как-то странно всякое утверждение, что делам людей, созданных Богом, присуща правда Божья, что человеческая деятельность вовсе не какое-то кривляние, «средство», дипломатия и, право, не знаю еще что!

* * *

Мы должны возвратиться к истине, чего бы это ни стоило — наводящего страх правления, ужа-

сов Французской революции или чего-то еще. Да, в этом есть истина, объятая огнем преисподней, так как иначе ее не желали получить.

В самом деле, без Французской революции мы вряд ли знали, что вообще надлежало делать с таким временем, как наше. Мы предпочли бы отнестись к Французской революции, как потерпевшие крушение мореплаватели к суровой скале, возвышающейся среди бездонного моря и бескрайних волн. Это настоящий, хотя и ужасный, апокалипсис (откровение) для этого изолгавшегося, поблекшего, искусственного времени; апокалипсис, свидетельствующий еще раз, что природа — сверхъестественна; что если она не божественная, то дьявольская; что кажущееся не есть действительное; что кажущееся обязательно должно уступить место действительному, или иначе мир подложит под него огонь, сожжет и превратит его в то, что оно есть на самом деле, — в ничто!

Всяким правдоподобностям настал конец, пустой рутине настал конец; многому настал конец. И вот все это было возвещено людям во всеуслышание, подобно трубному звуку в день Страшного суда. Изучите же по возможности скорее этот апокалипсис, и вы станете мудрейшими

людьми. Пройдут многочисленные поколения с омраченным сознанием, прежде чем он будет понят надлежащим образом, однако мирная жизнь невозможна, пока это не свершится!

Серьезный человек, окруженный, как всегда, массой противоречий, может теперь терпеливо ожидать, терпеливо делать свое дело. Смертный приговор всему недействительному всегда и прежде был написан на небесах; но теперь этот смертный приговор объявлен на земле: вот что он может видеть в настоящее время своими глазами. И конечно, сказал бы я, обращаясь к другой стороне вопроса, такой человек, убеждаясь, с какими трудностями приходится иметь дело в данном случае и как быстро, страшно быстро во всех странах дает себя знать неумолимое требование разрешить их, — легко может найти себе иной, более подходящий труд, чем работа в настоящий момент в сфере санкюлотизма!

Почитание вождей и героев, — как странно звучали бы эти слова для деятелей и борцов Французской революции! Они, по-видимому, отрицали всякое уважение к великим людям, всякую надежду, веру, даже желание, чтобы великие люди появились снова в нашем мире. Природа, обращенная в «машину», казалась как

бы истощенной; она отказывалась производить великих людей. если так, то я ей сказал бы: пусть она в таком случае откажется вовсе от дела, ибо мы не можем жить без великих людей. Но я вовсе не намерен входить здесь в разбирательство и споры по поводу известного девиза «свобода и равенство», по поводу веры, что, раз великих и мудрых людей не существует, следует удовлетвориться шаблонной несметной толпой глупых маленьких людей.

Такова была естественная вера в ту пору и при тех обстоятельствах. «Свобода и равенство, — прочь всякие авторитеты! Раз почитание героев, признание подобных авторитетов оказалось ложным, — поклонение вообще есть ложь; не надо никакого поклонения более! Мы изведали такие подделки; мы не хотим теперь ничему верить. на рынке обращалось слишком много низкопробной монеты, и все убедились теперь, что золота не существует более и что даже мы можем обойтись совершенно свободно без всякого золота!»

Подобные мысли я нахожу, между прочим, в раздававшихся тогда повсеместно криках о свободе и равенстве и считаю их весьма естественными, при существовавших в ту пору условиях. И однако, все это движение представляет, конечно,

всего лишь переход от лжи к истине. Если мы вздумаем рассматривать его как полную истину, то оно превратится в совершенную ложь; будучи продуктом полного скептического ослепления, оно является всего лишь простым усилием проникнуть в действительность. Почитание героев существует всегда и повсюду: не в одной только лояльности выражается оно; оно сказывается как в преклонении перед божеством, так и в самых мелочных фактах практической жизни. Простой «поклон», если только он не пустая гримаса, которую лучше в таком случае не проделывать вовсе, есть также поклонение герою — признание, что здесь в лице нашего брата мы приветствуем нечто божественное, что всякий сотворенный человек есть «откровение во плоти».

Люди, придумавшие все эти изящные реверансы, делающие жизнь благородной, были, несомненно, также поэтами. Учтивость — вовсе не ложь и не гримаса, и нет никакой надобности, чтобы она становилась тем или другим. И лояльность, даже религиозное поклонение до сих пор еще возможны; нет, скажу больше, они до сих пор еще неизбежны.

Далее, не вправе ли мы утверждать, что, хотя многие из наших позднейших героев действова-

ли собственно как революционеры, тем не менее всякий человек, всякий неподдельно искренний человек по своей натуре — сын порядка, а не беспорядка?

Работать на пользу революции для искреннего человека составляет поистине трагическое положение. он становится как бы анархистом; и действительно прискорбная атмосфера анархии окутывает каждый его шаг, между тем как он относится к анархии безусловно неприязненно и ненавидит ее от всей души. его миссия, как миссия всякого человека, — порядок. человек существует для того, чтобы превратить все беспорядочное, хаотическое в упорядоченное, урегулированное. он — миссионер порядка.

Действительно, разве человеческий труд в этом мире служит не созиданию порядка? Плотник берет обрубок дерева: он придает ему форму, обтесывает его с четырех сторон, приспособляет к известной цели и для известного употребления. Мы все — врожденные враги беспорядка; для всех нас тяжело вмешиваться в дело ниспровержения установленных порядков, в дело разрушения; для великого же человека, который еще более человек, чем мы, и вдвое тяжелее того.

Итак, всякое человеческое дело, в том числе

и безумнейший французский санкюлотизм, служит в действительности и должен служить на пользу порядка. Между этими санкюлотами, говорю я, не найдется человека, который в самом пылу неистового безумия не преследовал бы неотступно все-таки идеи порядка. Самым фактом своей жизни он подтверждает это; ведь беспорядок есть разложение, смерть. Всякий хаос неизбежно ищет свой центр, вокруг которого он мог бы вращаться. Пока человек будет человеком, наполеоны всегда будут неизбежным завершением санкюлотизма.

Страшные иллюзии

Громкие победы Наполеона, наполнившие шумом всю Европу, подымают его на слишком высокие ходули; но настоящий рост человека от этого ведь нисколько не изменяется. По самому складу своего характера, так сказать, компактного, во всех отношениях законченного, быстрого, он представляется человеком маленьким. Мы видим какую-то чудовищную помесь героя с шарлатаном! Юмовская теория о фанатике-лицемере, поскольку она заключает в себе истину, с гораздо бóльшим успехом может быть применена к Напо-

леону, чем к Кромвелю, Магомету и подобным им людям, по отношению к которым, строго говоря, она оказывается совершенно неправильной.

Выражение «лживый, как рапорт» стало общей поговоркой во времена Наполеона. он старается оправдываться; он говорит, что необходимо вводить в заблуждение неприятеля, поддерживать бодрость духа в рядах своих и т. д. но в конце концов тут не может быть никакого оправдания. человек ни в коем случае не располагает правом говорить ложь. И для Наполеона было бы также лучше, если бы он только думал не об одном завтрашнем дне, не говорить вовсе лжи.

Действительно, если человек преследует цель, которая имеет отношение не только к данному часу и дню, но рассчитана и на последующие дни, в таком случае что же хорошего может получиться из распространения лжи? Со временем ложь раскрывается, и гибельная кара ожидает человека; никто уж более не поверит ему, не поверит даже в том случае, когда он говорит правду и когда для него в высшей степени важно, чтобы ему поверили. Повторяется старинный рассказ о волке и пастухе!

Ложь есть ничто, вы не можете из ничего создать что-нибудь; в конце концов вы получаете

тоже ничто, да в придачу теряете еще попусту время и труд, однако Наполеон был искренен. Мы должны различать поверхностное и существенное в искренности. В ворохе всех этих внешних маневрирований и шарлатанских проделок Наполеона, правда, многочисленных и заслуживающих самого горячего порицания, мы не должны проглядеть и того, что этот человек понимал действительность каким-то инстинктивным, непреложным образом и опирался на факт; пока он вообще опирался на что-либо. Его инстинктивное чутье природы было сильнее его образованности.

Во время египетской экспедиции, рассказывает Бурьенн, его ученые деятельно занялись рассуждениями на тему о невозможности существования Бога и, к своему удовольствию, подтвердили свой тезис всевозможными логическими доводами. Наполеон же, глядя на звезды, сказал им: «Вы рассуждаете, господа, весьма остроумно, но кто создал все это?» Всякая атеистическая логика сбегала с него как с гуся вода; величественный факт сиял перед ним в своем блеске. «Кто создал все это?»

Точно так же и в практических делах: он, подобно всякому человеку, который может стать

великим человеком или одержать победу в этом мире, смотрит, минуя всякого рода внешние запутанности, в самое сердце практического дела и прямо направляется к нему. Когда управляющий Тюильрийским дворцом показывал Наполеону новую обстановку и, расхваливая ее, обращал его внимание на роскошь и вместе с тем дешевизну всего, Наполеон слушал больше молча и, потребовав ножницы, отрезал золотую кисть от оконной гардины, положил ее себе в карман и вышел. несколько времени спустя, воспользовавшись подходящей минутой, он вынул, к ужасу своего управляющего, эту кисть: она оказалась не золотой, а из фольги!

Замечательно, как даже на острове Святой Елены, в последние дни своей жизни, он постоянно обращал внимание на практическую, реальную сторону событий. «К чему разговоры и сетования, а главное, зачем вы пререкаетесь друг с другом. Это не приведет ни к каким результатам, ни к какому делу. Лучше не говорите ничего, если вы ничего не можете делать». Он часто разговаривает подобным образом со своими злополучными, недовольными сотоварищами; и он выделяется между ними подобно глыбе, таящей в себе действительную силу, среди болезненно раздра-

жительных ворчунов.

* * *

В первый период своей деятельности Наполеон был истинным демократом. но благодаря своему природному чутью, а также военной профессии он понимал, что демократия в истинном смысле этого слова не может быть отожествляема с анархией. Этот человек ненавидел в глубине своего сердца анархию. В знаменитое 20 июня (1792 г.) Бурьенн и он сидели в кофейне, когда чернь волновалась вокруг, причем Наполеон высказывался самым презрительным образом о властях, не сумевших смирить «этой сволочи». 10 августа он удивляется, как это не находится человека, который стал бы во главе бедных швейцарцев: они победили бы, если бы такой человек нашелся.

Вера в демократию и ненависть к анархии — вот что воодушевляло Наполеона во всех его великих делах. В период блестящих итальянских кампаний он, можно сказать, был воодушевлен стремлением добиться торжества Французской революции; защитить и утвердить ее в противоположность австрийским «призракам», которые стараются представить ее, Французскую революцию, в виде «призрака», но вместе с тем он

понимал, и был прав, что сильная власть необходима, что помимо такой власти невозможно дальнейшее существование и развитие самой революции. И разве он, хотя бы отчасти, не стремился действительно к этому, как к истинной цели своей жизни; нет, более того, разве он не успел на самом деле укротить Французскую революцию настолько, что мог обнаружиться ее настоящий внутренний смысл, причем она стала органической и получила возможность существовать среди других организмов и форм не как одно только опустошительное разорение?..

В нем был провидящий глаз и деятельная, отважная душа. он естественно выдвинулся, чтобы стать вождем. Все люди видели, что это так. Простые солдаты рассуждали в походах: «Уж эти болтливые адвокаты, там, в Париже, наверху: им бы все одни разговоры и никакого дела. что же удивительного, если все идет так плохо? Нам нужно отправиться туда и посадить на их место нашего маленького капрала!». Они пошли и посадили его там: они и Франция с ними. Затем консульство, императорство, победа над Европой, и неведомый лейтенант артиллерии, в силу естественного хода событий, мог действительно смотреть на самого себя как на величайшего

человека, какой только появлялся среди людей в последние века.

Но с этого момента, как я думаю, фатальный элемент шарлатанства берет верх. Наполеон становится вероотступником; он отказывается от своей прежней веры в действительность и начинает верить в призраки; старается связать себя с австрийской династией, папством, с отжившим фальшивым феодализмом, со всем, что, как он некогда ясно видел, представляло ложь; думает, что он должен основать свою собственную династию, одним словом, находит, что весь смысл чудовищной Французской революции заключался именно в этом!

Таким образом, человек впал в страшную иллюзию, которую он должен был бы считать ложью; ужасное, но вполне достоверное дело. он не умеет теперь различить истинное от ложного, когда ему приходится иметь дело с тем и другим, — жесточайшее наказание, какое только постигает человека за то, что он позволяет неправде заполонить свое сердце.

«Я» и ложное честолюбие становится теперь его богом; раз человек дозволил себе впасть в самообольщение, все другие обольщения совершенно естественно и все больше и больше завладе-

вают им. В какие жалкие лохмотья актерского бумажного плаща, маскарадного наряда, фольги облекает этот человек свою великую реальность, думая сделать ее, таким образом, еще более реальной! А этот его пресловутый конкордат с папой с целью якобы восстановления католицизма, который, однако, как он сам видел, вел к уничтожению его; эта коронационная церемония, это посвящение в императорский сан древней итальянской химерой в соборе Парижской Богоматери, где, как говорит Ожеро, «все было сделано, чтобы поразить пышностью, — недоставало только пятисот тысяч человек, погибших в борьбе против всего этого!»

Бедный Наполеон заблуждался: он слишком верил в людскую глупость, он не видел в людях ничего более существенного, чем голод и глупость! Он заблуждался. он походил на человека, который выстроил свой дом на облаке; он сам и его дом погибли в беспорядочной куче развалин и исчезли в беспредельном пространстве мира.

* * *

Увы, подобного рода шарлатанство есть в каждом из нас, и оно может развиться, если искушение слишком велико! «Не введи нас

во искушение!», но, говорю я, обстоятельства складываются так фатально, что шарлатанство неизбежно развивается. Всякое дело, в котором оно играет сознательную роль, становится во всех отношениях преходящим, временным, и как бы такое дело ни было по-видимому громадно, оно в сущности маленькое дело. И действительно, что такое, собственно, эти подвиги Наполеона с их громким шумом? Вспышка пороха, распространившаяся, так сказать, на большом пространстве; пламя как бы от горящего сухого вереска. Кажется, что дым и огонь охватывают всю вселенную, но это только на один час. Все проходит, и вы снова видите ту же вселенную с ее горами и реками, со звездами в вышине и доброй землей под ногами.

Веймарский герцог обыкновенно говорил своим друзьям, что не следует терять мужества, что весь этот наполеонизм был несправедлив, ложен и не мог долго просуществовать. И он правильно рассуждал. чем беспощаднее Наполеон попирал весь мир, чем больше угнетал его, тем свирепее должно было быть возмущение мира против него, когда настал день. несправедливости приходится расплачиваться ужасающими процентами на проценты за свои деяния.

Я не знаю, право, не лучше ли было бы для Наполеона потерять свой лучший артиллерийский обоз или целый полк своих лучших солдат в волнах моря, чем расстрелять бедного немецкого книгопродавца Пальма! Это была вопиющая, смертельная несправедливость тирана, несправедливость, которую никто и ничто не в силах смягчить, каким бы толстым слоем румян ни прикрывать ее. Подобно раскаленному железу, она, как и всякая такая несправедливость, глубоко вонзилась в сердца людей и воспламеняла ярким пламенем глаза их всякий раз, когда они возвращались к мысли о ней, выжидая своего дня! И день настал: Германия поднялась.

Из всего совершенного Наполеоном останется в конце концов только то, что было совершено им справедливо, что санкционировала природа своими законами, что исходило из ее реальности; только это, и больше ничего. Все остальное дым и разрушение. Наполеон представляет собою величественный абрис, грубый набросок, никогда не доведенный до конца. Но разве не то же следует сказать, в сущности, о всяком великом человеке? Увы, да, — набросок, оставленный в слишком грубых очертаниях!

В мыслях, высказываемых Наполеоном на ост-

рове Святой Елены по поводу мировых событий, звучит что-то почти трагическое. он испытывает, по-видимому, вполне неподдельное удивление, что все совершилось таким образом, что он выброшен на эту голую скалу, а мир продолжает вращаться вокруг своей оси. Франция — могущественна и всемогуща, а, в сущности, ведь он есть Франция. Даже Англия, говорит он, составляет, в сущности, всего лишь принадлежность Франции, «другой остров для Франции».

Так выходило по сущности, по наполеоновской сущности, и, однако, что же случилось в действительности: где я? он не мог понять этой метаморфозы; для него было непостижимо, каким образом действительность оказалась не соответствующей его программе: Франция — не всемогущей Францией, а он — не Францией. «Страшная иллюзия»: он должен был верить в то, чего, по его мнению, не существует!

Его сосредоточенная, проницательная, решительная натура итальянца, некогда сильная и искренняя, погрузившись, так сказать, полураспустилась в мутной среде французского фанфаронства. Люди оказались вовсе не расположенными к тому, чтобы их попирали ногами, чтобы их связывали вместе и сколачивали, как

он того хотел, для пьедестала Франции и Наполеона, — люди имели в виду совершенно другие цели!

Удивление Наполеона было чрезмерно, но, увы, как помочь делу? Он шел своим путем, а природа — своим: отказавшись раз от действительности, он очутился в безнадежной пустоте. Для него не было возврата. ему оставалось уныло и печально погрузиться в эту пустую пучину, с чем редко примиряется человек, — разбить свое великое сердце и умереть.

Люди и герои

1. Искреннюю радость доставляет человеку возможность восхищаться кем-нибудь; ничто так не возвышает его — хотя бы на короткое время — над всеми мелочными условностями, как искреннее восхищение. В этом смысле было сказано: «Все люди, в особенности женщины, склонны к преклонению» — и преклоняются перед тем, что хоть сколько-нибудь того достойно. Можно обожать нечто, хотя бы оно было весьма незначительно; но невозможно обожать чистейшее, ноющее ничтожество.

2. Я думаю, что уважение к героям, в различные

эпохи проявляющееся различным способом, является душой общественных отношений между людьми и что способ выражения этого уважения служит истинным масштабом для оценки степени нормальности или ненормальности господствующих в мире отношений.

3. Богатство мира состоит именно в оригинальных людях. Благодаря им и их творениям мир есть мир, а не пустыня. Воспоминание о людях и история их жизни — выражение его силы, его священная собственность на вечные времена, поддерживающая его и, насколько возможно, помогающая ему пробиваться вперед сквозь неизведанную еще глубину.

4. Можно возразить, что я проповедую «поклонение героям». если хотите, да, — друзья, но поклонение прежде всего должно выразиться в том, что сами мы будем героически настроены. Мир, полный героев, вместо целого мира глупцов, в котором ни один доблестный король не может царствовать, — вот чего мы добиваемся! Со своей стороны мы отбросим все низкое и лживое; тогда только сможем надеяться, что нами будет управлять благородство и правда, но не раньше.

5. Сказано: «если сами мы холопы, для нас не может быть героев». Мы не узнаем героя, даже

если увидим его, — мы примем шарлатана за героя.

6. Ты и я, мой друг, мы можем в этом отменно холопском мире создать из себя каждый из нас по одному, не холопу, герою, если мы захотим. Таким образом, получились бы для начала два героя. Мужайся! Так можно создать целый мир героев или хоть по мере возможности содействовать их появлению.

7. Я предсказываю, что мир снова станет искренним, станет миром верующих людей, будет полон героических деяний, будет полон героического духа. Тогда, и только тогда, он сделается победоносным миром, но что нам до мира и его побед? Мы, люди, слишком много говорим о нем. Пусть каждый из нас предоставит мир самому себе; разве каждому из нас не дана личная жизнь?

Жизнь — короткое, очень короткое время между двумя вечностями; другой возможности у нас нет. Благо нам, если мы не как глупцы и лицемеры проживаем свой век, а как мудрые, настоящие, истинные люди. оттого что мир будет спасен, мы не спасемся; мы не погибнем, если погибнет мир. обратим поэтому внимание на самих себя. наша заслуга и наш долг состоят в выполнении той работы, которая у нас под рукой. К тому

же, по правде говоря, я никогда не слыхал, чтоб «мир» можно было «спасти» иным путем. Страсть спасать миры перешла к нам от XVIII века с его поверхностной сентиментальностью. Не следует увлекаться слишком сильно этой задачей! Спасение мира я охотно доверяю его Создателю; сам же лучше позабочусь, насколько возможно, о собственном спасении, на что я имею гораздо больше права.

8. Великий закон культуры гласит: дайте каждому возможность сделаться тем, чем он способен быть, дабы он мог развернуться во весь свой рост, преодолеть все препятствия, оттолкнуть от себя все чуждое, особенно всякие вредные наносные явления и, наконец, предстать в своем собственном образе, во всем своем величии, каковы бы они ни были. Не бывает единообразия превосходства ни в физическом, ни в духовном мире — все настоящие вещи таковы, какими они должны быть. Северный олень очень добр и красив, точно так же и слон.

9. Первая обязанность человека — подавить чувство страха. Мы должны быть свободны от него, иначе мы не можем действовать. Иначе поступки наши — поступки рабов; не искренние, а лишь для глаза, даже мысли наши фальшивы:

мы мыслим, как рабы и трусы, пока не научились попирать страх ногами. Мы должны быть мужественны, идти вперед, храбро завоевать свободу — в спокойной уверенности, что мы призваны и избраны высшей силой, — и не должны бояться. насколько человек побеждает страх, настолько он — человек.

10. В этом мире даже бодрый человек может быть не уверен в столь многом относительно того, как он живет, ему необходимо быть хотя бы уверенным в себе. Ни один человек, желающий сделать что-нибудь значительное, не может надеяться на успех иначе как при условии, что он решит: «я хочу совершить это или умереть». Потому что мир всегда представлялся здравому смыслу каждого отдельного человека в большей или меньшей степени домом сумасшедших.

11. Велик тот миг, когда до нас доходит весть о свободе, когда долго закрепощенная душа освобождается от своих пут и пробуждается от печального стояния на одном месте, хотя бы слепо и в замешательстве и именем Создателя клянется, что она хочет быть свободной. Свободной? Поймите это хорошенько, то ясно, то смутно все существо наше глубоко проникнуто законом: будь свободен. Свобода — единственная цель, к

которой, разумно или нет, стремится вся борьба, все старания людей на земле. Да, это высокий миг (знаком ли он тебе?): первый взгляд на охваченный пламенем Синай в пустыне нашей жизни — нашего паломничества, которому отныне столб дыма днем и огненный столб ночью будут указывать дорогу.

12. Люди привыкли всем лицам и всем вещам, начиная с ничтожнейших книг и кончая церковными епископами и государственными деятелями, предлагать вопрос, в каком парике и в какой черной треуголке гуляют они по свету, вместо того чтоб спросить у них, кто призвал их к деятельности? о Боже! Мне отлично знакома твоя треуголка, отлично известно и то, кто призвал тебя, но во имя Бога спрашиваю я тебя: кто ты? Что ты собою представляешь? Не ничто, отвечаешь ты! Ну, так скажи, насколько же, и что же ты, наконец, — это именно то, чего мне хотелось бы знать и что я должен знать и поскорее!

13. Настоящий не стоящий на месте человек, если он только не манекен, какую бы сущность вы ему ни вложили в душу, сумеет ее более или менее двинуть вперед. Самое нескладное, бестолковое в мире он сумеет сделать несколько менее нескладным. Негибкое он сделает более подвиж-

ным — вот польза от его существования в мире.

14. Прежде всего отыщите человека; тогда вы уже всего достигли. Он может научиться всему — быть сапожником, произносить приговоры, управлять государствами, и все это сделает так, как можно ожидать от человека.

Возьмите с другой стороны не-человека, и у вас в руках будет ужаснейший «татарин» в мире, который быть может тем страшней, чем он с виду тише и мягче. Беды, какие способна наделать одна только глупая голова, какие способна наделать всякая глупая голова в мире, кишащем таким бесконечным множеством последствий, не поддаются подсчету. Уже не понимающий своего дела шарлатан-сапожник может причинить немало зла, о чем свидетельствуют мозольные операторы и люди, доведенные до необходимости носить с отчаяния одну лишь войлочную обувь. Подумайте же о том, сколько зла может сделать шарлатан-священник, шарлатан-король!

15. Гений, поэт, — знаем ли мы, что означают эти слова? Подаренная нам вдохновенная душа, непосредственно из великого горнила природы присланная, чтобы видеть правду, вещать ее и совершать. Это — священный голос природы, раздающийся снова сквозь бесплодную, беско-

нечную чащу слухов, болтовни и трусости, в которой заблудился доведенный до края погибели мир.

16. Гений, о котором известная дама сказала, что он не имеет пола, ни в коем случае не принадлежит к какому-нибудь сословию; поэтому образование не должно гордиться своим искусственным светом, часто лишь тлеющим или фосфорическим, там, где мы имеем дело с загоревшейся искрой Божьей.

Мы начинаем сознавать, что аристократическая снисходительность, с учтивой улыбкой с высоты трона, воздвигнутого из книг в дорогих переплетах, признающая, что «для человека из народа» это очень мило, совершенно неуместна теперь. настало несчастное время в истории человечества, когда наименее образованный — прежде всего и наименее исковерканный и при обилии выпуклых, вогнутых, зеленых и желтых очков не потерял способности видеть собственными глазами. В наше время человек, владеющий пером точно так же, как и молотком, не должен возбуждать удивления.

Тем не менее снисходительно-доброжелательное отношение так широко распространено, что нам кажется полезным взглянуть на оборотную

сторону дела. Я полагаю, что для способного от природы человека, имеющего в себе зародыши сильного характера — особенно, если его склонности указывают на поприще литературы и предназначают его быть мыслителем и писателем, — для такого человека, говорю я, в наше странное время не было бы большим несчастьем вырасти среди народа, а не среди образованных людей, — быть может, это и вовсе бы не было несчастьем?

Все люди наталкиваются на избыток препятствий, потому что духовный рост должен быть задержан и остановлен и должен пробиваться сквозь затруднения, иначе он совершенно остановится. Мы сознаем, что посредственным личностям беспрестанное воспитание и обучение языкам, танцам, правилам приличия, как это практикуется во всех странах у людей высокопоставленных, дает известное превосходство, в худшем случае кажущееся превосходство над средними людьми низшего класса: так что обыкновенно праздный человек по сравнению с человеком трудящимся почти всегда оказывается более милым; у него кругозор шире, яснее.

Во многих отношениях, если даже взглянуть на дело глубже, он имеет преимущество над

тружеником. Противоположное верно лишь для необыкновенных личностей, одаренных зародышем неукротимой силы, которая во что бы то ни стало достигнет развития. Для таких зародышей всего лучше та почва, на которой он свободнее будет расти. Там, где есть охота, должен найтись и путь. одновременно с гением человек бывает одарен и возможностью развития, даже уверенностью в развитии. часто случается, что неумелое окапывание и удобрение вреднее, чем отсутствие ухода, и убивает то, что слепой жестокий случай щадит. редко бывает, чтобы какой-нибудь Фридрих или Наполеон воспитывались с целью подготовить их к последующей деятельности, чаще всего даже их подготовка осуществляется совсем иным путем, в одиночестве и страдании, в нужде и при неблагоприятных обстоятельствах.

Правда, как сказано где-то: только артишок не может расти вне сада; жёлудь бросают куда попало, а он питается на невспаханной почве и вырастает в виде дуба. Каждый лесовод подтвердит, что жирная земля губительна для желудей: чем легче почва, тем крепче и плотнее дерево, но тем оно и ниже. То же самое происходит и с духом человеческим: он будет чист, лишится своих недостатков, если станет страдать за них. Кто

боролся хотя бы только с бедностью и тяжким трудом, тот оказывается сильнее и более сведущим, чем тот, кто удалился с поля битвы и осторожно спрятался между обозами с провиантом.

В этом смысле один опытный наблюдатель нашего времени сказал: если мне нужно было отыскать человека с определенно развитым характером (развитым определенно и искренно, в рамках своих границ), человека с умом проницательным, мужественного, сильного духом и сердцем — а не с исковерканным характером, с надменностью, заменяющей мужество, со спекулятивным мышлением и призраком силы вместо проницательности и мощи, я обратился бы скорее к низшим, а не к высшим сословиям и там стал бы его искать.

Другое резкое мнение состоит в том, что тот, чьи потребности определены наперед, чьим способностям предстоит только одна задача — развиться как можно лучше, достигает меньшей степени истинной образованности, чем другой человек, задача и долг коего состоит не в достижении образования, а в добывании хлеба насущного тяжелым трудом.

Что за печальная превратность судьбы выражается в том, что столько многообещающих

начинаний задерживаются и искусство, при всем богатстве своих средств, ничего не в состоянии совершить даже там, где природа сама дает материал. но жизнь полна зла, точно так же как и добра, и богатство средств и путей может дойти до опасных размеров, может укрепить дурные склонности, вместо того чтобы направить их по верной колее. но что значит необразованность с тех пор, как у нас есть книги, с тех пор, как книги составляют часть домашней утвари в каждой квартире цивилизованных стран?

В беднейшей хижине вы найдете книги, во всяком случае, одну книгу, из которой дух человеческий веками черпает свет и пищу и ответ на глубочайшие свои запросы; в которой и по сей час для зрячего глаза заметно отражение тайны бытия, если и непоясненной, то хоть открытой и представленной в виде пророческих символов; если и не удовлетворяющей разум, то хоть доступной внутреннему пониманию, что гораздо важнее. «В книгах скрыт творческий пепел Феникса всего нашего прошлого». Все, что люди думали, открыли, перечувствовали и придумали, записано в книгах; и кто научился секрету чтения, может все это найти и усвоить, но что из этого следует? Разве образование человека, то,

что мы называем образованием, бывает закончено в университетах, библиотеках и аудиториях; разве живая сила нового человека пробуждается исключительно или главным образом мертвой буквой и повествованием о силе других людей, разве иначе она не может загореться, и очиститься, и дойти до побеждающей ясности?

Ты, неразумный педант, с сожалением распространяющийся о неведении Шекспира! Шекспир проник глубоко в бесчисленное множество вещей, в природу с ее божественной красотой и ужасами ада, ее хорами светлых ангелов и таинственными жалобными стонами; глубоко проник он в дела людские, в искусство и в уловки искусства. Шекспир знал многое (знал [kenned] в его время было почти тождественным с мог [canned]) о людях и мире и о том, к чему люди стремятся, чего добивались они веками в различных странах света; обо всем было у него ясное представление и умение передать все понятое в новых образах. В этом и состояло его знание; что же знаешь ты? Ничего из того, что мы только что назвали, быть может, вообще ничего. Ты знаешь только собственные дипломы, документы, академические почести; только слова да буквы алфавита и то не все. Ясный взгляд на вещи и свежая сила для

деятельности — вот величайший успех обучения; упражнение — лучший учитель.

В наше время «знать» и «мочь» стали совершенно различными терминами; а ведь в этом первая причина всей человеческой культуры, краеугольный камень подлинного образования; то, что человек прежде всего должен быть подготовлен к труду, ряд поколений совсем не затронуло, и мы видим последствия этого!

Подумайте, какое преимущество имеют необразованные трудящиеся классы над образованными и нетрудящимися только вследствие того, что они должны работать. работа! что это за неизмеримый источник образования! Как захватывает работа всего человека, не только его спокойное теоретическое мышление, но всего деятельного, действующего, решительного и терпеливого человека; как шаг за шагом пробуждает она дремлющую силу, как искореняет старое заблуждение!

Кто ничего не делал, тот ничего не знает. Сидеть, строить планы и умно говорить ни к чему не ведет: встань и действуй! если знания твои верны, то применяй их, борись с живой природой, испытай свои теории и посмотри, как они выдержат искус. Сделай что-нибудь, в первый

раз в жизни сделай что-нибудь! Тогда ты сразу станешь лучше понимать всякую деятельность вообще. работа имеет неограниченное значение; при ее помощи скромнейший ремесленник добивается великого и необходимого, чего не может сделать высокопоставленный человек, не умеющий трудиться.

Примись за практику, и заблуждение с истиной перестанут идти рука об руку: успех заблуждения заставляет тебя запутаться в квадратном корне отрицательной величины; постарайся извлечь его, добыть из него какое-нибудь земное содержание и жизненную поддержку. Почтенный член парламента может открыть, что «существует реакция», может верить этому и утомительно доказывать это наперекор всему миру, сколько ему угодно; он не будет испытывать от этого недостатка в пище; но если медник откроет, что медь — зеленый сыр, то он должен действовать сообразно со своим открытием и потому должен прийти к заключению, что, как это ни странно, медь нельзя жевать, а из зеленого сыра никак нельзя получить огнеупорной посуды; что его открытие поэтому не имеет под собой твердой почвы и что о нем надо забыть.

Проведите эту основную разницу через всю

жизнь обоих людей и постарайтесь уяснить себе ее последствия. необходимость, нужда, которая в данном случае является матерью точности, давно уже известна как мать изобретательности. Тот, кому многого недостает, кто во многом нуждается, должен много знать; много трудиться, чтобы только чего-нибудь достигнуть, в противоположность тому, кому необходимо только знать, что для того, чтобы позвонить, нужно пальцем нажать на кнопку звонка.

Мы приходим к заключению, что жизнь человеческая — школа, в которой глупые от природы — хоть бы ты стал толочь их в ступе — останутся при своей глупости, а умные от природы, несмотря на самые неблагоприятные обстоятельства, становятся все умнее. однако же каково должно быть состояние эры, когда величайшие преимущества превращаются во вред!

17. Гении — наши настоящие люди, наши великие люди, вожди тупоумной толпы, следующей за ними, точно повинуясь велениям судьбы. они — избранники света. они обладали редкой способностью не только «догадываться» и «думать», но знать и верить. По натуре они склонны были жить, не полагаясь на слухи, а опираясь на определенные воззрения. В то время как дру-

гие, ослепленные одной наружной стороной вещей, бесцельно неслись по великой ярмарке жизни, они рассматривали сущность вещей и шли вперед, как люди, имеющие перед глазами путеводную звезду и ступающие по надежным тропам.

18. Сколько есть в народе людей, которые могут вообще видеть незримую справедливость неба и знают, что она всесильна на земле, — столько людей стоит между народом и его падением. Столько, и не больше. Всемогущая небесная Сила посылает нам все новых и новых людей, имеющих сердце из плоти, не из камня — а тяжелое несчастье, и так уже довольно тяжелое, — окажется учителем людей!

19. Жизнь великого человека, сказал кто-то, похожа на Библию, на евангелие свободы, проповедуемое всем людям, посредством которого мы узнаем, что среди стольких неверующих душ возвышенный дух еще не сделался невозможным; это служит признаком того, что, хотя мы окружены пошлостью и презренными делами, природа человеческая неугасимо божественна; поэтому мы должны придерживаться самой главной веры, веры в нас самих.

20. Подобно тому как величайшее евангелие

было биографией, так и история жизни всякого хорошего человека несомненно является евангелием и проповедует глазу и сердцу и всему человеку, так что сами дьяволы должны дрожать от этих слов: «человек рожден божественным, не рабом условий и нужды, а победоносным их покорителем. Смотри, как он сознает собственное достоинство и свою свободу и, как сказал один мыслитель, является «мессией природы».

21. Начинают понимать, что настоящая сила, которой должно подчиняться все на свете, это — проницательность, духовное созерцание и решительность. Мысль — мать деятельности, она — живая душа ее, не только зачинщица ее, но и охранительница. Мысль поэтому служит основанием, началом и сокровеннейшей сущностью всей человеческой жизни на земле. В этом смысле было сказано, что слово человека, высказанная мысль — магическое изречение, благодаря которому он покоряет мир. разве не покорны ему ветры и волны и все бушующие силы, безжизненные точно так же, как и живые?

Жалкий, совершенно механически действующий волшебник говорит, и по его слову окрыленные огнем суда пересекают океан. народы разделены раздорами и несогласиями, погруже-

ны в отчаяние и мрачную хаотическую злобу, но раздается тихий голос древнееврейского мученика и освободителя, и он успокаивает и мирит людей. Земля становится приветливой и прекрасной, ужасающая жестокость заменяется миролюбивым отношением людей друг к другу. настоящий властитель мира, по своему желанию преобразующий свет, как мягкий воск, это тот, кто с любовью взирает на мир, это вдохновенный мыслитель, в наше время называемый поэтом.

22. То, что Гёте был великим учителем человечества, уже одно это доказывает, что он был также и хорошим человеком, что сам он учился, боролся в школе опыта и наконец победил. Для скольких сердец, томившихся в тесной тюрьме неверия — настоящем ничто, пустом пространстве — и близких к смерти, уверение, что такой человек существовал, что такой человек оказался возможным, было радостной вестью!

Тот, кто хочет научиться привести в единство благоговение и ясность мысли, отрицать то, что ложно, бороться с неправдой и в то же время верить в правду и поклоняться ей; среди бушующих партий, думающих лишь о том, что либо совершенно пусто, либо может продержаться всего один день, вызывающих конвульсии рас-

падающегося, умирающего общественного строя, дергая его во все стороны, среди партий этих оставаться на верном пути и, работая для мира, оставаться чистым перед миром — кто этому хочет научиться, пусть взглянет сюда. Этот человек был нравственно велик, потому что он в свое время был тем, чем в иные времена могли быть многие люди, — настоящим человеком. его величайшее преимущество перед другими состояло в его неподдельности.

Точно так же как главными качествами его ума были мудрость, глубина и сила мировоззрения, основным нравственным качеством его была справедливость, мужество быть справедливым. Мы восхищались в нем силой великана, но силой, благородно превращенной в кроткую мягкость, подобно безмолвной, опоясанной скалами силе мира, из недр коего вырастают цветы, а почва покоится на алмазах. Величайшее из всех сердец было и храбрейшее, бесстрашное, неутомимое, миролюбивое, несокрушимое: он был законченным человеком: трепещущая чувствительность, неистовый энтузиазм Миньоны уживается с язвительной иронией Мефистофеля, и каждая сторона его многосторонней жизни получает от него то, что ей надлежит получить.

23. Что Гёте был справедливый, сердцем понимающий человек, это предполагается как основание всякого истинного таланта. Как может человек без ясного взгляда в сердце своем иметь ясный взгляд в голове?

24. Умные и мужественные люди составляют, собственно говоря, лишь один класс. не бывает мудрого или умного человека, который прежде всего не должен был бы быть бодрым и мужественным, иначе он никогда не стал бы мудрым. Благородный пастырь всегда был вначале благородным борцом, а потом уже чем-то бóльшим. если бы Лютер, Нокс, Ансельм, Бекет, Сэмюэл Джонсон не были с самого начала достаточно сильны и храбры, каким образом могли бы они когда-нибудь сделаться мудрыми и умными?

25. Как бы часто нам ни внушали, что более близкое и подробное ознакомление с людьми и вещами уменьшит наше восхищение ими, что только темное и наполовину незнакомое может казаться возвышенным, мы все-таки не должны этому безусловно верить. И здесь, как и во многом другом, не знание, а лишь немного знания заставляет гордиться и на место восхищения узнанным предметом ставит восхищение самим узнавшим. Для поверхностно образованного

человека усыпанное звездами, механически вращающееся небо не представляет собою, быть может, ничего удивительного; оно кажется ему менее удивительным, чем видение Иакова.

Для Ньютона же оно удивительнее этого видения, потому что тут, на небе, царит еще все тот же Бог, и священные влияния и посейчас еще, как ангелы, подымаются вверх и спускаются вниз, и это ясное созерцание делает остальную тайну еще глубже, еще божественнее. То же самое происходит и с истинным душевным величием, в общем, теория «нет великого человека для его камердинера» нам мало помогает в освещении истинной природы этого случая. Кроме довольно ясной поверхностности этого утверждения оно еще может быть применено лишь к поддельным, ненастоящим героям или к слишком настоящим лакеям.

26. Во всяком случае гораздо легче и гораздо менее благородно находить ошибки, чем раскрывать красоты. Критикующая муха, садясь на колонну или карниз великолепного здания, будет в состоянии указать тут на пятно, там на шероховатость, одним словом, несмотря на то что взор ее простирается не далее полдюйма, она сумеет найти, что тот или иной отдельный

камень совсем не такой, каким он быть должен. В этом критикующая муха будет права. Но для того, чтоб понимать красивые пропорции целого, чтобы видеть все здание как единый предмет, чтоб оценить его целесообразность, устройство различных частей и их гармоничное совместное служение требуемой цели, нужно иметь глаз и понимание знатока.

27. Существенно заблуждаются те, кто считает вспыльчивость и упрямство признаками силы. Кто подвержен припадкам судороги, тот несилен, хотя требуется шесть человек, чтобы сдержать его. Тот силен, кто может тащить, не спотыкаясь, самый тяжелый груз. Это мы должны помнить всегда, в особенности в теперешние крикливые дни. Кто не умеет молчать, пока не настает пора говорить и действовать, тот не настоящий человек.

28. Разве мысли, истинный труд, всякая высокая добродетель — не дети страдания? Словно рожденные из черного вихря. — Истинное напряжение, подобное усилиям узника вырваться на свободу, — вот что такое мысль. Мы совершенствуемся путем страданий.

29. При каких обстоятельствах приходится иногда мудрости бороться с глупостью и убеж-

дать глупость, чтобы она согласилась на защиту мудрости!

30. Жизнь великого человека — не веселый праздник, а битва и поход, борьба с властелинами и целыми княжествами. его жизнь — не праздная прогулка по душистым апельсиновым рощам и зеленым цветущим лугам в сопровождении поющих муз и румяных гор, а суровое паломничество через знойные пустыни, через страны, покрытые снегом и льдом. он странствует среди людей; он любит их неизъяснимой, нежной любовью, смешанной с состраданием, любовью, какой они ему не могут ответить, но душа его живет в одиночестве, в далеких областях мироздания. В зеленых оазисах, в тени пальмовых деревьев у ручья отдыхает он на мгновение, но долго оставаться там не может, гонимый страхом и блеском, дьяволами и архангелами.

Все небо сопровождает его. Весело сияющие звезды посылают ему вести из неизмеримости; могилы, молчаливые, как скрытые в них покойники, — говорят ему о вечности. о мир, как тебе застраховать себя от этого человека? Ты не можешь нанять его за деньги и не можешь также обуздать его виселицей и законами. он ускользает от тебя, подобно духу… его место среди звезд

на небе. Тебе это может казаться важным, тебе это может представляться вопросом жизни и смерти, но ему безразлично, дашь ли ты ему место в низкой хижине на то время, пока он живет на земле, или отведешь ему помещение в своей, столь громадной для тебя башне.

Земные радости, те, которые действительно ценны, не зависят от тебя или от твоего содействия. Пища, одежда и вокруг уютного очага души, любимые им, — вот его достояние, он не ищет твоих наград.

Заметь, он и не боится ни одного из твоих наказаний. Даже убивая его, ты ничего не добьешься. О, если бы этот человек, из глаз которого сверкает небесная молния, не был насквозь пропитан Божьей справедливостью, человеческим благородством, правдивостью и добротой, — тогда я дрожал бы за судьбу мира. но сила его, на наше счастье, состоит из суммы справедливости, храбрости и сострадания, живущей в нем. При виде лицемеров и выряженных стараниями портного высокопоставленных шарлатанов глаза его сверкают молнией; но они смягчаются милосердием и нежностью при виде униженных и придавленных. его сердце, его мысли — святилище для всех несчастных.

Прогресс обеспечен навсегда, но имеешь ли ты представление о том, что такое гениальный человек? Гений — «вдохновенный дар Божий». Это — бытие Бога, ясно выраженное в человеке. Более или менее скрытое в других людях, оно в этом человеке заметнее, чем в остальных. Так говорит Мильтон, а он должен был в этом что-нибудь понимать; так говорят ему в ответ голоса всех времен и всех стран. Тебе хотелось бы общаться с таким человеком? Так будь, действительно, подобен ему. В твоей ли это власти? Познай себя и свое настоящее, а также и кажущееся место и познай его и его настоящее и кажущееся место и действуй сообразно со всем этим.

31. Голод и нищета, опасности и поношения, тюрьма, крест и кубок с ядом — вот что почти во все времена и во всех странах было рыночной ценой, предлагаемой миром за мудрость, — тот доброжелательный прием, который он оказывал тому, кто приходил, чтобы просветить или очистить его. Гомер и Сократ и апостолы христианства принадлежат к древним временам, но мартирология мира на них не остановилась. Роджер Бэкон и Галилей изнывают в тюрьмах духовенства, Тассо грустит в келье в сумасшедшем доме, Камоэнс умирает нищим на улицах Лисса-

бона. Так небрежно относились к пророкам, так преследовали их не только в Иудее, но и везде, где только жили люди.

32. Это естественный ход вещей, это история божественного во всех странах, во все времена. Какой бог мог когда-нибудь пробиться в открытые церковные собрания или в какой-нибудь сколько-нибудь влиятельный синедрион? Когда какое-либо божество было «приятно» людям? обыкновенный порядок вещей состоит в том, что люди вешают своих богов, убивают, распинают на кресте и в течение нескольких столетий попирают их ногами, пока они вдруг открывают, что то были боги, когда они опять-таки на очень глупый манер начинают блеять и кричать.

Так говорит саркастический наблюдатель, и слова его, к сожалению, глубоко истинны.

33. В сущности говоря, гениальному человеку стыдно жаловаться. разве в его груди не горит небесный свет, по сравнению с которым сияние всех тронов земных лишь ночь и тьма? Как же голова, украшенная такой короной, может роптать на то, что корона неудобно сидит на ней? Современный жрец мудрости должен либо терпеливо переносить постигающие его мелкие неприятности и искушения, к числу которых следует

отнести и болезнь, либо он должен сознаться, что фанатики и безумцы древности были лучшими служителями Бога, чем он.

34. «Неужели мне может казаться тяжелым, — говорил Кеплер в своем одиночестве и в гнетущей нужде, — что люди ничего не хотят знать о моем открытии? Если всемогущий Бог шесть тысяч лет ждал человека, который увидел бы то, что он сотворил, то и я могу подождать лет двести, пока найдется кто-нибудь, кто поймет то, что я увидел!»

35. Мы вовсе не думаем, что непоколебимая серьезность составляет существенное условие величия и что великий человек никогда не должен показываться иначе, как с пристальным взором и уксуснокислой миной, никогда не должен смеяться и радоваться! На свете есть вещи, над которыми нужно посмеяться, как есть и такие, которые достойны восхищения, и никто не может хвастаться всеобъемлющим умом, если он не умеет воздать каждой вещи должное.

Тем не менее презрение — опасный элемент, если мы хотим на нем играть, и смертельный, если мы привыкаем с ним жить. Как, в самом деле, может человек предпринять нечто большое, взять на себя труд и усталость и противиться

искушению, если он не любит горячо преследуемую цель? Способность к любви, к восхищению можно рассматривать как отличительный признак и мерило возвышенных душ. Неразумно направленная, она ведет к немалому количеству бед, но без нее не может быть ничего хорошего.

36. В современном обществе, точно так же как и в древнем и во всяком другом, аристократы или те, что присвоили себе функции аристократов, независимо от того, выполняют ли они их или нет, заняли почетный пост, который является одновременно и постом затруднений, постом опасности — даже постом смерти, если затруднения не удается преодолеть.

Это и есть настоящий, истинный закон. Всюду, постоянно должен человек «расплачиваться ценою жизни», он должен, как солдат, исполнять свое дело за счет своей жизни.

37. Тот, кто не может быть слугою многих, никогда и не может быть господином и истинным вождем и освободителем многих; в этом значение настоящего совершенства.

38. Знатный класс, не имеющий никаких обязанностей, похож на посаженное над обрывом дерево, с корней которого осыпалась вся земля. Природа ни одного человека не признает своим,

если он не является мучеником в каком-нибудь отношении. неужели, действительно, существует на свете человек, который роскошно живет, застрахованный от какой бы то ни было работы, от нужды, опасности и забот, победа над коими и считается работой, так что ему только остается нежиться на мягком ложе, а всю нужную для него работу и борьбу он заставляет исполнять других?

39. В чем, собственно говоря, состоит благородство? В том, чтобы храбро страдать за других, а никак не в том, чтобы лениво заставлять других страдать за себя. Вождем людей бывает тот, кто стоит впереди других людей, кто пренебрегает опасностью, перед которой другие отступают в страхе, опасностью, грозящей погубить других, если ее не одолеют. Всякий благородный венец — венец терновый.

40. Трудящийся мир, точно так же как и воинственный мир, не может функционировать без благородного рыцарства поступков и без соответствующих законов и правил.

41. Руководители промышленности, если только промышленность должна быть руководима, будут, в сущности, вождями мира. если в них нет благородства, то на свете никогда больше

не будет аристократии. но руководителям промышленности надлежит принять к сведению, что они созданы из другого материала, чем прежние начальники кровавой резни. руководители промышленного труда — истинные борцы и отныне должны быть признаны единственными истинными борцами. они борются с хаосом, с беспорядком, с чертями и вовлекают человечество в единственную великую и праведную всеобщую войну. Звезды на небе борются за них, и вся земля внятно говорит: «Так, хорошо!» Пусть же предводители труда исследуют собственное сердце и торжественно спросят себя, нет ли в них чего-нибудь другого, кроме жажды тонких вин и зависти к раззолоченным экипажам? О сердцах, сотворенных всемогущим Богом, — мне не хотелось бы этого думать, да я этому никогда и не поверю.

42. Храбрые полки работников должны законным образом стать вашими, их следует систематически удерживать в вашей среде путем справедливого участия в общих завоеваниях, они должны быть связаны с вами совершенно иными и более крепкими узами, нежели временной поденной платой, и сделаться вашими истинными братьями и сыновьями.

43. Уважай немногочисленное меньшинство, если оно окажется искренним. его борьба иногда трудна, но всегда оканчивается победой, как борьба богов. Сыновья Танкреда д'Отвилля приблизительно восемьсот лет тому назад завоевали всю Италию, соединили ее в органические массы, своего рода живое расчленение; они основали троны и княжества. Этих норманнов было четыре тысячи человек. В Италии, покоренной ими в открытом бою и разделенной по их усмотрению на части, насчитывалось до восьми миллионов населения, состоящего из таких же высоких ростом, чернобородых людей, как и те. Как же случилось, что немногочисленное меньшинство норманнов победило в этой, по-видимому, безнадежной борьбе?

По существу, несомненно, победа потому осталась за ними, что на их стороне была правда, что они смутно, инстинктивно следовали повелению неба и небо решило, что они должны победить. К тому же присоединялось то обстоятельство — я это ясно вижу, — что норманны не боялись и готовы были в случае надобности умереть за свое дело. Обдумайте это: один такой человек против тысячи других! Пусть незначительное меньшинство не унывает! Вся вселенная стоит

за него, и туча невидимых свидетелей глядит на него с высоты.

44. Что касается власти «общественного мнения», то всем нам она хорошо знакома. ее признают необходимо нужной и полезной и уважают ее соответственно, но ее никоим образом не считают решающей или божественной силой. нам хочется спросить: какое божественное, какое действительно великое дело было когда-либо совершено силой общественного мнения? Эта ли сила побудила Колумба отправиться в Америку или заставила Иоганна Кеплера променять пышное житье в толпе астрологов и скоморохов императора Рудольфа на нужду и голод, терпя которые он открыл истинную звездную систему?

45. Уже много раз было сказано и снова необходимо подчеркнуть, что все реформы, за исключением нравственных реформ, оказываются бесполезными. Политические реформы, довольно страстно желаемые, могут действительно вырвать с корнем сорную траву (ядовитый болиголов, обильно растущий ненужный горец), но после этого почва остается голой, и еще вопрос, что будет на ней произрастать, благородные ли плоды или новая сорная трава. Нравственную реформу мы можем ожидать лишь таким образом,

что появится все больше и больше добрых людей, присланных всеблагим Провидением, чтобы сеять добрые семена; сеять в буквальном смысле слова, как падают крупинки семян с живых деревьев. В этом всегда и везде состоит натура хорошего человека; он таинственный творческий центр добра: его влияние не поддается вычислению, потому что дела его не умирают; они берут начало в вечности и продолжаются вечно; в новых превращениях, распространяясь все шире и шире, живут они на свете и раздают жизнь.

Тот, кто приходит в отчаяние от гнусности и низости настоящего времени, кто считает, что теперь Диогену нужны были бы два фонаря средь бела дня, должны обдумать следующее: над своим временем человек не имеет власти; ему не дано спасти падший мир; только над отдельным человеком мы имеем полную, неограниченную, несокрушимую власть. Так употреби же эту власть, спаси человека, сделай его честным, и тогда можешь считать, что ты кое-что сделал, что ты многое сделал и что жизнь твоя и деятельность были не напрасны.

Ложные пути и цели

1. «Мы забыли Бога», выражаясь старинным слогом, или, говоря новейшим языком и исходя из сущности самого предмета, мы восприняли действительность не такой, какова она есть. Мы спокойно закрыли глаза на вечную суть вещей и открыли их только на видимость вещей. Мы спокойно верим в то, что вселенная, по внутренней сущности, есть одно большое, непонятное «может быть», а внешне она представляется несомненно достаточно большим, вместительным хлевом и работным домом, с огромной кухней и длинными обеденными столами, — и только тот оказывается умным, кто может найти здесь место. Всякая правда этой вселенной сомнительна, и для практического человека остаются очень ясными только прибыль и убыток, пудинг и внешнее одобрение.

2. Дело, в сущности, обстоит не иначе и с народами, которые становятся несчастными и беспомощными. Древние руководители народов, пророки, священники или как бы их ни называли иначе, очень хорошо знали это и самым убедительным образом проводили свое учение до

новых времен, чтобы запечатлеть по возможности глубже. Современные руководители народов, у которых также много названий, как, например, журналисты, политэкономы, политики и т. д., совершенно забыли об этом обстоятельстве и готовы его отрицать, но тем не менее оно вечно останется неотрицаемым, и точно так же нет сомнения в том, что нас всех учат этому, дабы мы все это снова познали. нас всех бичуют и наказывают до тех пор, пока мы этому не научимся и в конце концов мы научимся или нас будут бичевать до смерти, потому что это неотрицаемо!

Если народ несчастен, то древний пророк был прав и не неправ, когда он говорил ему: «Вы забыли Бога, вы оставили пути Божьи, иначе вы не стали бы несчастными. Вы жили и вели себя не по законам истины, а по законам лжи и обмана и умышленно или неумышленно не признавали истины».

3. В мире ночь, и много времени еще пройдет, пока наступит день. Мы странствуем среди тления дымящихся развалин, и солнце и звезды небесные на время как бы совершенно уничтожены и два неизмеримых фантома: ханжество и атеизм, вместе с прожорливым чудовищем чувственностью гордо шествуют по земле и на-

зывают ее своею собственностью. Лучше всех чувствуют себя спящие, для которых существование представляет собой обманчивый сон.

4. Такие поколения, как наше, играют замечательную роль во всемирной истории. Точно обезьяны, сидят они вокруг костра в лесу и не умеют даже поддерживать его и двинуться дальше, вероятно в хаос, в страну, гора Сион коей Бедлам. Выходит, что мир состоит не только из еды и напитков, из газетных реклам, раззолоченных экипажей, суеты и мишуры; нет, из совершенно другого материала. Древние римляне, какими их изображает Светоний, огрубелые, болтливые греки времен вырождения римской империи; у нас есть еще много других примеров. Помните их, учитесь на них, не увеличивайте еще их числа. Без геройства, не подражательного и переданного, без выраженного или молчаливого чувства, что в человеческой жизни есть подобие Божества, что движущаяся во времени человеческая история есть, в сущности, символ вечного, не было бы Рима; вот то, что создало Древний Рим, Древнюю Грецию и Иудею. Обезьяны со сверкающими глазами сидят на корточках вокруг костра, который они даже не умеют поддерживать свежим запасом дров; они говорят, что он и так будет

дальше гореть, без дров, или, увы, говорят они, он вечно гаснет; это печальное явление.

5. Многие люди умерли; все люди должны умереть; наш самый последний уход происходит в огненной колеснице боли, но печально и жалко, когда человеку приходится существовать, не зная для чего, усиленно работать и ничего при этом не наживать, с усталою душой и с тяжелым сердцем стоять одиноким и окруженным всеобщим, холодным безразличием; быть принужденным медленно умирать в течение всей своей жизни и быть заключенным в глухую, мертвую, бесконечную справедливость, как в проклятом железном чреве Молоха! Это является и всегда останется невыносимым для всех людей, созданных Богом.

6. Нельзя бродить ни по какой большой дороге и даже по самой глухой тропинке современной жизни без того, чтобы не встретить человека или какого-нибудь человеческого интереса, который потерял бы надежду на вечное и на истину и направил бы свою надежду на нечто временное, наполовину или совсем обманчивое. Достопочтенные члены парламента жалуются на то, что йоркширские суконщики фальсифицируют свой товар. Господи! Даже бумага, на которой я пишу, и та, кажется, отчасти изготовлена из хорошо по-

лированной извести и затрудняет мое писание. Ведь это счастье, если можно теперь получить действительно хорошую бумагу — и вообще какую-нибудь хорошо выполненную работу, где бы ее ни искать, начиная с высочайших вершин фантазии и кончая самым низким заколдованным основанием.

Возьмем для примера огромную шляпу, вышиной в семь футов, которая разгуливает теперь по улицам Лондона и которую мой друг Зауэртейг справедливо считает одной из наших английских достопримечательностей. «Дал бы Бог, — говорил он, — чтобы это был кульминационный пункт, которого уже достигло английское шарлатанство и чтобы можно было от него вернуться обратно».

Шляпочник на лондонской Стрэнд, — вместо того чтобы делать лучшие фетровые шляпы, — сажает громадную шляпу из папье-маше, в семь футов вышиной, на колеса, заставляет человека катать ее по городу и надеется таким образом найти свое благо. он не пробовал делать лучших шляп, к чему, собственно, и был предназначен этим миром и что, вероятно, мог бы осуществить при своих способностях, но сосредоточивает все свое усердие на том, чтобы убедить нас, что он сделал такие шляпы! Он сам знает, что шарлатан

стал богом. не смейся над ним, читатель, только не смейся! Он перестал быть смешным; он скорее становится трагичным.

Вот в чем, собственно, заключается беда; это центр всеобщей социальной язвы, которая угрожает всему современному строю страшною смертью.

7. В человеческой общественной жизни циркулирует теперь не здоровая кровь, а как будто диаметрально противоположные ей купоросные чернила, — все стало острым и едким и угрожает распадом, и ужасная, шумная общественная жизнь стала нагальванизированною и как бы в самом деле объята дьяволом. Одним словом, Маммона отнюдь не Бог, а дьявол, и притом весьма достойный презрения. Слушайтесь в точности дьявола, и вы можете быть уверены в том, что пойдете к черту — куда же вам еще идти?

8. Может быть, немного рассказов из истории или мифологии имеют больше значения, чем мусульманский рассказ о Моисее и соседних жителях Мертвого моря. некоторое племя людей жило на берегах этого Асфальтового моря, и поскольку они, как и все мы склонны это делать, забыли внутреннюю сущность природы и привыкли лишь к обманчивой наружности лжи, то

впали в печальное состояние. Тогда милостивому небу угодно было послать к ним пророка Моисея с поучительным словом предостережения, из которого они могли бы почерпнуть немало полезных правил, но не тут-то было; люди у Мертвого моря не нашли ничего привлекательного в Моисее, что и следовало ожидать от рабского народа по отношению к герою или пророку. Поэтому они слушали его неохотно или с пошлыми насмешками и издевательствами; они даже зевали и давали понять, что считают его хвастуном и лишь скучным болтуном. Итак, люди с Асфальтового моря откровенно решили, что он, очевидно, шарлатан и во всяком случае, пустой болтун.

Моисей ушел, а природа и ее строгие истины все же остались. В следующий раз, когда он посетил жителей Мертвого моря, «все они превратились в обезьян». они сидели на деревьях, скалили зубы самым естественным образом, болтали сущую ерунду, и вся вселенная представлялась им одним сплошным призраком. И действительно, вселенная стала призраком для обезьян, которые так смотрели на нее. Так сидят они и болтают поныне, и только каждую субботу в них как будто пробуждается смутное, полусознательное воспоминание и они с высохшими, почерневшими

лицами и своими слабыми глазами глядят на дивные, смутные очертания предметов. Впечатления, которые производят на них эти явления, они по временам выражают лишь в форме неблагозвучных, резких звуков и мяуканья; это самый настоящий и трагический призрак, который может представиться уму человека или обезьяны! Они не делали никакого употребления из своих душ, и поэтому они потеряли их. Субботняя молитва их заключается лишь в том, что они сидят на деревьях, неприятно кричат и как бы стараются вспомнить, что у них когда-то были души.

Разве тебе, путник, не приходилось никогда сталкиваться с группами таких созданий? насколько мне кажется, — они в наше время стали достаточно многочисленными.

9. Когда исчезли идеалы, истина и благородство, которые были в людях, и не остается ничего, кроме одного только эгоизма и жадности, то жизнь становится немыслимою и самая древняя судьба, мать вселенной, беспощадно приговаривает их к смерти. Изредка лишь избирают они себе какую-нибудь легкую и удобную философию еды и питья и говорят во время жевания и пережевывания, которое они называют часами размышления: «Душа, радуйся; это очень хорошо,

что ты стала душою дьявола», и очень часто, раньше чем они успеют очнуться, начинается их предсмертная агония.

10. А все же жаль, что наши души пропадают. Мы, конечно, должны будем их снова отыскать, иначе нам во всех отношениях станет хуже. Известная степень души необходима, чтобы предохранить тело от самого страшного разрушения, чтобы избавить себя от расхода на соль. Известны случаи, когда у людей было достаточно души для того, чтобы охранить тело и все пять чувств от порчи, и для того, чтобы не иметь расхода на соль; были такие люди и даже народы.

11. Итак, требуют доказательства существования Бога? Бог, которого можно доказать! Самое маленькое из конечных существ старается доказать существование наивысшего бесконечного, иными словами, если посмотреть на это правильно, оно составляет некий рисунок и пытается втиснуть его в себя — это наивысшее бесконечное, в котором оно живет, движется и является тем, что оно есть!

12. Ты не хочешь иметь никакой тайны и никакого мистицизма; ты хочешь бродить по миру при солнечном освещении того, что ты называешь правдой, или при помощи фонаря, того, что

я называю адвокатской логикой; ты все хочешь «объяснить» себе, «отдавать себе во всем отчет» или ни во что не верить? Да, ты даже хочешь пробовать смеяться? Каждый, кто признает всепроникающую область тайны, которая находится всюду под нашими ногами и между наших рук, — для кого вселенная представляется оракулом и храмом, так же как кухней и хлевом, — будет в твоих глазах сумасшедшим мистиком; с насмешливым участием предлагаешь ты ему свой фонарь, и обижаешься и кричишь как ужаленный, если он оттолкнет его ногой. — Бедный дьявол!

Разве сам ты не родился и не умрешь? «Объясни» все это или сделай одно из двух: отойди в сторону со своей дурацкой болтовней или, что еще лучше, брось ее и плачь, — не потому что прошло господство удивления и Божий свет сбросил с себя красоту и стал прозаичным, а оттого, что ты до сих пор был дилетантом и близоруким педантом.

13. Методизм, постоянно сосредоточивающий взгляд на собственном своем пупе, все время спрашивает себя с мучительною боязнью надежды и страха: «на правильном ли я пути? Виновен я или нет? Стану ли я праведником или буду

обречен на вечные муки?» Что это, в сущности, как не простертый в бесконечность вид эгоизма, который при всей своей бесконечности тем не менее не является блаженным. Брат, по возможности скорей, постарайся стать выше всего. «Ты на неправильном пути; ты, вероятно, попадешь в ад». Смотри на это как на действительность, привыкни к этой мысли, если ты человек. Тогда только всепоглощающая вселенная будет тобою побеждена и из мрака полночи, из суеты алчного Ахерона, выплывет рассвет вечного утра и осветит твою крутую тропу высоко, выше всех надежд и всей боязни, и пробудит в твоем сердце небесную музыку.

14. Увы, самый бесполезный из всех смертных — это сентиментальный человек. Даже допуская, что он искренен и не обманывал нас постоянно, — что же в нем хорошего? Не служит ли он нам вечным уроком сомнения и образчиком болезненного бессилия? Его добродетель преимущественно такая, которая каждой фиброй познает самое себя. Она совершенно больна; ей кажется, что она из стекла, что ее нельзя тронуть; она сама не решается позволить кому-нибудь тронуть себя. она ничего не может делать, и может, в крайнем случае, при самом тщательном

уходе лишь остаться в живых.

15. Самонаблюдение — несомненный признак болезни, независимо от того, является ли оно предвестником выздоровления или нет. нездорова та добродетель, которая изводит себя раскаянием и страхом или, что еще хуже, тщетно и хвастливо надувается. В обоих случаях в основании лежит самолюбие или бесполезное оглядывание назад для измерения пройденного расстояния, — между тем единственная наша задача — безостановочно продвигаться вперед и идти дальше.

Если в какой-нибудь сфере человеческой жизни уместны целостность и бессознательность, то это во внутренней и самой интимной жизни его, — в жизни нравственной, так как они служат доказательством ее. Свободная, разумная воля, которая живет в нас и в наших Святая святых, может на деле быть свободной и искать повиновения, как Божество; это составляет ее право и стремление. Полное повиновение всегда будет немым.

16. Человек ниспослан сюда не для сомнения, а для работы. Цель человека — так уже давно написано — проявляется в поступках, а не в мыслях. В состоянии совершенства все мышление было лишь образом и вдохновляющим символом де-

ятельности, а философия существовала в форме поэзии и религии. И тем не менее как может она оставаться в этом несовершенном состоянии, как можно обойтись без нее?

Человек также постоянно находится в центре природы; время его окружено вечностью, — пространство его окружено бесконечностью. Как он может воздержаться, чтобы не спросить себя. «Кто я? откуда я пришел? Куда я когда-нибудь пойду?» Какой иной ответ может он получить на эти вопросы, кроме поверхностных, частичных указаний и дружеских уверений и успокоений, в виде тех, какие мы, бывало, слышали от матери, когда она пробовала успокоить своего любопытного, невинного ребенка?

Сообразно с этим, болезнь метафизики продолжительна. Во все века должны опять возникать, в новых формах, эти вопросы о смерти и бессмертии, о происхождении зла, свободы и необходимости, и постоянно, время от времени, — будет повторяться попытка построить теорему вселенной. но она, к сожалению, останется всегда безуспешной, ибо какую теорему бесконечности могло бы создать конечное существо в достаточной и совершенной форме?

17. Тебе не нужно никакой «новой религии», и

ты, по всей вероятности, ее не получишь. У тебя и то больше «религии», чем ты используешь. Сегодня, взамен одной обязанности, которую ты исполняешь, тебе известны десять обязанностей, которые тебе приказано помнить, ты видишь в своем уме десять правил, которым нужно подчиняться! Исполни хоть одно из них; оно само укажет тебе еще десять других, которые должны и могли бы исполняться.

«А моя будущая судьба?» Ах, вот как, твоя будущая судьба! Твоя будущая судьба кажется мне, — в то время как это для тебя составляет главный вопрос, — весьма загадочной! Я не думаю, чтобы она могла быть хороша. разве не учил нас норвежец один, — с незапамятных времен, еще на рассвете веков, хотя он был лишь бедным язычником, — тому, что для труса не может быть и не бывает счастливой судьбы, что для него нет нигде пристани, за исключением преисподней у Хели, во мраке ночи. но трусы и мальчишки — те, кто жаждал удовольствия и дрожал перед болью. Для сего мира и для иного трусы составляют класс людей, созданных для того, чтобы быть «изолированными»: они ни на что больше не годны и не могут ожидать другой участи. Тут был больший, нежели один. Больший,

нежели один, учил нас, — не большей трусости, надеюсь. Брат, ты должен молить о душе; ты должен бороться энергично, — не на жизнь, а на смерть, — за то, чтобы снова вернуть себе душу! Знай, что «религия» не пилюля снаружи, а новое пробуждение твоего собственного «я» изнутри — и прежде всего оставь меня в покое с твоими «новыми религиями» здесь или где бы то ни было в другом месте.

18. Очень правильную теорию проповедует нам мудрец, а именно: «Сомнения какого бы то ни было рода нельзя удалить иначе как поступком». на этом основании советую человеку, который с трудом пробирается в темноте или при плохом освещении и внутренне молится о скорейшем наступлении дня, строго придерживаться другого, неоценимо дорогого для меня правила: «Исполняй долг, который тебе ближе всего, о котором ты знаешь, что это обязанность. Вторая обязанность покажется тебе тогда уже гораздо более ясной».

19. О брат, мы должны по возможности пробудить в себе душу и совесть, мы должны променять дилетантизм на честные стремления, а свои мертвые, каменные сердца — на живые сердца из плоти. Тогда мы познаем не одну только вещь, а бесконечный ряд вещей, в более или менее

ясной очереди, которые смогут быть сделаны. Исполни первую из них, — попробуй, — и вторая покажется тебе яснее и более удобоисполнимою; вторая, третья и трехтысячная сделается тогда возможной для нас.

20. Набожности по отношению к Богу, благородству мысли, которая вдохновляет человеческую душу и заставляет ее стремиться к небу, нельзя «научить» ни самыми избранными катехизисами, ни самой усердной проповедью или муштровкой. Ах, нет! совершенно иными методами это священное влияние может переходить от одной души к другой: особенно благодаря спокойному, постоянному примеру, спокойному выжиданию благоприятного настроения и надлежащего момента, к которому должно присоединиться своего рода чудо, которое правильнее назвать «Божьим милосердием». но не красноречивее и не убедительнее ли целых библиотек ортодоксальной теологии бывает иногда «молчаливое деяние», бессознательный взгляд отца или матери, которые обладали «набожным благородством мысли»?

Действительно, надо удивляться тому количеству разнородных отсталых идей, которых и сейчас придерживается, хотя бы в ущерб себе,

бедный человеческий и детский ум. Массами стучатся они с шумом к ним, как будто бы это были вполне живые идеи.

21. Прежде всего, невозможно достаточно быстро согнать со света тот «усталый, возможный деизм», составляющий теперь нашу обыкновенную английскую веру. Какова, собственно, сущность человека, теоретически защищающего, с судорожной горячностью, Бога, — может быть, лишь неоспоримый символ и культ Бога, в остальном же, в мыслях, в словах и поступках, видно, что он живет, как будто его теория была только вежливою формою речи, а теоретический Бог его лишь отдаленный кумир, с которым он решительно ничего общего не имеет.

Глупец! Вечное не есть ограниченный образ в известном пространстве; Бог не только там, но и здесь, или нигде, — в твоем жизненном дыхании, в твоих помыслах и поступках, — и умно было бы с твоей стороны, если бы ты это запомнил. если нет Бога, как считал глупец в своем сердце, то продолжай жить с чувством внешней порядочности и с похвалой лишь на словах, с внутренней жадностью и фальшью и со всей пустой, хитро придуманной неосновательностью, которая связывает тебя с Маммоной сего мира; но повторяем

мы, если Бог есть, то берегись! И все же, как в том, так и в другом случае, — что ты? Атеист бродит по ложному пути, и тем не менее в нем есть доля истины. Это правда, в сравнении с тобой, потому что ты, несчастный смертный, живешь в одной сплошной лжи и сам представляешь собою олицетворенную ложь.

22. Представь себе человека, который советует своим собратьям верить в Бога для того, чтобы чартизм попал в арьергард и чтобы рабочие в Манчестере могли спокойно остаться за своими станками. Трудно себе представить более дикую идею! Друг мой, если тебе когда-нибудь удастся уверовать в Бога, то ты убедишься в том, что весь чартизм, манчестерские бесчинства, парламентская некомпетентность, ветреные министерства, самые дикие социальные вопросы и сожжение всей этой планеты — ничто в сравнении с этим.

23. С человеком, который, будучи честен по отношению к самому себе, приступает к делу и всю душу вкладывает как в разговор, так и в поступки, — всегда можно что-нибудь сделать. Сам сатана был, по Данте, предметом достойным похвал по сравнению с теми ангелами, которыми изобилует наше время, которые не были ни мятежными, ни верными и только думали о

своем собственном маленьком я — представители умеренности и аккуратности, которые были приговорены к ужасным мучениям в Дантовом аду и лишены были надежды умереть (non han speranza di morte), а должны были застыть без смерти и без жизни, в грязи, мучимые мухами, спать беспрестанно и терпеть, — «Бога ненавидят так же, как врага Божьего».

24. Собственно говоря, ничто не может внушать такого презрения и нет ничего более достойного отвращения и забвения, чем полумошенник, который не правдив и не лжив, который никогда в жизни не сказал правды и не совершил честного поступка — ведь дух его живет в сумерках с кошачьими глазами, которые не в состоянии узнать правду, — и у которого, само собой разумеется, не хватает мужества совершить или сказать полную ложь, вследствие чего вся жизнь его проходит в склеивании правды с неправдой с целью создать из этого нечто правдоподобное.

25. Несомненно, что наступит день, когда снова узнают, какая сила лежит в чистоте и воздержании жизни, как божествен стыдливый румянец на щеках молодых, как высока и целебна это обязанность, возложенная не только на одних женщин, а на все создания вообще. Если бы такой

день никогда не настал, тогда я полагаю, что и многое другое никогда не вернется. Великодушие и глубокомыслие никогда не вернутся; героическая чистота сердца и глаз, благородная, благочестивая храбрость, окружающая нас, — и образцовый век, как могут они когда-либо вернуться?

26. Но, во всяком случае, ясно, что не школа, пройденная в служении дьяволу, а только наше решение бросить эту службу направляет нас к правильным, мужественным поступкам. Мы становимся людьми не тогда, когда отступили, разочарованные в погоне за ложными удовольствиями, а после того, как мы почему-либо поняли, какие непреодолимые препятствия окружали нас в течение всей жизни, как безрассудно нашей «смертной» душе ожидать удовлетворения от подарков этого бесконечно суетного мира, поняли, что человек не должен довольствоваться самим собою и что для страдания и терпения нет иногда средства, кроме стремления и поступков. Мужественность начинается, когда мы, каким бы то ни было образом, заключаем перемирие с необходимостью; она даже начинается, когда мы, как это делает большинство, покоряемся необходимости; но весело и полна надежд начинается

она лишь тогда, когда мы примиримся с необходимостью; тогда мы действительно торжествуем и чувствуем, что стали свободными.

27. К чему эта смертельная спешка заработать деньги? Я не попаду в ад, даже если я не заработаю денег. Мне говорили, что есть еще другой ад.

28. Читатель, — даже читатель христианин, как ты себя называешь, — имеешь ли ты представление о рае и об аде? Я думаю, что нет. Хотя слова эти часто у нас на языке, они тем не менее представляют для большинства из нас нечто сказочное или полусказочное, точно преходящий образ или малозначащий звук.

И тем не менее следует раз навсегда знать, что это не образ, не мысль, не полусказка, а вечная, высшая действительность. «Никакое море из сицилианской или иной серы уже нигде не горит в наше время», — говоришь ты? ну так что же, что не горит, — верь или не верь этому, как хочешь, и твердо придерживайся этого, как настоящей выгоды, как способа подняться в высшие стадии, к дальним горизонтам и странам. Исчезло ли все это или нет, — думай как хочешь. но ты не должен верить, что исчезло или может исчезнуть из человеческой жизни бесконечное, имеющее практическое значение, выражаясь строго ариф-

метически!

О брат! Разве не было момента, когда бесконечное страха, надежды, сострадания ежеминутно обнаруживалось перед тобой, несомненным и неназванным. Не являлось ли оно тебе никогда как сияние сверхъестественного, вечного океана, как голос глубокой вечности, звучащей где-то до самой глубины твоего сердца? Никогда? В таком случае, к сожалению, причина не в твоем либерализме, а в твоем анимализме. Бесконечное вернее, нежели какая-либо другая действительность. однако только люди могут это различить; бобры, пауки и хищные животные из породы коршунов и лисиц не различают этого!

Слово «ад» еще очень употребительно в английском народе, но мне трудно определить, что оно должно означать. Обыкновенно ад обозначает бесконечный страх, то, чего страшно боится и перед чем дрожит человек, который он старается избежать всеми силами своей души. Поэтому есть ад, если как следует об этом подумать, который сопровождает человека по всем ступеням его истории и религиозного или иного развития, но ад весьма различен у разных людей и народов.

У христиан существует бесконечный страх перед тем, что справедливый Судья может найти их

виновными. У древних римлян был, как я себе это представляю, страх не перед Плутоном, который их, вероятно, очень мало пугал, а страх перед недостойными, недобродетельными или что в основном означало у них — немужественными поступками. А теперь, если проникнуть сквозь ханжество и посмотреть на суть вещей, чего же современная душа бесконечно боится на деле и поистине? На что смотрит она с полнейшим отчаянием? Что составляет ее ад? Не торопясь и с удивлением выговариваю я это: ее ад — это страх перед недостатком успеха; боясь, что не удастся приобрести денег, славы или иных земных благ, особенно же денег. разве это не своеобразный ад?

Да, он очень своеобразен. если у нас нет «успеха», на что мы нужны? Тогда было бы лучше, если бы мы вовсе и не появлялись на свет Божий…

В действительности же этот ад принадлежит, конечно, евангелию маммонизма, который имеет и соответствующий рай. Ведь, в сущности, действительность представляется в виде различных призраков; на одну вещь мы смотрим вполне серьезно, а именно на наживание денег. Трудящийся маммонизм делит мир с праздным дилетантизмом, который со свойственным ему

аристократизмом пользуется своими правами свободной охоты; слава Богу, что есть хоть маммонизм или что-либо иное, к чему мы относимся серьезно. Лень, — самое скверное, — только одна лень живет без надежды; работай серьезно над чем бы то ни было, и ты постепенно привыкнешь ко всякому труду. В работе лежит бесконечная надежда, даже если эта работа делается ради наживания денег.

Действительно, надо сознаться, что в настоящее время с нашим евангелием маммонизма мы пришли к странному выводу. Мы называем это обществом и вместе с тем открыто признаемся в совершеннейшей разобщенности и изолированности. наша жизнь не взаимная помощь, а скорее, под прикрытием военных законов, которые называются «свободной конкуренцией» и т. д., — взаимная вражда. Мы совершенно и повсеместно забыли, что «наличный расчет» не составляет единственной связи между человеческими существами, и мы твердо уверены в том, что все обязательства человека этим исчерпываются. «Мои голодающие рабочие? — отвечает богатый фабрикант. — разве я их не честно нанимал на рынке? Разве я не уплатил им всей условленной суммы до последней копейки? Что

же мне еще с ними делать?»

Правда, поклонение маммоне очень скучная религия. Когда Каин для собственной выгоды убил Авеля и его спросили: «Где брат твой?» — он также ответил: «разве я сторож брату моему? разве я не уплатил брату своему того, что он от меня заслужил?»

О, любящий роскошь богатый купец, сиятельный, занимающийся охотой герцог, разве нет другого средства для уничтожения твоего брата, кроме грубого способа Каина?

«Хороший человек уже обещает кое-что своею наружностью, своим присутствием в качестве спутника в жизненном странствии». Беда ему, если он забудет все такие обещания, если он никогда не поймет, что они были даны. Для омертвевшей души, которая преисполнена лишь немым идолопоклонством чувств, для которой ад и недостаток в деньгах имеют одинаковое значение, все обещания и нравственные обязанности, неисполнение коих не подлежит судебному преследованию, как бы не существуют. Ей можно приказать уплатить деньги, — но больше ничего. Во всей прошлой истории я не слышал о таком обществе где бы то ни было на Божьем свете, которое основывалось бы на такой философии;

и, надеюсь, во всей будущей истории не найти ничего подобного.

Не так создана вселенная; она создана иначе. Человек или нация людей, думающих, что они так созданы, простосердечно продвигаются дальше, шаг за шагом, но мы знаем, конечно, куда. В последние два века атеистического правления — теперь почти двести лет прошло с благословенного водворения священной особы его величества и защитника веры Карла II — мы, по моему мнению, в достаточной мере исчерпали ту прочную почву, по которой могли еще ходить, а теперь мы стоим на краю пропасти в страхе и опьянении и надеясь отступить назад!

Дело в том, что из того, что мы называем атеизмом, вытекает еще такая масса других «измов» и ошибок, каждого из коих преследует соответствующее несчастье! — Душа не ветер, заключенный в капсулу. Всемогущий Создатель не часовщик, который когда-то, в доисторические времена, сделал часы из вселенной и сидит с тех пор перед ними и следит, что с ними творится! Вовсе нет. Отсюда происходит атеизм, отсюда являются, как мы говорим, многие другие «измы», и итогом всего является рабство, противоположность героизму, печальный корень всех страданий, какими

бы именами они ни назывались. И действительно, точно так же как ни один человек никогда не видел вышеупомянутого ветра, заключенного в капсулу, и считает это, строго говоря, более ложным, нежели понятным, — он одинаково находит, что всемогущий часовщик представляет собой весьма сомнительный предмет и в соответствии с этим отрицает его и вместе с ним еще многое другое. К сожалению, неизвестно, что именно и сколько другого!

Ведь вера в невидимое, безымянное и божественное, присутствующее во всем, что мы видим, делаем и переживаем, составляет сущность всякой веры, как бы она ни называлась, и, если еще это отрицать или, что еще хуже, признавать это только на словах или в переплетенных молитвенниках, что же вообще останется тогда достойное веры?..

Один из фактов, приведенных доктором Элисоном в сочинении его о призрении бедных в Шотландии, произвел на нас глубокое впечатление. Бедная ирландская вдова, муж которой умер на одной из маленьких улиц Эдинбурга, лишенная всяких средств к существованию, покинула свою квартиру с тремя детьми, для того чтобы просить помощи в благотворительных

учреждениях этого города. ее стали направлять из одного учреждения в другое, ни в одном из них ей не пришли на помощь, пока наконец силы окончательно не оставили ее. она заболела тифом, умерла и заразила всю улицу, на которой жила, своей болезнью, так что еще семнадцать человек умерло от тифа.

Человеколюбивый врач спрашивает по этому поводу, как будто сердце его слишком переполнено для того, чтобы как следует высказаться: «не следовало ли бы помочь этой бедной вдове, хотя бы ввиду экономии?» Она заболела тифом и убила семнадцать человек из вас! — очень странно! Покинутая ирландская вдова обращается к своим собратьям, как бы говоря: «Смотрите, я валюсь с ног из-за отсутствия помощи; вы должны помочь мне! Я ваша сестра, кость от костей ваших, нас сотворил один Господь; вы должны помочь мне!» Они отвечали: «Нет, это невозможно; ты нам не сестра». Но она доказывает свое родство: ее тиф убивает их. Они действительно были ей братья, хотя и отрицали это! нужно ли было когда-либо человеческому существу искать еще более глубокие доказательства?

В этом случае, как и в других, оказалось вполне естественным, что управление бедных богатыми

предоставлено уже давно теории спроса и предложения, laissez faire и т. д., и везде считается «невозможным». «Ты не сестра нам: где была бы хоть тень доказательства этому? Вот наши пергаменты, наши замки, которые неоспоримо доказывают, что наши денежные ящики действительно наши и что они тебя совершенно не касаются. Иди своей дорогой! Это невозможно!» — «но, что же нам, собственно, делать?» — слышу я возглас многих рассерженных читателей.

Ничего, друзья мои, до тех пор, пока вы себе снова не приобретете душу. До тех пор все будет «невозможным». До тех пор я даже не могу предложить вам купить на два пенса пороха и свинца, как бы сделали древние спартанцы, чтобы убить эту бедную ирландскую вдову без рассуждения. Ей ничего больше не оставалось, как умереть, заразить вас своим тифом и доказать этим свое родство с вами. Семнадцать из вас, лежащих мертвыми, уж не будут отрицать, что она была плотью от плоти вашей, и, может быть, кое-кто из живых также примет это к сердцу.

«Невозможно». об одном пернатом, двуногом животном говорят, что если вокруг него отчетливо обвести кольцо мелом, то оно сидит заключенным, как бы окруженным железным

кольцом судьбы и умирает, хотя уже и видит пищу, или дает себя откормить до смерти. Имя этого бедного двуногого существа — гусь, и когда он хорошо откормлен, то из него делают паштет, который многими очень ценится*.

29. Какие мы дураки! К чему мы израниваем себе колени и ударяем себя озабоченно в грудь и молимся день и ночь Маммоне, которая, даже, если уже и согласилась бы услышать нас, не может нам, однако, ничего дать. Если даже допустить, что глухой бог услыхал бы нашу мольбу, что он превратил бы нашу медь в массивное золото и всех нас, голодных обезьян богатства и важности, превратил бы завтра в настоящих ротшильдов и говардов, что бы мы от этого еще имели? Разве мы и так не граждане этой чудной вселенной с ее млечными путями и вечностями и с ее невыразимым блеском, что мы так мучаемся, и трудимся, и рвем друг друга на куски, чтобы как-то выиграть еще клочок земли, а чаще еще лишь призрак его, в то время как самого большого из этих владений не видать уже и с луны.

Как мы глупы, что копаемся и возимся, подобно дождевым червям, в этих наших владениях, даже если у нас таковые имеются, и издали наблюдаем небесные светила и радуемся им, зная о

них только по непроверенным и недостоверным легендам! Должны ли те фунты стерлингов, которые у нас, может быть, хранятся в Английском банке, — или фантомы этих фунтов, владение коими мы себе воображаем, скрыть от нас сокровища, для которых все мы в этом «Божьем граде» родились?

30. Как многое у нас могло бы сравниться с окрашенным гробом — снаружи одно великолепие и крепость, а внутри полно ужаса отчаяния и мертвых костей! Железные военные дороги соединяют между собою своими огненными колесницами все концы суши, набережные и молы с их несметными флотами, подчиняют океан и делают его нашим покорным носильщиком; работа неутомимо двигает миллионом рук из мускулов или железа, начиная с горных вершин и кончая глубиною шахт и морскими гротами, и ставя все на службы людям, и тем не менее это человеку ничем не помогает. он завоевал эту планету, свое местопребывание и свое наследство и не имеет от этой победы никакой пользы.

Печальная картина! На высочайшей ступени цивилизации девять десятых человечества должно вести самую низкую борьбу дикого или даже животного человека, борьбу с голодом! Страны

богаты, и рост и процветание их достигают еще никогда небывалой высоты; но люди этих стран бедны — беднее, чем когда-либо, всеми внешними и внутренними средствами к существованию, верой, знанием, деньгами, хлебом.

31. Эта преуспевающая промышленность с ее полнокровным богатством еще никого не обогатила. Это заколдованное богатство, и оно до сих пор еще никому не принадлежит. Мы спросили бы: кого из нас оно обогатило? Мы можем потратить тысячи там, где в былое время тратили сотни, но мы не можем на них купить ничего хорошего. У богатого и бедного мы видим, вместо благородного трудолюбия и избытка, лишь ленивую, пустую роскошь наряду с низкой нуждой и недостатком. У нас великолепные рамки для жизни, но мы забыли жить в них. Это заколдованное богатство, и никто из нас не мог до сих пор дотронуться до него. если есть люди, которые чувствуют, что они действительно этим приобрели благополучие, пусть назовут себя!

Многие люди едят более тонкие блюда и пьют более дорогие вина. С какою пользою, об этом могут сказать нам они и их врачи, но в каком отношении, не говоря о диспепсии их желудка, улучшилось их существование? Стали они лучше,

красивее, сильнее, честнее? Стали ли они даже, как они называют, «счастливее»? Смотрят ли они с удовольствием на большее количество вещей и на человеческие лица в Божьем мире? Смотрят ли на них с удовольствием больше вещей и человеческих лиц? Конечно нет. Человеческие лица смотрят друг на друга грустно и недоверчиво. Вещи, кроме тех, которые состоят из хлопка и железа, не подчиняются человеку. на хозяине лежит теперь такое же проклятие, как и на его работнике.

32. Следует обратить внимание еще и на нечто другое, что часто приходится слышать современному человеку: общество «существует для защиты собственности». еще прибавляют, что и у бедного человека есть имущество, а именно его «работа» и тот шиллинг или те три шиллинга, которые он ежедневно на ней зарабатывает. Довольно верно, друзья мои, что «для защиты собственности», очень верно: если вы только желали вполне подтвердить восьмую заповедь, то все «права человека» были бы обеспечены. «Ты не должен красть, тебя не должны обкрадывать»: какое это было бы общество! Республика Платона и утопия Мора только бледные его изображения. Дай каждому человеку точную цену того, что он

сделал и кем был; тогда никто не будет больше жаловаться и страдание будет удалено со света. Для защиты собственности, действительно только для этого!

Что же, собственно, твое имущество? Эти грамоты, этот денежный кошелек, который ты носишь в кармане? Это ли составляет твою ценную собственность? несчастный брат, ты беднейший, несостоятельный брат; у меня совсем нет одежды; кошелек мой тощ и легок, — и тем не менее у меня совсем другое богатство. Во мне есть чудное, живое дыхание, которое вдохнул в меня всемогущий Бог. Во мне есть чувства, мысли, Богом данная способность быть и действовать, и поэтому у меня есть права, например право на твою любовь, если я тебя люблю, на твое руководство, если я слушаюсь тебя: самые необыкновенные права, о которых еще иногда говорят с кафедры, хотя и в почти непонятной форме, которые простираются в бесконечность, в вечность!

Шиллинг в день, три шиллинга в день, тысячу шиллингов в день — это ты называешь моею собственностью? Я мало ценю ее; ничтожно все, что я могу на это приобрести. Как уже было сказано, что же в этом заключено? В рваных ли сапогах, или в легких рессорных экипажах, запряженных

четверкой лошадей, — все равно человек одинаково доходит до конца путешествия.

Сократ ходил босиком или в деревянных туфлях, а тем не менее прибыл благополучно. Его не спросили ни о туфлях его, ни о доходе, а только о его работе. — Собственность, брат мой? Даже само тело мое и то принадлежит мне лишь на время жизни. А мой тощий кошелек, это «нечто» и это «ничего», был рабом у карманных воров, ростовщиков и маклеров: он принадлежал им, он мой, а теперь твой, если ты захочешь украсть его. но душа, которую Бог в меня вдохнул, — мое я и его силы принадлежат мне, и я не позволю их украсть. Я называю их моими, а не твоими; я хочу сохранить их и действовать с их помощью, насколько возможно: Бог их дал мне, и черт их у меня не отнимет. О друзья мои! Общество существует для очень многих целей, которые не так легко перечислить.

Верно то, что общество ни в какое время не препятствовало человеку стать тем, чем он может стать. Черный как смоль негр может стать Туссеном-Лувертюром, убийцей, трехпалым человеком, что бы ни говорила об этом желтая Западная Индия. Шотландский поэт, «гордящийся своим именем и своею страной», может ревностно об-

ратиться к «господам календонской охоты» или стать измерителем пивных бочек или же трагичным, бессмертным певцом с разбитым сердцем; смягченное эхо его мелодии слышно в течение многих столетий и звучит в святом «Miserere», которое во все века и из всех стран подымалось к небу. Ты, несомненно, не помешаешь мне стать тем, чем я могу стать. Даже по поводу того, чем я мог бы стать, я предъявляю тебе удивительные требования, — кажется, неудобно теперь сводить счеты. Защита собственности? Какие приемы усвоило бедное общество, которое хочет еще оправдать свое существование в такое время, когда только денежные дела связывают людей? Мы вообще не советуем обществу говорить о том, для чего оно существует, а употребить все усилия на то, чтобы существовать, стараться удержаться в жизни. Это самое лучшее, что оно может сделать. оно может положиться на то, что, если бы оно только существовало для защиты собственности, оно тотчас потеряло бы способность к этому.

33. Первый плод богатства, особенно для человека, рожденного в богатстве, — это внушить ему веру в него и при этом скрыть от него, что есть еще и другая вера. Таким образом, он воспитывается в жалкой видимости того, что называется

честью и приличием.

34. Я тоже знаю Маммону, английские банки, кредитные системы, возможность международного труда и сообщения и нахожу их достойными сочувствия и удивления. Маммона, как огонь, — самый полезный из всех слуг, но и самый ужасный из всех повелителей. Клиффорды, Фиц-Адельмы и борцы рыцарства «желали одержать победу» — это не подлежит сомнению. Но победа, — если она не достигалась в известном духе, — не была победой, и поражение, перенесенное в известном духе, в сущности, было победой. Я повторяю, если бы они только считали скальпы, то остались бы дикарями, и не могло бы никогда быть речи о рыцарстве или о продолжительной победе.

А разве нельзя найти благородства мысли в промышленных борцах и вождях? Разве для них одних, среди людей, никогда не будет никакого другого блаженства, кроме наполненных касс? Видеть вокруг себя красоту, порядок, благодарности, преданные человеческие сердца и не усматривать в этом никакого значения; неужели лучше видеть в обществе искалеченность, возмущение, ненависть и отчаяние от полмиллиона гиней? Разве проклятие ада и полмиллиона кусочков металла могут заменить благословение

Божье? разве нет никакой пользы в разрастании благодати Божьей, и она только в денежной наживе?

Если это так, то я предвещаю, что фабрикант и миллионер должен быть готов к тому, чтобы исчезнуть; что и он не рожден быть одним из властелинов сего мира; что и его нужно каким-нибудь способом низвергнуть, связать и поставить наряду с прирожденными рабами сего мира! Нам не нужны дикари, которые не могут постепенно превращаться в благородных рыцарей. Наша благородная планета не хочет ничего знать о них и в конце концов не терпит их более!

Неутомимое в своем милосердии небо ниспосылает в этот мир еще другие души, для которых, равно как и для их предшественников в древнеримские, древнееврейские и в иные благородные времена, всесильная гинея, по существу, оказывается бессильной гинеей… И таких душ не одна, а много; они существуют и будут существовать, если только боги не осудили этот мир на скорую, ужасную гибель.

Все они избранники мира, прирожденные борцы, сильные мужи и Самсоны — освободители этого бедного мира, так что бедному миру — Далиле не всегда удастся лишать их силы

и зрения и заставлять в полной тьме вертеть жалкий мельничный жернов! В наши дни такие души не будут в ладу с миром. Даже Байрон в конечном счете был доведен до сумасшествия и решительно отказывался подчиниться миру. Мир с его несправедливостями, основанными на золоте жестокостями и надоедливыми желтыми гинеями вызывает отвращение у таких душ.

35. Деньги есть нечто чудодейственное. Какие удивительные преимущества предоставили и еще предоставят они нам, но вместе с тем какую невообразимую путаницу и темноту внесли они в наши представления вплоть до полного исчезновения нравственных чувств у больших масс людей.

«Защита собственности», того, что является «моим», для большинства людей означает защиту денег — вещи, которая, даже если бы я мог держать ее под тысячью замками, меньше всего моя и в известной степени едва ли заслуживает того, чтобы я назвал ее своей! Символ считается священным и защищается с помощью розг, веревок и виселиц, а собственно предмет, который он обозначает, просто-напросто отдается на поругание.

36. «Люди перестают ценить деньги? В таком

случае, к чему же иному все они стремятся? Даже епископ поведал мне, что христианство перестанет существовать, если он не будет иметь в кармане по меньшей мере четыре с половиной тысячи фунтов в год. Люди перестают уважать деньги? Это случится не раньше чем в день Страшного суда пополудни!»

О нет, мое мнение несколько иное. Мне представляется, что Высшие Силы еще не вынесли решения уничтожить этот наш мир. Достойное уважения, все увеличивающееся меньшинство, которое действительно стремится к чему-то высшему, чем деньги, — я с надеждой ожидаю его. оно будет все возрастать до тех пор, пока, подобно соли земли, не проникнет во все части мира. Христианство, которое не может существовать без минимума в четыре с половиной тысячи фунтов, уступит место лучшему, не имеющему надобности в этой сумме. Ты не хочешь присоединиться к нашему небольшому меньшинству? Не ранее как в день Страшного суда пополудни? Хорошо; тогда, по крайней мере, ты присоединишься к нему, ты и большинство в массе своей!

Приятно видеть, как грубое владычество Маммоны везде становится шатким и дает верное обещание умереть или измениться.

37. Конечно, было бы безумной фантазией ожидать, что какая бы то ни была проповедь с моей стороны может уничтожить маммонизм, что меньше станут любить гинеи и больше свою бедную душу, сколько бы я ни проповедовал! Есть, однако, один проповедник, который делает это с успехом и постепенно убеждает всех людей. Имя его — судьба, божественное Провидение, а проповедь его — непреклонный ход вещей. Опыт, несомненно, берет большую плату за учение, но и учит он лучше всех учителей.

38. Человеку работающему, старающемуся хотя бы и самым грубым образом продвинуть какое-нибудь дело, ты поспешишь навстречу с помощью и одобрением и скажешь ему: «Добро пожаловать; ты наш; мы будем о тебе заботиться». Лентяю же, наоборот, если он даже самым грациозным образом будет лентяйничать и если он подойдет к тебе с целой массой свидетельств, ты не пойдешь навстречу. Ты будешь спокойно сидеть и даже не пожелаешь встать. Ты ему скажешь: «Я тебя не приветствую, о сложная аномалия, лучше бы ты не приходил сюда, потому что кто из смертных знает, что с тобой делать? Твои свидетельства, конечно, стары, достойны почтения и желты; мы чтим пергаменты, старые

установления и достойные уважения обычаи и происхождение.

Действительно, твои пергаменты стары и, однако, — рассмотренные при свете, если ты обратишь на это внимание, — они новы, если сравнить их с гранитными скалами и со всей вселенной! Советуем тебе уложить свои пергаменты, уйти домой и зря не шуметь.

Наше сердечное желание — помочь тебе; но пока ты представляешь собою лишь несчастную аномалию и у тебя нет ничего, кроме желтых пергаментов, шумной, пустой суеты, ягдташа и лисьих хвостов, — до тех пор никакой Бог и ни один человек не может отвратить от тебя угрожающей опасности. Слушайся советов и присматривайся, не найдется ли на Божьем свете для тебя другого занятия, кроме грациозного лентяйничанья, не лежат ли на тебе какие-нибудь обязанности? Спроси, ищи серьезно и со страстной настойчивостью, так как ответ для тебя означает: быть или не быть. Мы обращаем свое внимание на то, что старо как мир и что теперь снова раскрывается со всей суровостью: тот, кто не может работать в этом мире, не может продолжать существовать в нем».

39. Маммонизм захватил по крайней мере одну

часть того поручения, которое природа дала человеку, и после того, как он ее захватил и исполняет, поручения природы все более и более захватят человека и приноровят его к себе. Лень, однако, совершенно не признает природы. Делать деньги, в сущности, значит работать для того, чтобы получать деньги. но что это значит, когда в аристократической части Лондона лентяйничают?

40. Кто ты, что позволяешь себе хвастаться своей праздной жизнью и самодовольно выставляешь напоказ блестящие, раззолоченные экипажи с мягкими подушками, где сидишь, сложа руки, словно собираясь уснуть? Взгляни наверх, вниз, вокруг, впереди и позади себя, не увидишь ли ты где-нибудь хоть единого праздного героя, святого, Бога или хотя бы черта? Ничего этого ты не увидишь! На небе, на земле, в воде и под землей нет похожего на тебя. Ты единственный в своем роде из всех творений и принадлежишь ты нынешнему странному веку или пятидесятилетию! На свете существует лишь одно чудовище, и это — праздный человек. В чем его «религия»? Что природа — призрак; что хитрый попрошайка и вор может иногда хорошо прокормиться; что Бог — ложь и что человек и жизнь человеческая тоже лишь ложь.

41. Овцы по трем причинам ходят вместе: во-первых, оттого что у них общительная натура и они охотно бегут вместе; во-вторых, из-за своей трусости, потому что они боятся оставаться одни; в-третьих, потому что большинство из них, по пословице, близоруки и не умеют сами выбирать дорогу. Действительно, овцы почти ничего не видят и не заметили бы в небесном свете и в луженой жестяной посуде ничего, кроме невероятного ослепительного блеска.

Как похожи на них во всех этих отношениях существа, принадлежащие к человеческой породе! И люди тоже общительны и охотно ходят стадами; во-вторых, и они трусливы и неохотно остаются одни; в-третьих и прежде всего, они близоруки почти до слепоты.

42. Но разве так мало людей-мыслителей? Да, милый читатель, очень мало думающих; в том-то и дело! Один из тысячи имеет, может быть, наклонность к мышлению; а остальные занимаются лишь пассивным мечтанием, повторением слышанного и активным фразерством. Глазами, которыми люди озираются вокруг себя, видеть могут только немногие. Таким образом, мир стал ужасной сумятицей и задача каждого человека переплелась с задачей его соседа и выбивает его

из колеи, а дух слепоты, фальши и разрозненности, который правильно называют дьяволом, постоянно является среди нас и даже надеется (если бы не было противодействия, которое благодаря Богу также присутствует) взять верх.

43. Как мало человек знает самого себя! Эзоповская муха сидела на колесе экипажа и кричала: «Какую я пыль подымаю!» Одетые в пурпур властелины со скипетрами и роскошными регалиями часто управляются своими камердинерами, капризами своих жен и детей; или, в конституционных странах, — статьями редакторов газет. Не говори: я то или другое, я делаю то или другое. Этого ты не знаешь; ты только знаешь название, под которым оно теперь идет.

44. Неисчислимы обманы и фокусы привычки. Самый же ловкий из всех, может быть, тот, который убеждает нас, что чудо перестает быть чудом, если только повторяется. Это способ, которым мы живем, так как человек должен работать так же, как и удивляться, и в этом отношении привычка служит ему хорошей няней, которая ведет его к его же настоящей пользе. Но эта нежная, глупая няня, или скорее — мы фальшивые, глупые питомцы, если в часы покоя и размышлений продолжаем обманывать себя на этот счет.

Должен ли я смотреть с тупым хладнокровием на вещь, достойную удивления, потому, что я ее видел два раза, или двести раз, или два миллиона раз? Ни в природе, ни в искусстве нет основания, по которому это следовало бы сделать, если я в действительности не рабочая машина, для которой Божий дар мысли подобен земному дару пара для паровой машины, — силе, при помощи которой можно ткать бумажные изделия и зарабатывать деньги и денежную стоимость.

45. Удивительно, как существа, принадлежащие к человеческому роду, закрывают глаза на самую ясную действительность и вследствие вялости забвения и тупоумия живут очень уютно среди чудес и страшилищ. на деле же человек был и является всегда глупым и ленивым и гораздо более склонен чувствовать и варить пищу, нежели думать и размышлять. Предубеждение, которое он будто бы ненавидит, — его абсолютный законодатель. Привычка и лень водят его всюду за нос. Пусть два раза повторится восход солнца, сотворение мира — и это перестанет быть чудом или замечательным явлением.

46. Может ли быть нечто удивительнее настоящего подлинного духа? Англичанин Джонсон всю жизнь мечтал о том, чтобы таковой увидеть,

и не мог, несмотря на то что ходил в Кок-Лэн и оттуда в церковные склепы, где стучал по гробам. Безумный доктор! разве он никогда не смотрел духовным оком, точно так же как и телесным, вокруг себя на полнокровный поток человеческой жизни, которую он так любил; смотрел ли он когда-нибудь и на то, что было внутри его самого? Славный доктор ведь сам был духом, такой настоящий, действительный дух, какого только могло желать его сердце, и почти миллион других духов бродило возле него по улицам.

Еще раз повторяю: исключите иллюзию времени, скомкайте эти шестьдесят лет в шесть минут — чем иным был он, чем иным являемся мы сами? Не духи ли мы, заключенные в одно тело, в одно явление, не исчезающие в воздухе и не становящиеся невидимыми? Это не метафора, а обыкновенная, научная действительность. Мы происходим из ничего, принимаем известный образ и становимся явлениями.

47. Причудливое представление, которое мы имеем о счастье, приблизительно следующее. Благодаря известным оценкам и по расчетам, составленным в соответствии с собственным масштабом, мы приходим к определенному среднему земному жребию, о котором мы думаем, что

он принадлежит нам по праву от природы. Это как бы простая оценка нашего вознаграждения, наших заслуг и не требует ни благодарности, ни жалоб. Только случайный плюс мы принимаем за счастье, — любой недостаток — за горе.

Представим себе, что мы сами станем производить оценку своих заслуг и какая масса самолюбия в каждом из нас. Тогда надо только удивляться, как часто чаша весов наклоняется в противоположную сторону, и иной дурак восклицает:

«Посмотри-ка, какая плата; случалось ли когда-нибудь такому достойному человеку, как я, видеть что-либо подобное?» Я говорю тебе, дурак, причина лежит исключительно в твоей пустоте, в заслугах, которые ты только воображаешь, что имеешь. Представь себе, что ты заслуживаешь, чтобы тебя повесили (что, вернее всего, правда), а ты считаешь за счастье, если тебя лишь расстреляют. Представь себе, что ты заслуживаешь быть повешенным на заволоке и для тебя будет блаженством умереть на конопле.

Поэтому претензии, какие ты предъявляешь к счастью, должны равняться нулю: мир под твоими ногами. Правильно писал умнейший человек нашего времени: «Жизнь начинается

только отречением».

48. Счастье, в котором ищут цель своего бытия, и вся эта очень неблагородная мелкая теория, в сущности говоря, если хорошенько сосчитать, существует на свете еще неполных двести лет.

Единственное счастье, просьбами о котором утруждал себя достойный человек, было счастье от выполнения своей работы. не «я не могу есть», а «я не могу работать» было наиболее частой жалобой среди мудрых людей. В сущности говоря, все-таки это единственное несчастье человека, когда он не может работать, когда он не может исполнить своего назначения, как человек. Смотрите, день быстро проходит, наша жизнь скоро проходит и наступает ночь, когда никто не может трудиться.

49. В человеке есть нечто выше любви к счастью. он может обойтись без счастья и взамен него найти блаженство. Для того чтобы проповедовать это самое высшее, разве ученые, мученики, поэты и священники не говорили и не страдали во все века и разве они не представляли доказательства — в жизни и смерти — в божественном, которое есть в человеке, и в том, что он только в божественном обладает силою и свободой?

И это Богом вдохновенное учение тебе также проповедуется и тебя также преследуют различные милосердные соблазны, пока ты не почувствуешь и не научишься их сокрушению! Благодари судьбу свою за это и переноси с благодарностью остальное — оно тебе нужно; «самость» должна была быть уничтожена в тебе.

Благодаря благотворным пароксизмам лихорадки жизнь прекращает глубоко лежащую хроническую болезнь и торжествует над смертью. Бушующие волны времени не поглощают тебя, а подымают в лазурь вечности. не люби удовольствия, а люби Бога. Вот вечное да, в котором разрешаются все противоречия, и каждому, кто по этому пути идет и действует, — становится хорошо.

50. Всякая работа, даже пряжа хлопка, благородна; только работа благородна, повторяю и утверждаю это еще раз. И, таким образом, всякое достижение — трудно. Легкой жизни нет ни для одного человека, ни для одного бога. Жизнь всех богов представляется нам возвышенною грустью — напряжением бесконечной борьбы с бесконечным трудом.

Наша наивысшая религия называется «поклонение страданию». Для сына человеческого не

существует заслуженно или даже незаслуженно носимой короны, которая не была бы терновым венцом. Все это было когда-то очень хорошо известно, будучи высказано словами или, еще лучше, прочувствовано инстинктивно каждым сердцем.

Разве вся низость, весь атеизм, как я это называю, человеческих поступков и деяний настоящего поколения в той невыразимой жизненной философии, — не кажется претензией быть, как люди это называют, «счастливыми». Самый жалкий из тех, кто бродит в образе человека, преисполнен мыслью, что он, согласно всем человеческим и божеским законам, имеет право быть «счастливым». его желания, — желания несчастнейшего бедняка, — должны быть исполнены. его дни, — дни несчастнейшего бедняка, — должны протекать в мягком течении наслаждения, что невозможно даже для самих богов. Фальшивые пророки проповедуют нам: «Ты должен быть счастлив; ты должен любить приятные вещи и найти их». И вот народ кричит: «отчего мы не нашли приятных вещей?»

51. Какая разница в том, счастлив ли ты или нет? «Сегодня» так скоро становится «вчера». Все «завтра» становятся «вчера», и тогда нет вопроса

о «счастье», а возникает совсем иной вопрос. Да, в тебе остается такое священное сострадание к самому себе, по крайней мере, что даже твои печали, раз они перешли во «вчера», становятся для тебя радостью. Сверх того, ты не знаешь, какое Божье благословение и какая необходимая целебная сила заключалась в них. Ты узнаешь об этом лишь спустя много дней, когда ты станешь умнее!

52. Если благородная душа становится в десять раз прекраснее от беды и счастья, потому что попадает в собственную лучезарную и пристойную ей стихию, то неблагородная, напротив, становится в десять раз и в сто раз более некрасивой и жалкой. Все пороки и слабости, которыми обладал человек-выскочка, представляются нам теперь, точно в солнечном микроскопе, увеличенными до страшного искажения.

53. Да, человеческая природа настолько превратна, что уже издавна нашли, насколько превышающее обыкновенную меру счастье опаснее, нежели меньшее, — и на сто человек, способных перенести несчастье, едва ли найдется один, способный перенести счастье.

54. Для умов, подобных Новалису, — земные блага отнюдь не бывают сладкими и полными, и

они со временем проповедуют большую необходимость отречения, благодаря чему только, как заметил мудрый человек, и можно считать, что человек действительно вступает в жизнь. облагораживающие влияния несбывшихся надежд и любви, которая в этом мире всегда останется безродной, — не зависят также от достоинства и от расположенности своих предметов, но от качества сердца, лелеявшего их и умевшего приобрести тихую мудрость из-за такого мучительного разочарования.

55. Когда человек несчастен, что он должен делать? Должен ли он жаловаться на того или иного человека, на ту или иную вещь? Должен ли он наполнять мир и улицы жалобами?

Безусловно нет; и даже наоборот. Все моралисты советуют ему не жаловаться на какого-либо человека или предмет, а только на себя самого. он должен узнать правду, что когда он несчастен, то, безусловно, раньше был неумным. если бы он верно следовал природе и ее законам, то всегда верная своим законам природа предоставила бы ему плоды, рост и блаженство. но он следовал другим законам — не законам природы, — и природа оставляет его беспомощным, так как терпение ее уже исчерпано, и отвечает ему с очень убеди-

тельной важностью: «нет». Не на этом пути, сын мой, а на ином найдешь ты здоровье; это же, как ты сам замечаешь, путь к болезни. оставь его!

56. Политические теории существовали всегда и будут всегда существовать и во времена упадка. Пусть они составляют своего рода явления природы, которая не делает ничего напрасного; да будут они шагами на ее пути. нет теории надежнее той, которая считает, что все теории, как бы они ни были серьезно и тщательно разработаны, должны быть, по своим свойствам, несовершенны, сомнительны и даже неверны. Ты должен знать, что вселенная, само собой разумеется, бесконечна. не пробуй проглотить ее ради твоего логического желудка; радуйся, если ты — тем, что прислан сюда, и тем, что ты там в хаосе строишь опору, мешаешь ему проглотить тебя. Многозначительный успех в том, что новое молодое поколение заменило страстную веру в евангелие по руссо исповеданием скептицизма: «Во что я должен верить?»

Благословенна надежда; с самого начала предсказывалось тысячелетнее царство, священное царство; но что достойно удивления: до этой новой эры нет царства полного удовольствия и большого излишка. Не верьте этому обето-

ванному царству лентяев, полного счастья, благоденствия и порока, избавленного от его уродства, друзья мои. человек не то, что называют счастливым животным, его стремление к благоденствию ненасытно. Как мог бы бедный человек в этой дикой вселенной, которая бросается на него, бесконечная, угрожающая, — я не говорю найти счастье, — как мог бы он жить, иметь твердую почву под ногами, если бы он не запасся терпением для постоянного труда и страданий! Сохрани Бог, если в его сердце нет набожной веры, если для него не имеет значения слово «обязанность»!

Что касается этих ожиданий, то они происходят от чувствительности, годной лишь для того, чтобы быть тронутым романами и торжественными случаями и больше ни на что не нужной. Здоровое сердце, говорящее себе: «Как я здорово!» — обыкновенно подвергается самым опасным заболеваниям. разве сентиментальность не близнец лицемерной фразы, если не совсем одно и то же?

Разве лицемерная фраза дьявола не «materia prima», из которой может сформироваться вся фальшь, слабость и ужас, но не может получиться ничего существенного? Лицемерная фраза, в

сущности, двойная дистиллированная ложь, наивысшее могущество лжи, если бы целый народ предался ей? Тогда, говорю я, он бы, несомненно, оттуда вернулся. Жизнь не хитро придуманный обман или самообман: это великая истина, что ты живешь, что у тебя есть желания и потребности; никакой обман не может соответствовать им и удовлетворить их, а только действительность. Положись на это: мы возвращаемся к действительности, к благословенной или проклятой, смотря по тому, насколько мы мудры.

57. Велико существующее; вещь, спасшаяся от неосновательной глубины теорий и предположений, и представляется определенной, неоспоримой действительностью, которой придерживается жизнь и работа человека, причем придерживается раз навсегда. Мы хорошо поступаем, если держимся за нее, пока она существует, и с сожалением покидаем ее, когда она под нами рушится. Берегись слишком скоро желать перемены! Хорошо ли ты обдумал, что значит в нашей жизни привычка, как все знания и все поступки чудесно витают над бесконечными пропастями неизвестного и невозможного, как все наше существо представляет собою бесконечную пропасть, покрытую, точно тонкой земной

корой, — привычкой?

58. Свобода? Настоящая свобода человека, следует признать, состоит в том, чтобы найти правильный путь или быть принужденным найти его и идти по нему; учиться или быть наученным тому, к какой работе он действительно годен, и потом приняться за нее, благодаря разрешению, уговариванию и даже насилию. Это его настоящее блаженство, честь, свобода и высшее благоденствие, и если это не свобода, то я лично больше о ней не спрашиваю.

Ты не разрешаешь явно безумному прыгать через пропасти. Ты стесняешь его свободу, ты умный и удерживаешь его, хотя бы с помощью смирительной рубахи, вдали от пропасти. Каждый глупый, трусливый и взбалмошный человек лишь менее очевидный безумец, и его истинной свободой было бы то, чтобы всякий человек, умнее его, видя, что он идет неправильным путем, схватил его и заставил его идти немного вернее.

Если ты действительно старший надо мной или мой пастырь, если ты действительно умнее меня, — да заставит тебя благодетельный инстинкт «покорить» меня, приказывать мне! если ты лучше меня знаешь, что хорошо и правильно, то, умоляю тебя во имя Бога, заставь меня это

сделать, даже если тебе придется пустить в ход целую массу кнутов и ручные кандалы; не дай мне ходить над пропастями!

Мне мало поможет, если все газеты назовут меня «свободным человеком», когда мое странствие кончится смертью и крушением. Пусть газеты назовут меня рабом, трусом, дураком или как им будет угодно и моей долей пусть будет жизнь, а не смерть! — «свобода» требует нового определения.

59. Твоя «слава», несчастный смертный, где будет она и ты сам вместе с ней через каких-нибудь пятьдесят лет? Самого Шекспира хватило всего на двести лет; Гомера (отчасти случайно) — на три тысячи, и не окружает ли вечность уже каждое я и каждое ты? Перестань поэтому лихорадочно высиживать свою славу, хлопать крыльями и яростно шипеть, как утка-наседка на своем последнем яйце, когда человек позволяет себе подойти к ней близко! Не ссорься со мной, не ненавидь меня, брат мой; сделай что можешь из своего яйца и сохрани его. Бог знает, что я не хочу его украсть у тебя, так как я думаю, что это жировое яйцо.

60. Есть люди, которым боги в своем милосердии дают славу; чаще всего дают они ее в гневе,

как проклятие и как яд, потому что она расстраивает все внутреннее здоровье человека и ведет его шумно, дикими прыжками, как будто его ужалил тарантул, — не к святому венцу. Действительно, если бы не вмешалась смерть или, что счастливее, если бы жизнь и публика не были бы глупыми и неожиданное несправедливое забвение не следовало бы за этим неожиданным, несправедливым блеском и не подавляло бы его благодетельным, хотя и весьма болезненным образом, то нельзя сказать, чем кончал бы иной человек, достигший славы, или, еще более, бедная, достигшая славы женщина.

61. Друг мой, все разговоры и вся слава имеют лишь короткую жизнь; они глупы и ложны. Одно только настоящее дело, которое ты добросовестно исполняешь, — вот что действительно вечно, как сам всемогущий основатель и Создатель мира.

62. Твоя «победа»? Бедный черт, в чем состоит твоя победа? Если дело это несправедливое, то ты непобедим, даже если бы горели костры на севере и юге, и звонили бы в колокола, и редакторы газет писали бы передовые статьи: справедливое дело было бы навсегда отстранено и уничтожено и лежало бы попранным на земле.

Победа? Через несколько лет ты умрешь и

станешь мрачным, — холодным, окоченелым, безглазым, глухим; никакого огня от костров, никакого колокольного звона или газетных статей не будешь ты слышать или видеть в будущем. Какая же это победа!

Молчание

1. Молчание и молчаливость! Если бы в наше время строили алтари, то им были бы воздвигнуты алтари для всеобщего поклонения. Молчание — стихия, в которой формируются великие вещи для того, чтобы в готовом виде и величественно предстать в дневном свете жизни, над которым они сразу должны господствовать.

Не только Вильгельм Молчаливый, но и все выдающиеся люди, которых я знал, — даже самые недипломатичные из них и самые нестратегичные избегали болтать о том, что они творили и проектировали. Да, в твоих собственных обыкновенных затруднениях, молчи только один день, и насколько яснее покажутся тебе на следующее утро твои намерения и обязанности — какие остатки и какую дрянь выметают эти немые работники, если отстраняется назойливый шум! Речь часто, как французы это определяют, есть

искусство не скрыть мысли, но окончательно останавливать и подавлять их, так что уже нечего больше скрывать. И речь велика, но это не самое большое. Как гласит швейцарская надпись: «разговор — серебро, а молчание — золото»; или, как я это охотнее определил бы: «разговор принадлежит времени, молчание — вечности».

Пчелы работают не иначе как в темноте; мысли работают не иначе как в молчании, и добродетель точно так же действует не иначе как втайне. Да не узнает твоя правая рука того, что делает левая! Даже собственному своему сердцу ты не должен выболтать тех тайн, которые известны всем. разве стыдливость не почва для всех добродетелей, для всех хороших нравов и для всей нравственности. Как и другие растения, добродетель не растет там, где корень ее не спрятан от солнца. Пусть светит на него солнце, или ты сам на него посмотри тайком, и корень завянет и никакой цветок не обрадует тебя.

О друзья мои, если мы станем разглядывать прекрасные цветы, украшающие, например, беседку супружеской жизни и окружающие человеческую жизнь ароматами и небесными красками, — какая рука не поразит позорного грабителя, вырывающего их с корнями и показы-

вающего с противной радостью навоз, на котором они произрастают!

2. Так глубоко в нашем существовании значение тайны. Справедливо поэтому древние считали молчание божественным, так как это основа всякого божества, бесконечности или трансцендентальной величины и одновременно источник и океан, в которых все они начинаются и кончаются.

В том же смысле и пели поэты «гимны ночи», как будто ночь благороднее дня, как будто день только маленькая, пестрая вуаль, которую мимоходом набросили на бесконечное лоно ночи, и искажает ее чистую, прозрачную вечную глубину, скрывая ее от наших взоров. Так говорили они и пели, как будто молчание — это сердцевина и полная сумма всех гармоний, а смерть — то, что смертные называют смертью, — собственно, и есть начало жизни.

С помощью таких картин, так как о невидимом можно говорить только картинами, люди постарались выразить великую истину — истину, которую забыли, насколько это только возможно, мастера нашего времени, но которая тем не менее остается вечно верной и вечно важной и когда-нибудь, в виде новых картин, снова запе-

чатлится в наших сердцах.

3. Всмотрись, если у тебя есть глаза или душа, в это великое безбрежное непостижимое: в сердце его бушующих явлений, в его беспорядке и бешеном водовороте времени не скрывается ли тем не менее молчаливо и вечно единое всесправедливое, всепрекрасное, единственная действительность и конечная руководящая сила целого? Это не слова, а факт. Известный всем животным факт силы тяготения не более верен, нежели эта внутренняя сущность, которая может быть известна всем людям. Знающему это молчаливо, благоговейно невыразимо западет в сердце. Вместе с Фаустом он скажет: «Кто смеет назвать его?»; большинство обрядов или названий, на которые он теперь наталкивается, вероятно, «названия того, что должно оставаться неназванным». Пусть он молится ему в молчании, в храме вечности, если нет для него подходящего слова. Это знание, венец всего его духовного бытия, жизнь его жизни, пусть сохранит он и после этого пусть свято живет. У него есть религия. Ежечасно и ежедневно, для него самого и для всего мира, воздается полная веры, невысказанная, но и не безразличная молитва: «Да будет воля Твоя».

4. Для человека, имеющего верное об этом

представление, праздная болтовня именно и есть начало всей пустоты, всей неосновательности и всякого неверия; благоприятная атмосфера, в которой всевозможные сорные травы преобладают над более благородными плодами человеческой жизни, угнетают и подавляют их, — одна из наиболее кричащих болезней нашего времени, с которой нужно всякими способами бороться. Самым мудрым из всех правил была старая мудрость, простирающаяся далеко за нашу мелкую глубину: «Береги свой язык, так как от него происходит течение жизни!»

В сущности говоря, человек — воплощенное слово; слово, которое он говорит, сам человек. Глаза, вероятно, вставлены в наши головы для того, чтобы мы видели, а не для того только, чтобы мы воображали и уверяли правоподобным образом, будто бы видели. Был ли язык подвешен в наш рот для того, чтобы он говорил правду о том, что человек видит, и чтобы он делал человека братом по духу другого человека, или для того только, чтобы издавать пустые звуки и смущающую душу болтовню и препятствовать этим, как заколдованною стеною мрака, соединению человека с человеком?

Ты, владеющий тем осмысленным, созданным

небом органом — языком, подумай об этом хорошенько. Поэтому, очень тебя прошу, говори не раньше, чем мысль твоя молчаливо созреет, не раньше, чем ты не издашь ничего другого, кроме безумного или делающего безумным — звука; пусть отдыхает твой язык, пока не явится разумная мысль и не приведет его в движение. Обдумай значение молчания; оно безгранично, никогда не исчерпается обдумыванием и невыразимо выигрышно для тебя!

Прекрати ту хаотическую болтовню, из-за которой собственная твоя душа подвергается неясному, самоубийственному искажению и одурманиванию; в молчании — твоя сила. Слова — серебро, молчание — золото; речь человечна, молчание божественно.

Глупец! Думаешь ли ты, что оттого, что нет никого под рукой, чтобы записывать твою болтовню, она умирает и становится безвредной? Ничто не умирает, ничто не может умереть. Праздное слово, сказанное тобой, — это брошенное во время семя, которое растет вечно!

5. Что касается меня, то, в дни громкой болтовни, я уважаю еще более молчаливость. Велико было молчание римлян, — да, величайшее из всех, потому что это не было молчанием богов! Да-

же тривиальность и ограниченность, умеющие держаться спокойно и молчаливо, приобретают относительно приличный вид!

6. Молчание велико: должны были бы быть и великие молчаливые люди. Хорошо сознавать и понимать, что никакое достоинство, известное или нет, не может умереть. Деятельность неизвестного, хорошего человека подобна водяной силе, которая течет спрятанная под землей и тайно окрашивает зеленью почву, она течет и течет и соединяется с другими струями; наступит день, когда она забьет видимым, непобедимым ключом.

7. Литературный талант, есть ли у тебя литературный талант? Не верь этому; не верь! Природа предназначила тебя не для речи и писания, а для работы. Знай: никогда не существовало таланта для настоящей литературы, — нечего и говорить обо всем том таланте, который расточали и тратили на мнимую литературу, — что первоначально не был наклонностью к чему-то бесконечно большему — «молчаливому». Лучше отнесись к литературе немного скептически.

Где бы ты ни был, работай; то, что твоя рука может делать, делай рукой человека, не тени. Да будет это твоим тайным блаженством, твоей

большой наградой. Пусть будет мало у тебя слов. Лучше молчать, нежели говорить в эти злые дни, когда из-за сплошного разговора одного человека голос его становится неясным другому, когда посреди всей болтовни сердца остаются темными и немыми по отношению друг к другу. остроумие — прежде всего не старайся быть остроумным; ни одному из нас не предлагается быть остроумным под страхом наказания; но заслуживает самого сурового наказания, если все мы не считаем себя обязанными быть мудрыми и правдивыми.

Молодой друг, которого я люблю и известным образом знаю, хотя никогда не видел и не увижу тебя, ты можешь то, чего мне не дано, — учиться, быть чем-нибудь и делать что-нибудь вместо того, чтобы красноречиво говорить о том, что было и будет сделано, Мы, старые, останемся, кем были, и не изменимся; вы — наша надежда. надежда вашего отечества и мира заключается в том, чтобы когда-нибудь снова миллионы стали бы такими, какие теперь встречаются в единичных случаях. «Слава тебе; иди счастливой стопой».

Да узнают лучше нашего будущие поколения молчание и все благородное, верное и божественное, и да оглянутся они на нас с недоверчивым удивлением и состраданием.

8. На поприще литературы дойдут еще до того, чтобы платить писателям за то, что они не писали. Серьезно, не подходит ли, действительно, это правило ко всему писанию и тем более ко всякой речи и ко всякому поступку? Не то, что находится над землей, то невидимое, что лежит под нею, в виде корня и основного элемента, определяет ценность. За всякими речами, стоящими чего-нибудь, лежит гораздо лучшее молчание. Молчание глубоко, как вечность, речь течет, как время. не кажется ли это странным? Скверно веку, скверно людям, если эта старая, как мир, истина стала совершенно чуждой.

9. Тысячу лет молчаливо растет в лесу дуб, только на тысячном году, когда дровосек приходит с топором, раздается эхо в тишине и дуб дает знать о себе, когда он падает с оглушительным шумом. Как тихо был посажен желудь, снесенный случайным ветром! Когда цвел дуб и украшался листьями, то эти радостные для него события не возвещались радостными криками.

Изредка лишь слышалось слово признания со стороны спокойного наблюдателя. Все это не было событием, — это спокойно свершалось; не в один час, а в течение многих дней; что можно было об этом сказать? Этот час казался похожим

на последний, похожим на последующий.

Так происходит всюду; безрассудная молва болтает не о том, что было сделано, а о неудачах и об опозданиях; и безрассудная история (более или менее сокращенный, письменный обзор молвы) знает мало достойного изучения. Нашествие Аттилы, крестовый поход Вальтера Голяка, Сицилийская вечерня, Тридцатилетняя война: один только грех и беда; никакой работы, только помехи и задержка всякой работы. Однако все же земля ежегодно зеленела и урожай ее созревал; рука работающего, ум мыслителя не отдыхали: благодаря этому у нас, несмотря на все, остался великолепный, прославленный, цветущий мир.

Бедная история может спросить себя с удивлением: «откуда он происходит?» Мало знает она о нем, много о том, что задержало его и хотело уничтожить. Это ее обычай и правило, благодаря ли необходимости или безрассудному выбору, и странная фраза справедлива: «Счастлив народ, коего календари остаются пустыми».

10. Так же обстоит со всеми видами интеллигентности, направлена ли она на поиски правды или на соответствующие сообщения о ней, на поэзию, на красноречие или на глубину проницательности, которая служит основанием для этих

двух последних. Характерный признак труда — некоторая постоянная непроизвольность и бессознательность.

«Здоровые не знают о состоянии своего здоровья; знают о нем лишь больные».

11. Мудрость — божественный вестник, который приносит с собой в этот мир каждая человеческая душа, божественное предсказание новой и присущей ему способности действовать, которую новый человек получил, — по своему существу молчалива. Ее нельзя сразу и целиком прочитать словами; потому что она написана в непонятной действительности таланта, положения, желаний и возможности, которыми снабжен человек, она кроется в предчувствии, в неизвестной борьбе, страстном старании и может быть вполне прочитана лишь тогда, когда исполнена его работа. Не благородные движения природы, а низкие вводят человека в искушение, чтобы обнаружить тайну его души в словах. если у него есть тайна, слова всегда остаются недостаточными.

Слова только задерживают настоящее обнаружение поступка, мешают ему и сделают его, наконец, невозможным. никто из тех, кто совершает важное на свете, не станет говорить об этом подробно. Вильгельм Молчаливый лучше всего

говорил освобожденной страной; Оливер Кромвель не блистал красноречием; Гёте находил, что когда он собирался писать книгу, то не хотел об этом говорить; только тогда она удавалась.

12. Человек и его работа не оцениваются по тому, что называется их влиянием на мир, по тому, благодаря чему мы можем судить об их влиянии. Влияние, действие, польза? Дайте нам делать нашу работу; забота об ее плодах принадлежит другим, ее собственные плоды созреют; воплотятся ли они в тронах халифов или арабских завоеваниях и наполнят собой «все утренние и вечерние газеты» и все исторические сочинения (своего рода дистиллированные газеты) или не воплотятся в таком виде, — какое это имеет значение? Это неподлинный ее результат!

Арабский халиф имел ценность и значение, лишь поскольку он мог что-то делать. Если бы великое дело человечества, человеческая работа на Божьем свете не поощрялась халифом, то не имело бы никакого значения, сколько раз он обнажал свои сабли и какая добыча ему доставалась, сколько золотых монет он вкладывал в карман, какой шум и тревогу подымал он на свете, — он был лишь шумным ничтожеством; в сущности, его и вовсе не было.

Будем уважать великое царство молчания! Неизмеримый клад, которого мы не можем хвастливо пересчитать и показать людям! Это каждому из нас больше всего нужно в наши громкие времена.

13. Если смотреть на дело исходя из высокого масштаба, то мы заметим, что века геройства не века нравственной философии. Если можно философствовать о добродетели, то она познала самое себя, она стала больной и становится все дряхлее.

14. В нашем внутреннем, как и в нашем внешнем, мире нам открыто лишь «механическое», но отнюдь не динамическое и имеющее в себе жизненную силу. Говоря о нашем мышлении, мы хотели бы заметить: то, что мы формулируем в виде высказываемых нами мыслей, есть лишь внешняя, поверхностная сторона, под областью логического доказательства и сознательного выражения мыслей лежит область размышления.

Здесь, в ее спокойной, таинственной глубине, живет жизненная сила, которая есть в нас, и здесь, если нужно что-нибудь создать, а не только изготовить и сообщить, должна происходить работа. Изготовление понятно, но тривиально; создание велико и не может быть понято. Поэтому,

если спорящий или демонстрирующий, которых мы можем считать наиболее проницательными среди настоящих мыслителей, — знает, что он сделал и как он это сделал, то, наоборот, художник, которого мы ставим на самую высокую ступень, — не знает этого; он должен говорить о вдохновении и тем или иным способом назвать свое произведение подарком Божества.

В общем же «гений остается всегда тайной для самого себя»; мы всюду ежедневно видим доказательства этой старой истины.

15. Как верно, что всякое деяние, которое совершает человек или народ, сознательно намереваясь сделать нечто великое, — не велико, а мало.

16. Поэтому повторяем еще раз: великое, творящее и продолжительное всегда остается для себя тайной, — и лишь малое, неплодотворное и преходящее есть нечто другое.

17. Мы, и даже строжайшие из нас, смотрим как на нечто естественное, что все люди, сделавшие что-нибудь, имеют право объявлять об этом по возможности громче и приглашать публику их за это вознаградить. Каждый свой собственный глашатай — это правило доведено до весьма тревожной стадии. Рекламируй, как можно громче,

свою шляпу.

Сначала придерживайся правдивой рекламы, если это достигает цели; если нет, то ухватись за ложную, насколько нужно для твоей цели, и не в такой степени ложную, чтобы ей нельзя было поверить. В действительности, утверждаю я, это не так. ни от одного человека природа не требует, чтобы он рекламировал свои действия и деяния и изготовление своих шляп, — природа даже запрещает людям делать это. На всем свете нет человека или шляпника, который не чувствовал или не чувствовал бы, что он унижает себя разговорами о своих достоинствах и уменьях и о своем превосходстве в ремесле.

В глубине своего сердца он слышит «предоставь своим друзьям, если возможно, — своим врагам говорить об этом!». Он чувствует, что он уже жалкий хвастун, быстрыми шагами идущий навстречу лжи и неправде.

Повторяю, законы природы вечны, и их тихий голос, говорящий из глубины нашего сердца, не должен остаться неуслышанным под страхом сильного наказания. Ни один человек не может отдалиться от истины без вреда для самого себя; то же самое относится и к одному миллиону или к двадцати семи миллионам людей. Покажите

мне народ, который повсюду ведет себя таким образом, что каждый ожидает этого и позволяет это себе и другим, и я укажу вам народ, единодушно идущий по широкой дороге, ведущей к погибели.

18. Блаженны смиренные, блаженны неизвестные. Написано: «Ты желаешь себе великих вещей? Не желай этого». Живи, где ты есть, но живи мудро, деятельно.

Мануэль Саркисянц «Сверхчеловек». Право сильнейшего (из книги «Английские корни немецкого фашизма». Перевод М. Некрасова)

Мануэль Саркисянц (1923–2015) по националь-

ности армянин. Отец — врач, мать — актриса русского театра; в 1920-е годы семья уехала из СССР. Окончив Тегеранский университет, Мануэль учился затем в Нью-Йорке, позже стал доцентом во Фрайбургском университете Германии.

Одной из главных тем творчества Саркисянца было исследование народнического социализма в различных странах мира — как антитеза этого социализма показывается национал-социализм. Теорию «великих личностей», «сверхчеловеков» Саркисянц считал идеологический базой нацизма: по мнению Саркисянца, настоящим учителем нацистов был Томас Карлейль.

Карлейль и «божественные фельдфебели»

> *Вы, неспособные приказывать себе сами: ваша потребность из потребностей — оказаться под началом…*
>
> *Томас Карлейль*

…Томас Карлейль говорил (1850 г.): «Мудрое командование, мудрое повиновение — способность к этому составляет вес нетто культуры и чело-

веческой добродетели. Все хорошее пребывает во владении *этих* двух способностей… Хороший человек — тот, кто может приказывать и подчиняться. <…> Для свободного человека характерен не бунт, но повиновение».

Единственный тип человека, к мнению которого стоит прислушаться (по Карлейлю), это тот, «кто повинуется Богу и служителям Бога и непокорен дьяволу и его присным». Англия еще хранит «вождей… которые для своей власти не нуждаются ни в каком «избрании»: они от века избраны в ней Создателем», то есть провидением. В этих вождях, по мнению Карлейля, — надежда на спасение: ведь «сама Вселенная есть Монархия и Иерархия».

Карлейлевский «истинный руководитель и король… знает божественное назначение вселенной, вечные законы Создателя, в приближении к которым заключается победа и счастье, а в удалении — скорбь и поражение…» Поэтому «ему — и только ему на все времена — принадлежит власть над этим миром… Выпадет ли этому человеку [провидения] возможность править (или это станет невозможным), от этого зависит спасение — или уничтожение — мира… Он не может повиноваться там, где властвуют дьявол и его слуги.

<…> Нас сейчас не ведет… никакой дукс [прообраз грядущего дуче]. <…> Кто из теперешних государственных людей возьмет знамя и скажет, как герой: «Вперед!»? <…> Неужели на нашу долю достанутся только уличные баррикады анархии, баллотировочные урны и социальная смерть?»[1] (Под «социальной смертью», видимо, следует понимать утрату положения.)

Поскольку мудрость заключена не в большинстве, то — по Карлейлю — воплотить в жизнь «вечный закон вселенной» (выдвинутый задолго до гитлеровских «железных законов бытия») можно лишь путем подавления этого большинства. И главное здесь для Карлейля — не мнение большинства, а его инстинкты. Ведь закон небес, как полагает Карлейль, воспринимается с помощью инстинктов: масса инстинктивно почувствует его «даже сквозь пивной хмель… и через риторику».

Таким образом, связав атмосферу бюргерской пивной с завораживающим красноречием, Карлейль уже в 1850 г. опередил свое время, выразив

---

[1] Примечания: 1

Ibid., S. 200; Carlyle, Later Day Pamphlets (London, 1911), p. 19, 21ff, 142f, 114, 193, 213ff, 27f, 232f, 246; James Anthony Froude, Thomas Carlyle, A history of the first forty years of his life (London 1882), p. 2, 15f, 19. Карлейль Т. Памфлеты последнего дня / Пер. А. Белова. СПб.: изд. Ф. И. Булгакова. 1907. С. 19, 14, 80, 19, 93.

тоску по антидемократическому тоталитарному повелителю. «Где бы ни были прирожденные властители [по натуре] <…> отыскивайте их и выращивайте».

Новую и истинную «аристократию» Карлейль мнил найти прежде всего в лице английских вождей промышленности, которые умеют *повелевать* людьми, заставляя их работать. Промышленники должны подчинить «эти орды лишенных вождей солдат… врагов всякого правительства, которое не в состоянии дать им вождя, занять их делом…» Организация рабочей силы представлялась Карлейлю жизненно важной, мировой проблемой. Благодаря «мудрому повиновению и мудрому командованию паупе-ры, [потенциальные] бандиты, должны стать солдатами промышленности», а предприятия, в свою очередь, окажутся связанными с государством, что «будет только началом спасительного прогресса, который коснется даже самых вершин нашего общества».

Такое заявление подразумевает, что направление людей из низов в приказном порядке на работу — только начало, а в перспективе принудительным трудом предполагается занять и другие слои общества. Трудящиеся якобы потре-

буют от вождей промышленности: «Хозяин, нас нужно записать в полки. Пусть наши общие с вами интересы станут постоянными…» Вождям же промышленности следовало жестко привязать персонал к предприятию.

В конце концов, — утверждал Карлейль, — ведь и лошади, если бы их эмансипировали и отдали бы им обратно их собственность — пастбища, — не стали бы добровольно тянуть плуги и оставили бы своих повелителей без хлеба. (Позже Гитлер в «Mein Kampf» приводил следующий аргумент: до того как плуг стали тянуть вьючные животные, этим приходилось заниматься пленным людям…) «Кочевые бандиты праздности, станьте солдатами промышленности!.. Да заберут вас на работу в трех королевствах или сорока колониях! Полковники промышленности, надзиратели за работой, командующие жизни… неумолимые… распоряжайтесь теми, кто стал солдатом…» — требовал Карлейль. От свободы же выбора места работы следовало отказаться.

«Заставьте того, кто доказал, что не способен стать сам себе хозяином, сделаться рабом и подчиниться справедливым законам рабства. <…> Не в качестве… злополучных сынов свободы, а в качестве сдавшихся в плен, в качестве несчаст-

ных падших братьев, которые нуждаются в том, чтобы ими командовали, при необходимости надзирали за ними и принуждали их. Вы, неспособные приказывать себе сами: ваша потребность из потребностей — оказаться под началом… С кочевой свободой перемещения покончено… началось солдатское повиновение… и необходимость в суровой работе ради пропитания. Вон из бессмысленной путаницы — конституционной, филантропической. Милосердие, благотворительность, помощь бедным — это не гуманизм, а глупость, сантименты ради тех, кто платит дань пиву и дьяволу».

В конечном счете «быть рабом или человеком свободным — это решается на небе». А «кого небо сделало рабом, того никакое парламентское голосование не в состоянии сделать свободным гражданином… Объявить такого человека свободным… это евангелие от беса…»

Обедневшие обитатели приютов домогаются порабощения «как недостижимого блага» — ведь они обнищали так, что живут хуже рабов. «Если вы будете отлынивать от суровой работы, не подчиняться распоряжениям — я вас упрекну; если это будет тщетным — я стану вас сечь. А если и это не поможет, я в конце концов вас расстреляю — и

освобожу от вас… землю божью». Так государство станет тем, «чем оно призвано быть: основой настоящей «организации» рабочей силы» — когда «полки негодяев поголовно работают под началом божественных фельдфебелей-инструкторов по строю», — гласит формулировка Карлейля.

«Ясно… что государство при формировании этих полков будет стремиться к тому, чтобы поставить *настоящих* надзирателей над душами людей, собрать их в полки [их]… и объединить в некую священную корпорацию избранных… каковые здесь — соль земли» — в таких словах развивал Карлейль нечто вроде концепции пуританского ордена, предвестника СС.

* * *

В 1938 г. «Anglo-German Review» опубликовало пронацистское эссе профессора Чарлза Сароли под названием «Был ли Карлейль первым нацистом?». Автор отвечал на этот вопрос положительно. «Нацизм — не немецкое изобретение, изначально он возник за границей и пришел к нам именно оттуда… Философия нацизма, теория диктатуры были сформулированы сто лет назад величайшим шотландцем своего времени — Карлейлем, самым почитаемым из полити-

ческих пророков. Впоследствии его идеи были развиты Хьюстоном Стюартом Чемберленом. *Нет ни одной основной доктрины… нацизма, на которых основана нацистская религия [sic], которой не было бы… у Карлейля, или у Чемберлена.* И Карлейль и Чемберлен… являются поистине *духовными отцами нацистской религии…* Как и Гитлер, Карлейль никогда не изменял своей ненависти, своему презрению к парламентской системе… Как и Гитлер, Карлейль всегда верил в спасительную добродетель диктатуры».

И действительно, известно, что идеи Карлейля о политическом лидерстве повлияли на Адольфа Гитлера, который с энтузиазмом читал его труды.

Подчинение и отсутствие революционных настроений

Установлено, что в английском языке слово «вождь» (leader) до 1933–1945 гг. встречается несравненно чаще, чем слово «Fuhrer» в немецком. (Когда эсэсовцам потребовалось «задокументировать» традицию фюрерства у прагерманцев, они субсидировали издание монографии об англосаксонском лексиконе.) Например, бри-

танское радио, вещавшее на немецком языке, говорило о «вожде нижней палаты» (Fuhrer des Unterhauses), о назначении вождя в результате консенсуса.

В Англии нового времени правительство — даже до реформы избирательной системы (т. е. во времена классовой дискриминации) — было *правительством консенсуса* (несмотря на то, что оно было олигархическим и коррумпированным). Интересно, что лишенные избирательных прав англичане все равно выступали в защиту своей страны от революционной Франции, декларировавшей свободу и права британцев. Слабое демократическое движение в Англии было быстро подавлено британским общественным мнением. В контрреволюционной Англии времен французских революционных войн реформаторы считались «изменниками», а реформаторские идеи — «неанглийскими», «завезенными из Франции», поскольку правящий класс был одержим кошмаром якобинства; любое стремление к проведению социальных реформ воспринималось как «прелюдия к революции». Тот факт, что, в противоположность остальной Западной Европе, в Англии в 1789–1848 гг. не произошло никаких революций, можно объяснить, в частности, от-

сутствием у народа революционных настроений, несмотря на то, что английские крестьяне находились в худшем положении, чем крестьяне в дореволюционной Франции.

Таким образом, панический страх английского истеблишмента и буржуазии, опасавшихся, что кровавый бунт черни может перебросится из Франции в Великобританию, оказался напрасным. Тем не менее, эти страхи вылились в ряд репрессий. В стране был введен повсеместный надзор. Дэвид Уорралл охарактеризовал Британию 1790–1820 гг. как страну шпионов, в которой надзирали даже за надзирателями. В результате стало опасно высказывать любые критические замечания, пусть даже выраженные в скрытой форме, поскольку повсюду была сеть информаторов.

Так, в 1803 г. англо-ирландский полковник Маркус Эдвард Деспард был казнен только за *разговоры* о восстании. В том же году было выдвинуто обвинение против великого английского

лирика — мистика и хилиаста Уильяма Блейка[2]. В 1810 г. был заключен в тюрьму Уильям Коббетт, протестовавший против телесных наказаний в армии, а в 1812 г. двух распространителей его листовки наказали плетьми. В 1812 г. «радикальный» книготорговец Дэниэл Айзек Итон был поставлен к позорному столбу и заточен в тюрьму. Вся страна была опутана шпионской сетью министра внутренних дел лорда Сидмута. Стоит также упомянуть резню при «Питерлоо» (1819, Манчестер, увековечена Перси Биши Шелли) и зверскую бойню, устроенную драгунами в Бристоле и унесшую 500 жизней (1831). В 1839 г. полиция открыла огонь по демонстрации чартистов, требовавших всеобщего избирательного права, а в 1852 г. было выдвинуто обвинения

---

[2] Примечания: 2

Блейк писал:

«Пусть раб восстанет.
Его цепи разбиты.
Его тюрьмы не стало…
Ангел Альбиона яростно сжигает.
И вот гляжу, в лучах зари,
Лицом совсем как Кэстльри (Каслри, министр короны),
Убийство, с ликом роковым,
И семь ищеек вслед за ним…»

(Маскарад анархии / Пер. К. Бальмонта)

против 1500 забастовщиков.

Отсутствие в Англии революционных настроений превращалось в предмет гордости — в 1797 г. будущий премьер Джордж Каннинг описывал, как английские «якобинцы» безуспешно пытаются подбить беднейшее население на мятеж против империи.

В Великобритании — даже во время Французской революции — народные массы выступали не против господствующих классов, без труда удерживавших власть, «а против мнимых врагов «церкви и короля»». Например, бунты в декабре 1792 г. были направлены *против* парламентской реформы. Предшествующие же народные возмущения (1780) имели своей целью не допустить улучшения положения католического меньшинства. Подобные побуждения проистекали из «темных страстей», схожих с нацистской ненавистью, — писал Джеральд Ньюмэн, сравнивший протестантского фанатика тех времен Джорджа Гордона с Адольфом Гитлером. Как раз такая чернь в 1791 г. сожгла дом видного богослова, ученого и радикала Джозефа Пристли.

* * *

Именно такая контрреволюционная атмосфера 1795–1820 гг. — *репрессии, антиинтеллектуализм и фанатизм* — способствовала быстрому росту духовной и социальной сплоченности, сословной солидаризации английского общества. Эта реакция родилась в самых глубинах и захватила все классы. «За Церковь и Короля!», — скандировала Англия.

Народное движение было не революционным, а ксенофобским; оно как бы предвосхитило поддержку рабочими британских расистов в XX в. (и уже в конце XIX в.). (Такая реакция не являлась чем-то новым: «Уже с XVI века нападения на иностранцев… случались [в Англии] достаточно часто. Инстинктивная ксенофобия, по-видимому, уже на протяжении многих веков являлась эндемической чертой местного городского жителя… Наличие такой ксенофобии *в течение* очень длительного периода *английской* истории является бесспорным».) Для английских рабочих, способных на выступления, характерна была «не готовность требовать фундаментальных изменений», даже в рамках господствующей социальной системы, а «готовность искать себе

жертвы среди политических новаторов». Для английских рабочих — даже во время их обнищания — раса значила больше, чем класс.

Немногочисленные английские революционеры остались в изоляции. А правящий режим Британии успешно клеймил чисто реформаторские устремления меньшинств как «непатриотические».

Преступление *по определению* должно было носить неанглийский характер. Так в 1790 г. британские суды считали, что в основе преступной деятельности кроются французские корни. К 1803 г. в глазах англичан французы стали олицетворять преступность и дикость: неконтролируемые страсти, садизм, животные инстинкты, каннибализм, сексуальное насилие, содомию и тому подобное.

За 140 лет до распространения нацистских представлений о большевиках аналогичная пропаганда велась англичанами в отношении французов: «[революционно настроенных] французов нельзя назвать людьми, это какой-то особый подкласс существ, какой-то подвид монстров…» Плакат с надписью: «Подходят ли французы хоть для одной из наших человеческих игр? Смог бы француз сыграть с нами в крикет? Да, пожалуй, с

таким же успехом мы могли бы играть с обезьянами…» (1803) можно назвать еще одним из самых безобидных. А с 1846 г. обычных преступников в Англии стали называть «уличными арабами», «английскими кафрами» и «готтентотами».

Внутри Англии никогда не было «пятой колонны». Ведь англичане — даже беднейшие — принимали свое низкое положение в социальной иерархии как данность и в своем верном послушании оставались солидарны с господствующими классами. Они испытывали не ненависть к высшему сословию, но удовлетворение от того, что кто-то занимает еще более низкое, чем они сами, положение. «Англичане смотрят вниз с презрением, а вверх — с восхищением. В Англии нет предпосылок для… революции», — такой вывод делал автор «Английской идеологии».

Высказываясь *против* повышения значимости народного представительства, в 1910 г. приводился такой аргумент: Англичанин прежде всего англичанин, не важно, рабочий он или лорд. К такой же дисциплинированной общности стремился шеф гестапо Генрих Гиммлер, требуя от «народа» порядка и подчинения как «основ его силы» (причем сначала порядка и подчинения, а потом уже столько раз заклинаемого «едине-

ния»).

Именно такое расовое единство грезилось доктору Геббельсу как прототип его национал-социалистического «Volksgemeinschaft». Еще в 1930 г. он не раз восхищался национальной сплоченностью «политически воспитанного народа», образцового в своем стремлении сформировать единонаправленную национальную волю.

* * *

Таким образом, английский патриотизм однозначно оценивал неприятие правящего в отечестве режима как бесчестное предательство. В Англии принцип «My Country, right or wrong» («Это моя страна, права она или не права») стал частью «здорового» национального чувства (формирования которого так добивался национал-социализм), и дело обошлось даже без «vo1kische» доктрины о расовом единстве.

Объединение нации в империю

«Желательно, чтобы Германия достигла в своем развитии состояния Англии, где благодаря империализму «социал-демократическая революция…

имеет совсем ручной характер», — такой совет давал кайзеровской империи еще Карл Петерс. Согласно этому завету, классовой стабильности в Германии следовало добиваться с помощью социал-империализма.

Именно Адольф Гитлер обещал пойти этим путем и отменить классовый антагонизм в Германии. Он называл себя «неизменно представителем бедноты» и намеревался создать «для немецкого плуга» на восточном пространстве, т. е. в России, в «германской Индии», не имевшую себе равных империю.

Один из создателей Британской империи — Бенджамин Дизраэли, лорд Биконсфилд — никогда не руководствовался «гуманными побуждениями», душевные порывы «гуманности» были ему ненавистны. И собственное его признание совершенно недвусмысленно: «Что касается нетерпимости — у меня нет никаких возражений против нее, если это элемент силы. Долой политическую сентиментальность!» — на жаргоне нацистского рейха это выражение звучало бы как «слюнявый гуманизм».

В «Истории английского патриотизма», восхваляющей Дизраэли, отмечается, что «…любовь Биконсфилда к Англии, его патриотизм прояв-

лялись в том, что он отстаивал интересы своей родины — без оглядки на принципы: политику не должны определять никакие идеалы, кроме идеалов скотов или хозяйственников. Ради процветания Англии он был готов закрыть глаза на тиранию и несправедливость». Этот же историк, пишущий об английском патриотизме, поясняет: «Этой доктриной объясняется та нехватка сочувствия малым нациям, которая порой темным пятном ложится на его политику».

Такое отношение к малым народам стало традицией. Оправдывая выдачу Адольфу Гитлеру Чехословакии, британская пресса в 1938 г. писала: «Малые нации должны вести себя как малые» (это о требовании сохранять верность союзным обязательствам перед ними). Точно так же звучит один из принципов внешнеполитической концепции фюрера британских фашистов сэра Освальда Мосли. И сам Гитлер напоминал в одной из своих речей, что он — фюрер немецкого народа (только и единственно); с него довольно бессонных ночей, которые он посвящает благу единственно немецкого народа; о благе других народов пусть заботятся их государственные деятели…

* * *

В самый канун Первой мировой войны «История английского патриотизма» гордо заявляла, что «английский темперамент усвоил… такие черты, как готовность повелевать и терпение, чтобы подчиняться».

Воспитатели паблик-скул (masters) де-факто были воинствующими священнослужителями. Они были склонны подавлять все, что не соответствовало «духу» общности, культивируя тем самым «гляйхшальтунг»[3] во имя имперского патриотизма.

Внедрение соответствующей доктрины подчинения «при господстве страха», обесценивание интеллектуального потенциала, ненужного в таких условиях, — связываются с именем реформатора паблик-скул, директора школы Регби, Томаса Арнольда (1795–1842). В блистательные для Англии времена многие в стране считали, что, несмотря на «некоторую брутальность… грубое невежество и определенный снобизм…

---

[3] Примечания: 3

Gleichschaltung *(нем.)* — нацистская политическая концепция подчинения всех сфер жизни Германии интересам национал-социалистического режима; термин времен нацизма.

типичный мальчик из паблик-скул является благородным животным, лучше которого и быть не может».

А в 1918 г., в период кризиса империализма, кое-кто из англичан уже стал называть этические нормы, насаждавшиеся в паблик-скул, своими именами: «[Там] царит единогласие… проистекающее из подавления индивидуальности, избыток классового чувства и отсутствие духовных ценностей, а также антиинтеллектуализм, жестокость и отвращение к работе». «Чувствительных мечтателей принуждают подавлять свое воображение». Паблик-скул «единодушно обвиняли в том, что они вытравляют рыцарский дух… заменяя его жесткостью… учат ненавидеть мечтателей (которые в этом мире ни на что не годятся) и вообще представляют собой источник филистерского практицизма [примата практицизма]».

Но именно такие методы воспитания будущих повелителей до сих пор находят свое признание, поскольку «они исключают свободу мальчиков… подчеркнуто ставят характер выше интеллекта и воспитывают лояльность к сообществу», — утверждал Эдвард Мэк, занимавшийся историей этих английских

Английские школы действительно воспитывали у учеников привычку подчиняться: «Ученики низшего ранга признавали за теми, у кого ранг был выше, право на власть [которой они вряд ли могли бы добиться в жизни] и осуществление таких дисциплинарных функций, как назначение «фагов» [младшие школьники, оказывающие услуги старшим], «префектов» [вид дежурного] — в зависимости от стажа; дежурные имели почти бесконтрольное право наказывать [причем с применением силы]; существовали и социальные преимущества, приобретаемые успехами на крикетных полях.

Уже с 1864 г. было хорошо известно, что в Итоне ученики низшего ранга «были низведены до положения забитых рабов… они были вынуждены подчиняться издевательским обычаям под угрозой ударов и пинков… Что бы ни позволил себе высший по рангу [ученик] по отношению к низшему — все получало одобрение со стороны общества», — к такому выводу пришла комиссия, занимавшаяся расследованием ситуации в паблик-скул. Проблема «фаггинга» как формы рабства школьников привлекла к себе особое внимание после самоубийства ученика в Седбергской паблик-скул в 1930 г. Но даже тогда в прессе

выступило больше защитников, чем критиков системы в целом.

(Эта система приучала индивида «безропотно соглашаться» со всеми решениями власти, какими бы неправильными или несправедливыми они ему ни казались. Постулат, гласивший, что воспитание должно учить в том числе и привычке «сносить несправедливость молча», вполне соответствовал взглядам Адольфа Гитлера (1933). Однако цитата, приведенная ниже, относится не к Третьему рейху, а к послевоенной Англии: «Общество, очень грубо обходящееся со своими детьми, оставляет в душе многих выпускников паблик-скул травму, от которой они никогда не излечатся».)

Ведь как мог кто-либо, даже узнав о самоубийствах, посягнуть на систему закалки и подготовки будущих властителей, уже столько раз испытанную при завоевании мира? В конечном счете, империя держалась на «самозабвенном повиновении высшим по рангу», где свобода (в утилитаристском смысле) существовала «лишь для тех, кто достоин ее», а истинное равенство — для тех, кто его заслуживает.

* * *

«Для людей, подчиненных дисциплине с ранних лет… авторитет стал всеобщим принципом мышления». «Многие достойные особы», считавшие, что «авторитет составляет самую прочную основу веры, что готовность верить — благо, склонность к сомнению — зло, а скепсис — грех… и что если достаточно авторитетное лицо провозглашает, что надо верить, то для здравого смысла места уже не остается», процветали не только в 1866 г. Именно такие идеи проповедовал и Гитлер.

О стремлении эсэсовцев отринуть сомнения и воспитать в себе твердый, жесткий характер говорил оберфюрер СС Вернер Бест, долго работавший под руководством Гейдриха: «Сознательное подавление чувств… стало… неотъемлемой чертой фюреров СС».) В соответствии с этим кодексом деятельность какого-нибудь Рейнхарда Гейдриха[4] — в частности, подготовка им массовых убийств — считалась бы менее «греховной», чем его игра

[4] Примечания: 4

Гейдрих Рейнхард (1904–1942) — шеф Главного управления имперской безопасности (РСХА), с 1941 г. — зам. имперского протектора Богемии и Моравии, один из создателей системы концлагерей.

на скрипке. Ведь первое требовало от него самого жесткого самообладания, второе же было обусловлено избытком чувств и отсутствием самоконтроля. Еще военный инструктор Гейдриха насмехался над «вдохновенной игрой» и эстетическим самозабвением своего подчиненного: «Гейдрих, можете идти. Вы меня растрогали!». Чтобы «видеть горы трупов и сохранять приличие», необходимо проявлять самообладание: так объяснял эсэсовцам целесообразность этого качества Генрих Гиммлер.

Сам Гиммлер сетовал на изнеженность человеческого материала, из которого ему приходилось делать фюреров для своих СС: «И что это нынче многие из молодых вождей, молодых людей нежны как мимозы… они могут умереть просто от мировой скорби». Конечно, мировая скорбь представляется *нецелесообразной* для дела таких людей, как Гиммлер, для тех, чей императив — неизменно стиснутые зубы.

Идея приспособления к биологически целесообразным вещам составляла и суть воззрений на государство соперника Генриха Гиммлера — Альфреда Розенберга. «Целесообразность означает развитие живого существа, нецелесообразность — его гибель… Форма и целесообразность — не

«части вечной истины», а сама истина…»

Подавление способности к критике

Если буржуа в результате утраты положения теряет свою идентичность, лишается своих средств — а тем самым и смысла своей жизни — он начинает искать вождей, которые выведут его из возникшего онтологического вакуума; и такое положение вещей представляется вполне закономерным. Мещанский утилитаризм выливается в нигилизм, как, например, в заявлении персонажа Ханса Йоста: «Когда я слышу слово «культура», моя рука тянется к пистолету»[5].

Именно в увиливании от подобного использования револьвера обвинял немецкий образованный класс Йозеф Геббельс в журнале «Das Reich». Он критиковал «интеллектуалов» и им подобных за то, что они менее мужественны и храбры, чем простые люди. В таком контексте формулу «Как человек немецкой крови может быть интеллектуалом?», которую лондонское радио, вещавшее на немецком языке (в 1940 г., когда над Англи-

[5] Примечания: 5

Йост Ханс (1890–1978) — нем. драматург и поэт, с 1935 г. — председатель Имперской палаты литераторов, автор пьесы «Шлагетер», в которой появляется цитируемое изречение.

ей нависла смертельная опасность) повторяло вслед за национал-социалистами, не следует расценивать как риторический поклеп. Правда, доктор Геббельс мог бы запросто сослаться на изречение Джона Рёскина (1819–1900) (но уж никак не на немецкую классическую традицию, ни на прусские порядки), звучавшее совершенно в буржуазно-британском духе; во всяком случае, оно целиком соответствовало воззрениям Геббельса: «…Метафизики и философы… — величайшее в мире зло… Тираны могут принести какую-то пользу, поскольку учат людей покорности… метафизики же всегда вводят людей в заблуждение… их всех надо вымести прочь… словно пауков, мешающих… делу».

Еще в 1880 г. проповедник британского империализма и служитель «мускулистого христианства» Чарлз Кингсли высказывал идеи, звучавшие совершенно в духе будущего «гитлерюгенда» (особенно времен Олимпиады 1936 г.): если благодаря тренировке тела «расширяется грудь и твердеют мышцы, то уменьшается и склонность раздумывать о несправедливости судьбы и обвинять общество за его недостатки». «Больше спорта, меньше чтения — от этого работники станут энергичней и преданней».

Однако даже в 1880 г. эти «взгляды» не были новыми. В 1779 г., в эпоху французского Просвещения Эдмунд Бёрк говорил о необходимости подчинить себе невежество и предрассудки, чтобы с их помощью заставить массы охотно соглашаться со своим положением. Лорд Кеймс предупреждал, что знание является опасным приобретением для бедняков: «образование… вкладывает им в головы химерические представления и нелепые фантазии — тем, кому в руках следует держать кайло…» После того, как свершилась французская революция, в периодическом издании «John Bull» было опубликовано такое предупреждение: «Мы обучаем бедных, и что они говорят в ответ? Они утверждают, что они слишком хороши для нудной и тяжелой работы…»

Полемика считалась «ядом для умов простого народа». Она вела к нарушению субординации и требованиям равенства. Поэтому необходимо было не давать низшему классу «возможности вступать в дискуссии… получать образование и выражать протесты». «Разум выступает за критику, традиция — за безоговорочное почтение», следовательно, «образованный народ осмелится подвергнуть сомнению авторитет власти», а это не может не вызывать беспокойства. Все тот же

«John Bull» кричал об опасностях, возникающих в момент, «когда слуги идут против своих хозяев, а ремесленники начинают строить из себя философов». «Низшие классы станут бороться за привилегии, и в результате само подчинение — основа управляемости — перестанет существовать».

Тревогу вызывала и мысль о всеобщей грамотности. Яростным противником идеи предоставить рабочим возможность получать высшее образование был Артур Веллингтон: «Люди подобного сорта становятся так называемыми юристами, склонными оспаривать приказы и проворачивать махинации, направленные против их начальства». Еще в 1800 г. архиепископ Сэм Хорсли утверждал, что чернь не должна интересоваться законами, а должна лишь слепо подчиняться им. Школы, по мнению этого архиепископа, могли научить низшие сословия только неуважению к господам. В такой ситуации возражения партии тори против распространения образования получили широкую и длительную поддержку. «Образование… может нанести вред нравственному состоянию и счастью… неимущих… Вместо того, чтобы сделать из них хороших слуг… как предназначено им судь-

бой, вместо того, чтобы учить их подчиняться, образование сделает их… упрямыми; получив образование они смогут читать бунтарские… книги… оно воспитает в них дерзкое отношение к своим властителям». В 1832 г. истеблишмент отреагировал на призывы дать народу образование следующим образом (вероятно, исходя из собственного опыта): «Знание только вносит беспокойство в умы и отвлекает людей от полезной работы». Еще более серьезные подозрения вызывало поощрение образования и чтения среди солдат, грозившее подорвать политическую надежность королевской армии. Даже реформатор Генри Маршалл отмечал, что книги «заставляют солдат подвергать сомнению мудрость командующих ими офицеров и превращают солдат в бунтовщиков».

Страхи консерваторов перед распространением знаний среди низших сословий достигли своего апогея в книге «Опасности философии». Одно только выслушивание философских доводов способно свести с ума и погубить героиню этого романа.

* * *

Антиинтеллектуализм карлейлев и кингсли соответствовал тому менталитету, который нашел свое олицетворение в аллегорическом образе Джона Буля — практичного человека, косноязычного и невежественного, но при этом берущего верх над ученым и красноречивым оратором, действующим в согласии с логикой. Джон Буль побеждает потому, что понимает «факты природы» и следует именно законам природы — то есть «железным законам бытия», на которые ссылался Адольф Гитлер.

Согласно Чарлзу Кингсли, который прошел путь от проповедника расового империализма до кембриджского профессора (истории…), «для исцеления» (sic: видимо, для «исцеления социальных проблем») «разум не столь важен, как привычка». Гитлер — как и Кингсли, глашатай империи — считал, что доверия заслуживают не ум, не сознание, не «мудрствование наших интеллектуалов», а инстинкты. В конечном счете и Чарлз Кингсли, и Адольф Гитлер в принципе сошлись бы на следующем императиве: «Думай мало, а читай еще меньше».

Философствование и «вообще умозрительные

рассуждения в Англии времен творцов империи оказались в немилости. Ведь в других местах — начиная с Франции — политическое теоретизирование привело к революции». Поэтому для «англичан… идеи стали объектом антипатии, а мыслители представлялись злодеями».

Радикальный интеллектуал становится чем-то вроде пугала… Одно время слово «философ» расценивалось в Англии как ругательство… обозначавшее атеиста и бунтовщика». «Контрреволюция защищается антиинтеллектуализмом»; «разум и инициатива отдельных мыслителей всегда подпадают под подозрение», — писал М. Батлер.

Талантливым людям, обладавшим блестящим умом, давали обидные прозвища: «мозговитый», «высоколобый», отражавшие враждебное отношение «самодовольного, не думающего общества ко всякой странной рыбе, осмеливавшейся потревожить стоячую воду демонстрацией своего ума», — писал автор книги «Эсквайр и его родичи».

Об этом говорится и в «Истории английского патриотизма» (1913) (за пятнадцать лет до того, как Геббельс пожаловался, что интеллект «отравил» немецкий народ): «Самое большее, на что

способен интеллект, — создавать хитрых мошенников, каждый [из которых] действует ради достижения своих целей, предавая… остальных». Зато «совершенный патриот воистину близок к совершенному святому…»

Тем временем совет, данный англичанином в 1856 г.: «Держи свой интеллект в тайне, используй простые слова, говори то, чего от тебя ожидают», — уже давно годился не только для англоязычного мира. «Спасение твоей страны, твоей карьеры, сохранение твоего душевного мира — в этом была неотразимая притягательность антиинтеллектуализма». «Атрофию способности иметь собственное мнение усиливала боязнь нарушить традиционный кодекс поведения, кодекс, который от всех требует компромисса в выборе между справедливостью и несправедливостью, правдой и неправдой — и люди идут на этот компромисс, боясь быть непохожими на других и [в результате] нажить врагов». Никто не должен выступать против общественного мнения, пусть даже во имя совести.

Ценности (или пороки), сформированные антирациональным и антииндивидуалистическим воспитанием, стали традиционными для Англии; и, начиная с 1890-х годов (со времен Бенджамина

Дизраэли и Джозефа Чемберлена) эти ценности были привиты и значительной части британских рабочих.

В результате «добровольное подчинение единицы коллективу во имя общего блага, подчинение, поддержанное единодушной волей целеустремленного… народа», спонтанный *инстинкт повиновения* силам, принуждающим к социальному конформизму (инстинкт, «ставший натурой людей, т. е. развившийся в ходе истории народа»), — сделали существование тайной политической полиции в английском обществе (которое служило образцом для нацистов с их «расовым единством»), обществе, вызывавшем восхищение сначала кайзеровской Германии, а позже и немецких фашистов, совершенно ненужным.

В Англии и «без концентрационных лагерей можно было поставить человека в общий строй — этого добивались за счет одного только влияния окружающих», в особенности — «за счет воздействия конформистского давления общества».

Английские паблик-скул прививали своим питомцам *«желание* подчиняться» предписаниям властей. Нацистская же Германия стремилась достичь *именно такого результата* в молодежных

лагерях, где молодежь «подвергалась конформистскому давлению сверстников и… загонялась в строй… не под страхом концлагеря».

* * *

Немецкие фашисты пытались добиться результатов, уже достигнутых в Англии, а если довоенные нацистские концлагеря (с заключенными небуржуазного происхождения) долго не могли дать требуемого результата — добровольного и спонтанного повиновения, то нацисты намеревались восполнить этот недостаток элитарным воспитанием в «наполас» (главным образом выходцев из среднего сословия) в духе «расового единства». Воспитанники «наполас» должны были учиться повелевать, в то время как узники концентрационных лагерей (на начальном этапе их существования) должны были научиться повиновению.

Повиновение непременно должно было быть спонтанным: речь шла о солидарности «расового единства» прирожденных властителей (таких, как чистокровные англичане) против цветного «низкого отродья», «lower breeds», о вождистском принципе послушания вышестоящим, из которого однозначно следовало право командовать

нижестоящими, о культе мускулов и презрении к интеллекту и чувству — и все это ради того, чтобы приучить к осуществлению права сильного.

Примат воли над интеллектом

Немецкие классики всегда настаивали на том, что никто не вправе распоряжаться творческим субъектом, личностью, свободной и независимой в своей творческой гениальности. То, что нацисты считали «народом», Шопенгауэр, к примеру, воспринимал как чернь, как филистеров, как массу «нормальных людей», враждебных гению. Ведь именно нормальности — всему, что позже окрестят «здоровым национальным чувством» — Шопенгауэр желал поражения в борьбе с гениальностью: пусть мир представления победит мир воли. Он знал, что тяга к познанию вызывает ненависть филистеров. Но если на такую тягу есть «спрос, они превратят это в принудительный труд». Они настаивают на «реальном»; идеальное нагоняет на них скуку. «Апофеоз филистерства — величайшая проблема». Шопенгауэр обращал внимание и на фельдфебельское «сбивание спеси» с интеллекта.

Немецкий романтик Клеменс Брентано дает

«филистерам» более развернутую характеристику. «Филистерство — это когда человек должен думать: чего ему хватает — того с него и хватит, и это все; остальное — глупость… С тех пор как храбрость… и [истинные] герои опочили под земными сводами… вместо героизма… появились воинское подчинение, дисциплина… Они хотят, чтобы люди любили собственный кафтан, и ради этого раздали им одинаковые кафтаны».

«Мнения не будут опасны для государства», — иронизировал другой немецкий романтик Людвиг Тик, — едва только поэзия как глупость будет признана безобидной. «Умы будут подавлены»; ведь ум «сомневается… в реальности, *приличной, целесообразной,* в настоящей реальности». Будьте снисходительны, «прошу вас: посмотрите же на быт, на домашние, бюргерские добродетели».

Позже, в 1936 г., ныне забытый Ойген Винклер (1912–1936) в полной мере ощутил на себе, что означает окончательно созревшая агрессивность обывателей: «Новое и зловещее обнаруживают себя… в духе гниющего мещанства, в духе казарм, в духе, от которого задыхаешься».

Это было сказано за несколько лет до массовых удушений в газовых камерах. Путь же в газовые

камеры вел через восхваление тех, кто насаждал жесткость: «Жизнь жестка, и лишь тот, кто жёсток сам, заставит ее подчиниться… жёстко давать и брать, пока не победишь… в наших рядах нет неженок». И насколько логически обоснованным было это неприятие чувствительности гуманистов и идеалистов, в 1943 г. показал феномен «Белой розы» Софи Шолль и Ханса Шолля — студенческой группы Сопротивления, вдохновлявшейся традициями немецкого идеализма, Гельдерлина, Новалиса и Гете.

* * *

Немецкие классики вызывали у педагогов «гитлерюгенда» еще большую головную боль, чем английские романтики у наставников паблик-скул Великобритании. Ведь для прежней гуманистической культуры Германии, для классицизма и романтизма исключительность гения и нормальность филистера были противоположностями, исключавшими одна другую.

В Германии, сотрясаемой кризисами, образованная буржуазия почти безоговорочно отказалась от привычного ей идеала гуманистической самореализации (в свое время возникшего в качестве, так сказать, «мятежа» против догм

двора и церкви) — отказалась, чтобы, мобилизовав мелкобуржуазный конформизм в форме национал-социализма, избежать собственного деклассирования и пролетаризации. Буржуазия Центральной Европы, ощущавшая близость экономического кризиса и, в частности, панически боявшаяся потерять свой статус, смотрела на гуманистическое культурное наследие как на балласт, мешающий ей защищать интересы своего класса.

Такая ситуация порождала агрессивность в обществе — вплоть до того, что люди были готовы к смерти и убийству. И тут — в качестве приема обороны в классовой борьбе — возникала идея направить классовую зависть в другую сторону — в сторону расовой борьбы. Идеология расовой борьбы формировалась прежде всего с помощью инстинктов и лишь во вторую очередь с помощью рациональных аргументов. Национальная, «фёлькише» политика в этот период рассматривала «яд интеллектуализма, либерализма» как угрозу для власти и ассоциировала его чуть ли не с «господством черни». В этой ситуации социальный инстинкт самосохранения велел буржуазии пожертвовать доводами разума. Необходимо было согласиться на «мышление кровью», ставшее

частью официальной идеологии Третьего рейха. Страх буржуазии потерять свой статус заставил ее пожертвовать и свойственной образованным людям гордостью наследием классиков с их традиционным уважением к разуму.

Те, кто еще в Первую мировую войну гордился своим гуманизмом, заявляя, что «быть немцем — значит серьезнее относиться к духу, чем к жизни», теперь начали воспринимать гуманизм, в том числе и гумбольдтовский, как тягостное бремя. Как бремя героического императива, а то и как почву для появления таких нарушителей дисциплины и порядка, как брат и сестра Шолль, которые восемь лет спустя выступили со своей «Белой розой». Особое недовольство вызывала гумбольдтовская традиция немецкого университета: «немецкому университету до сих пор [1935 г.] не хватало… *воспитательного* элемента», т. е. муштры. Ведь все-таки «задача университета прежде всего заключается в *воспитании*[6]». В 1943 г. Роланд Фрейслер, приговоривший к смерти профессора Курта Хубера за подстрекательство студенческой молодежи к бунту, возглавляемому «Белой розой» брата и

[6] Примечания: 6

Так, в 1938 г. в немецких университетах остался всего 71 % профессоров от уровня 1931–1932 гг.

сестры Шолль, также настаивал, что «университетский профессор должен… *воспитывать*… вверенную ему… молодежь».

Для реализации воли к власти в рамках того, что называли «прусским» [национальным] социализмом, требовалась (кроме «философского» ницшеанства) именно проверенная, практическая модель — модель империализма, успешно осуществленная на практике: «Нам нужна жесткость, — власть, власть и еще раз власть. Планы и замыслы — без власти ничто… без нее не удастся добиться добровольного повиновения» (из работы Шпенглера «Пруссачество и социализм»).

Как не потерять власть

В 1924 г. вышла книга «The Lost Dominion» («Утраченная власть») Ал. Картхилла. В своем труде Картхилл самым радикальным образом разделывался с либеральным британским гуманизмом и парламентаризмом. Эта книга, с ее иронически-уничижительной изобличением демократии, пацифизма, принципа самоопределения — всего того, что в соответствующих кругах Германии называлось «слюнявым гуманизмом» — была почти сразу же переложена на немецкий

язык (одним «фёлькише» издательством) под названием «Verlorene Herrschafb (1924). Предисловие к немецкому изданию этой книги написал учитель Рудольфа Гесса и наставник Адольфа Гитлера, профессор Карл Хаусхофер. В предисловии Хаусхофер проводил параллели (в духе Вагнера) между ситуацией, описанной в книге Картхилла, и Валгаллой: «как если бы Вотан, под победными рунами которого некогда выступали англосаксы, в последний час Валгаллы еще вынужден был председательствовать на конгрессе пацифистов… и уже… видел трепетанье первых огоньков мирового пожара».

Сам Картхилл был сторонником государственного террора и подтверждал его эффективность. Он заявлял, что опроверг мнение, будто «[на штыках]… нельзя сидеть [по крайней мере долго])». Ведь «если штыков достаточно и они так хорошо воткнуты в тело жертвы, что она не будет извиваться, если размещение этих штыков проведено в определенном и искусном плане, то при их помощи можно соорудить… нечто вроде лесов, на которых… можно водрузить довольно устойчивый консульский… трон».

Больше всего огорчало Картхилла то, что из английской культуры не удалось исключить ли-

беральные идеи, противоречившие деспотизму и бюрократической гегемонии, идеи, «пригодные для гуманистической… и подрывной агитации — под маской демократии».

Теперь для существующего положения оставалась лишь одна защита — «инстинкт». «Предрассудки, основанные не на разуме, а на инстинкте… имеют глубокие корни и… вероятно, являются здоровыми», — заявлял Картхилл. Он, как после него Гитлер, считал, что инстинктивное не может быть опровергнуто разумом.

Перед лицом опасных сил — «тлетворного влияния либералов, сентиментальных гуманистов, интеллектуалов, лишенных инстинкта», — Картхилл настоятельно рекомендовал *«холодно, спокойно и безжалостно»* производить *«подавление»*.

Картхил предлагал массовое административное убийство в качестве вполне политического выхода из сложившейся ситуации. Уже через семнадцать лет аналогичный «аргумент» был применен Гитлером в отношении русских: «Русский испокон веку привык к беспощадному отношению со стороны властей». Но и в отношении самой Англии Картхиллово «зерцало государей» предписывали использовать *массовое*

убийство («избиение») *в качестве административного акта* контрреволюции: «Если есть партия, которая может стать сильной и потому опасной, то часто бывает актом благоразумия уничтожить ее вовремя» — если правительство само приходит к выводу, что «избиение» необходимо. А «если когда-нибудь революционная партия в Англии достигнет значительной силы и почувствует себя в состоянии послать вызов правительству… тогда, я думаю, вопрос решится именно избиениями».

* * *

Освальд Мосли, создавший Британский союз фашистов, пользовался благосклонностью властей. Они рассматривали этот союз как патриотическую организацию, а после 1935 г. вообще перестали рассматривать фашистское движение как угрозу.

Внешнеполитические концепции Мосли продолжали оставаться на почве британского патриотизма — несмотря на то, что сам Освальд Мосли оказывал предпочтение фашистским диктатурам Европы (даже можно сказать, именно благодаря этому предпочтению). Британские фашисты требовали безусловного признания

восточноевропейских сфер влияния Гитлера — в качестве *столь же* легитимных, как Британская империя в качестве сферы влияния Англии: «Пусть Германия будет сильной в Восточной Европе, и пусть Британия будет сильной в своей всемирной империи». Ведь — как учил еще Томас Карлейль — право вести собственную политику дают только власть и сила. Таким образом открыто и явственно провозглашался основной принцип Карлейля: «Might is Right», сила — это право.

Мелкие государства не вправе препятствовать реконструкции Европы, — утверждал еще в 1934 г. Освальд Мосли. (Немецкий англоман, гитлеровский пророк необходимости завоевания жизненного пространства — Ханс Гримм высказался еще грубее: не следует считаться с «правом малых и мельчайших на собственные капризы…»)

Еще одним сторонником «сильной власти» был лорд Альфред Милнер. Милнер отличался умением организовывать секретные группы, которые процветали в среде олигархии. Милнер вообще слыл вдохновителем «политики умиротворения», т. е. укрепления контрреволюционных диктатур. Опыт колониального администратора

империи в Южной Африке привел Милнера к убеждению, что парламентская система власти в Англии, «основанная на столь скверной вещи, как общественное мнение, непригодна для управления большой империей».

В 1912 г. Милнер не остановился даже перед государственной изменой британскому парламентаризму («в национальных интересах»). Он и его сторонники пытались разжечь офицерский мятеж против избранного либерального правительства (из-за его уступок Ирландии). Еще в 1916 г. Милнер сделал попытку покончить с межпартийными распрями — создав единую «национальную партию».

Выступая в таком духе, Милнер одобрил нанесение Англией летом 1917 г. удара по своему союзнику (правительству демократической России) с целью свергнуть Александра Керенского — удара, нанесенного ради того, чтобы восстановить «дисциплину и порядок» на западном фронте России и тем самым спасти жизни английских солдат на западном фронте Германии. В результате в июле 1917 г. англоязычные читатели могли встретить заголовки: «России нужен диктатор». Россия и в самом деле получила диктатора — после того как Альфред Милнер через

посредство генерала Корнилова резко ослабил русскую демократию. Правда, это был не диктатор, желательный Англии, а диктатор Ленин…

В общем, было бы даже странно, если бы часть британского правящего слоя, которая чувствовала себя обиженной демократией не оценила бы по достоинству дел и обещаний Адольфа Гитлера. Весь британский истеблишмент был питомцем воспитательных заведений, которые (согласно гитлеровскому Главному управлению имперской безопасности) стремились «воспитывать мужчин с самой твердой волей… мужчин, которые, не считаясь ни с чем… видят смысл своей жизни в служении идеалам английского господства и интересам английского правящего слоя».

Эти «питомцы» не могли не отдать должного тому факту, что именно в них гитлеровская Германия хотела видеть «пример для подражания» для своих вождей. Уже тот факт, что англичане-«властелины» узнавали в образцах поведения, которые *демонстрировал ранний* Третий рейх, «дух собственного духа», собственные представления о ценностях, — уже один этот факт делает понятным восхищение британцев Гитлером, восхищение, не ограничивавшееся сферой чисто политической.

Заявление главы Экономической лиги (ассоциации работодателей) и члена Большого совета британских фашистов Джона Бейкер-Уайта о том, что Нюрнбергский съезд превзошел по эффективности времена Бисмарка, было еще одним из самых безобидных. «У конгресса нацистов есть… восхитительные методы, позволяющие быстро решать все вопросы».

Гитлер — «национальный вождь», «миллионы людей видят в нем бога… Ему потребовалось всего немногим более четырех лет, чтобы вывести великую нацию из глубин [депрессии]… Он не забывает своих друзей. Обрекая на смерть Рёма, он [что похвально] принес в жертву свое личное дружеское расположение». «В лице господина Гиммлера… мы нашли очаровательного хозяина дома… очень дельного шефа полиции». «Об эсэсовцах говорят, что они звери… Но все эсэсовцы, с которыми я общался, были очаровательными, вежливыми и всегда готовыми помочь людьми», — так характеризовал мистер Бейкер-Уайт эсэсовцев Гиммлера.

(Впечатление, что Генрих Гиммлер — «скромный человек», «пекущийся о благе своей страны», вынесли и патриотичные ветераны Британского легиона — организации фронтовиков

Великобритании — после посещения в 1935 г. концентрационного лагеря Дахау и его высокой оценки. А британский мэр города Бетнел-Грин, «осмотрев» концлагерь в Кисслау (Баден), заявил в печати, что он может «только засвидетельствовать, что Адольф Гитлер… достойно обращается со своими политическими противниками».)

* * *

Иерархическая структура Британской империи, в свою очередь, была удобна для тех, кто (пусть даже они принадлежали к среднему классу) ощущали себя частью правящего слоя Англии, — так как именно она стабилизировала систему британского общества.

Эта структура образовалась в период подъема викторианской буржуазии как господствующего класса. Чемберленовская «политика умиротворения», проводившаяся в конце этого периода, следовала традиции дискурса в духе «cant» (лицемерия, двойного стандарта), — напоминает Маргарет Джордж. Соответственно как бизнесмен Чемберлен был воспитан таким образом, чтобы не давать воли эмоциям (например, чуткости к несправедливости) и презирать их. Благодаря одному закону, инициированному им ранее,

английские арендаторы попали в такую зависимость от землевладельцев, что появилось восемь новых способов сгона с земли — даже Освальд Мосли считал это законодательство «жутко классовым».

Можно сказать, что Чемберлен — в традициях викторианской буржуазии — во время своих стараний стабилизировать режимы Гитлера и Муссолини «постоянно ощущал за спиной какую-то тень» — «тень социальной революции» (социальной и экономической, но не политической). Роберт Шэперд также обращал внимание на сильную обеспокоенность правящего класса, встревоженного тем, что война неумолимо повлечет за собой социальную революцию в стране. «Прежний порядок будет сметен…» «Они сошлись на том, что война, независимо от того, выиграем ли мы ее или проиграем, приведет к уничтожению богатых праздных классов». И именно в этой связи еще Томас Карлейль в 1849 г. заявлял: «Если появятся более сильные, их обнаружит сама природа как достойных [этого названия]…»

«Державы, более не способные вновь и вновь приобретать владения — в смысле материальном и духовном, при помощи превосходящей воли и творческой силы, — созрели для ухода со

сцены», — писал Хаусхоффер. А Тост, английский корреспондент «Vo1kischer Beobachter», партийного органа гитлеровской НСДАП, констатировал: «Право народов на самоопределение, — как резонно заметил один британец, — это динамит, которым можно… взорвать нашу империю». «Скверно лишь то, — утверждал один колониальный офицер в отставке, — что в Лондоне разучились жесткому обращению… Люди в отечестве стали слишком мягкими…».)

«Секрет нашего успеха в том, что мы снова ставим в центр… право истинных господ на существование», — заявлял (по словам Раушнинга) Адольф Гитлер. Он не так уж ошибался, заявив: «К нам постепенно начинают относится как к… равным… потому что мы стали вести себя *безжалостно».*

Война как средство продолжения политики

Аннексия Гитлером Чехословакии вызвала далеко не однозначную реакцию в немецком обществе. По мнению Людвига Бека, Германия стояла перед угрозой «не только военной, но и общенациональной катастрофы».

Согласно Эриху Кордту, «в то время гораздо меньше мужества требовалось, чтобы восстать против безумного приказа Гитлера — под аплодисменты большей части немецкого народа, чем выполнить приказ о нападении, после чего эти военачальники неминуемо и притом очень скоро попали бы на виселицу — ведь [тогда] такая судьба неизбежно постигла бы их после поражения от рук разъяренного и восставшего немецкого народа». (Это было еще до того, как пропаганда настолько обработала немецкий народ, что он уже не потребовал ответа за военное поражение и национальную катастрофу с тех, кто вверг его в это бедствие.)

27 сентября 1938 г. «во второй половине дня в Берлине к солдатам относились как никогда плохо; в рабочих кварталах можно было видеть сжатые кулаки, в центре люди демонстративно смотрели в сторону».

«С такими людьми я не могу вести никакой войны», — жаловался Гитлер, и министр пропаганды вторил ему: «Да, мой фюрер...». То было время, когда популярность Гитлера находилась в самой низкой точке, писал автор «Ненужной войны». А американский журналист Уильям Ширер отзывался об этом периоде, как о «самом

сильном протесте против войны», который он когда-либо видел.

«Из многих концов Германии доносились горячие мольбы: «Не уступать! На этот раз у Гитлера ничего не получится. Народ не хочет войны!»» — вспоминал немецкий политический деятель Венцель Якш.

Целый ряд наблюдений современников подтверждает, что угроза войны вызывала у населения серьезнейшую озабоченность и подавленность. Так, в одном донесении службы безопасности СС говорилось о настроениях, доходивших «до выражения самой резкой критики в отношении «авантюристической политики» рейха». «Авантюризмом» считало эту политику большинство офицеров Гитлера, полагавших, что объявленная фюрером мобилизация была «военным запугиванием» с целью «дипломатического шантажа».

«Перемены настроения вызывали такой пессимизм, что, например, представители интеллектуальных кругов стремились бежать из пограничных областей на западе, находившихся под угрозой. В некоторых местностях… с банковских счетов снимались значительные денежные сбережения… Тяжелое впечатление… еще более

усиливала всеобщая депрессия, возникшая вследствие угрозы войны». «Часть населения больше прислушивалась к иностранной пропаганде и в результате еще более укреплялась в своем тотальном недоверии».

С другой стороны, в исследовании, озаглавленном «Война Гитлера и немцы», отмечается: «Негативное значение Мюнхенского соглашения… даже трудно переоценить… Мало того, что оно укрепило мнение Гитлера в правильности его экстремистской политики… оно еще и сделало из него почти что легендарную фигуру для немецкого народа». «Образ непобедимого создала ему только… [якобы] непостижимая нерешительность его будущих противников».

Передача Судетской области без развязывания войны стала обоснованием «непогрешимости Гитлера в глазах его *теперь* полностью убежденных сторонников». Лишь эта мирная передача обеспечила гром аплодисментов в ответ на уверенное утверждение Гитлера: «Я *все* рассчитал». Ведь «соотечественники, до тех пор еще не полностью уверившиеся в национал-социализме, теперь поняли, что для другой государственной власти достижение *такого* успеха было бы немыслимо…Не подлежит никакому сомнению,

что… события [сентября 1938 г.] дали новый импульс национал-социализму и еще более укрепили его позиции среди населения. Престиж фюрера поднялся еще выше, и даже самые упорные *теперь* начинают усваивать положительное отношение к новому государству». (Эти перемены затронули даже узников концентрационных лагерей, многие из которых стали стыдиться своего негативного отношения к режиму.)

А ведь всего за год до этого Гитлер не чувствовал себя настолько уверенно. Глава СС Генрих Гиммлер также высказывал свои опасения подчиненным: «Нам нужно больше концлагерей… 30 дивизий «Мертвой головы» образуют ядро… более крупных сил, которые потребуются нам для гарантирования внутренней безопасности и полного контроля над народом».)

В связи с ситуацией, сложившейся в начале осени 1938 г., Генрих Гиммлер говорил о применении СС для подавления внутреннего сопротивления, а то и о гражданской войне в Германии (никогда больше за весь период существования Третьего рейха он не делал подобных заявлений): «Если бы началась *эта* война… мы бы выиграли ее. Правда, проявив такую жестокость и выказав такую железную волю, каких Германия еще не

видела. Я могу гарантировать, что, пока я руковожу СС, внутри страны во время войны не будет ни одного человека, который хотя бы мысленно совершал революцию. Потому что такие люди сначала познакомятся с нами… Без всякой пощады… Потому что я, не дрогнув, уложил бы тысячу человек в городе. Я сделал бы это и ожидал бы от вас, что и вы это исполните».

Права сильнейшего. «Железный закон бытия»

Права человека не стоят того, чтобы о них дискутировать. Сила людей — вот о чем идет речь.

Томас Карлейль

«Миротворцы», властители Британской империи, готовы были уступить Гитлеру, чтобы укрепить свою империю. Однако если растущая слабость британского империализма приписывалась смягчению свойственной ему прежде безжалостности, то империя Гитлера оказалась слишком безжалостной — себе же во вред. Даже империалисты конца викторианской эпохи осознавали, что, «хотя низшие расы должны

страдать в борьбе за жизнь, цивилизованные расы не могут позволить себе стереть их (выполняющих столь много необходимых функций) с лица земли». Такой прагматизм был совершенно чужд Гитлеру.

Чему Гитлер не уделял ни малейшего внимания — так это вопросу, который в отношении «восточного пространства» прямо-таки напрашивался, буквально возникал сам собой (например, у генерал-лейтенанта Ханса Лейкауфа): «Если мы перестреляем евреев, заморим военнопленных, предоставим населению больших городов умереть голодной смертью… потеряем из-за голода и большую часть сельского населения… — остается открытым вопрос, кто же будет производить материальные ценности?»

«То, что воспринималось как выражение… слюнявого и сентиментального гуманизма, было в действительности выражением самой что ни на есть реальной политики. Ведь речь шла не менее чем о сохранении у миллионных масс населения восточного пространства первоначального [положительного] отношения к нам, чтобы из этого… можно было извлечь величайшую пользу для Германии».

Напротив, именно прагматическо-утилита-

ристской традиции Англии учитывать границы, в которых можно практиковать расизм и игнорировать право народов, в конечном счете соответствовали следующие выводы Трейчке: «За этим соображением стоят очень реальные чувства взаимозависимости, а не человеколюбия… Вновь и вновь приходишь к выводу, что в своих же интересах власть должна прибегать к гуманным мерам» — прагматическим соображениям, удерживавшим правителей тех мест, откуда происходит идеология расового господства, от образа действий в стиле Адольфа Эйхмана. Так, в одном американском художественном фильме об Эйхмане последний, отдав приказ о геноциде, спрашивает: вопросы есть? В ответ один из его людей (исключительно по-деловому) осведомляется: «А что, если враги то же самое сделают с нами?» Прагматическое и решающее соображение, благодаря которому человечество — начиная с каменного века — постепенно избежало риска взаимного истребления.

Решимость Гитлера проводить геноцид и таким образом подвергнуть немецкую нацию такому риску явилась результатом его веры в миф, в «вагнеровский апокалипсис», в «сумерки богов», а не просто в выживание сильнейших.

* * *

Провозглашение права сильнейшего «железным законом бытия», принцип, в соответствии с которым слабейшие по сути не имеют природного права на жизнь, порождает беспредельный риск. Ведь ни одна, абсолютно никакая человеческая власть, в том числе и власть Адольфа Гитлера (первоначальный вариант его «Mein Kampf» делал «германского» фюрера и его жизнь гарантом успеха его политики), в конечном счете не может гарантировать, что она действительно останется сильнейшей. А значит, мнимое «право сильного» слишком легко может оказаться иллюзией более слабого.

Если же люди, настаивающие на праве сильного, в реальности оказываются слабее противника, — наступает «случай риска», известный случай, когда те, кто во главе со своим фюрером перед лицом всего человечества громогласно взывали к праву сильного, сами становятся жертвами этого же принципа (а некоторым из них и по сей день не надоело жалеть себя за эту свою травму).

В конечном счете именно из-за такого риска — который никогда нельзя исключить полностью

— родина социал-дарвинизма не провозглашала тот принцип, что «ни один народ на этой земле не имеет и квадратного километра… по высшему праву» в качестве категорического принципа межгосударственных отношений в мировой политике. «Таким образом… землю дает только право победоносного меча». Ведь при такой установке можно потерять всякое право на родную землю. (А если заявить на нее какие-либо притязания, то в ответ тебе логично укажут на «право» сильного.)

Права на родину лишает (как заявляет, в частности, Манфред Рёдер) вовсе не абсурдная легенда о коллективной вине (за которой на самом деле прячутся настоящие виновники — отдельные лица), а реальный коллективный риск — риск потери своей земли при неудачной попытке присвоить чужую.

(Став приоритетным в плане ограничения силы как права, прагматизм оказался отправной точкой и в плане допущения превалирования силы над правом. Именно прагматические соображения определяли, что следует делать, а что не следует. Так, будучи либералом, Гладстон осуждал британское завоевание Бирмы (1885/1886), но когда он стал прагматичным премьер-министром

(1892–1894), ему даже в голову не приходило пересмотреть британскую аннексию. Полвека спустя Клемент Эттли именно с точки зрения *морали* неустанно порицал кровавый режим Франко в Испании, подавлявший большинство (при решающей военной поддержке Гитлера и Муссолини в 1936–1939 гг.), заявляя, что британские лейбористы никогда не отступятся от республиканской Испании. И все же именно Клемент Эттли, став в 1945 г. лейбористским премьер-министром, решающим образом способствовал укреплению диктаторского режима Франко в Испании, отдав предпочтение прагматизму «холодной войны» перед моралью демократии…)

Отсутствие пределов для «сверхчеловеков»

«Имперское право Киплинга было сродни божественному праву». Однако под ним подразумевалось не только право силы. «Даже в XIX веке гуманизм и протестантизм… наложили на имперскую власть [своего рода] внешние ограничения», хотя и на «евангелический лад»: власть узаконивалась чистотой намерений властьимущих. К 1864 г. сформировалась следующая идея:

«править следует, испытывая как можно меньше угрызений совести, словно мы ангелы, призванные для выполнения этой задачи».

В таком же духе высказывался и Гладстон, величайший государственный деятель британского либерализма, премьер-министр в 1868–1874 гг., 1880–1885 гг., 1892–1894 гг.: «Великий долг правительства — не допустить победы идей о превосходстве над остальным человечеством, не поощрять зловещий дух господствования, а действовать на основании… принципов братства и равенства наций». Гладстон также предупреждал: «Настанет день… когда народ Англии осознает, что национальная несправедливость есть вернейший путь к падению нации». Не случайно королева Виктория испытывала неприязнь к Гладстону, отдавая предпочтение расистскому империализму Дизраэли с его враждебностью к демократии и антипарламентаризмом. А лорда Альфреда Милнера сильно раздражала книга «Холопы Британии» Фрэнка Уэстона, ставшего в 1908 г. епископом Занзибара.

Эти моралисты боролись за Англию, противоположную той Англии, которой стремился подражать Гитлер, которую он хотел догнать и перегнать. Даже империалистические паблик-скул,

которыми восхищался Гитлер, пропагандировали некоторые идеи, абсолютно несовместимые с представлениями нацистской Германии. Так, ярый империалист Уэллдон, директор паблик-скул Харроу, говорил: «Уважение сильных по отношению к другим — вот то, что составляет святость»; «По закону Христа, сильные являются слугами слабых».

Даже «мускулистое христианство» Томаса Арнольда (1819–1875), реформатора паблик-скул Регби и доктора англиканской теологии, не обходилось без этики. Заботу Арнольда о «душах богатых» (в Регби) «можно сравнить лишь с тем, какой страх он испытывал перед недовольством бедняков». Но если он «изо дня в день… жил страхом революции», то его питомцам (как впрочем и питомцам подобных ему пастырей) полагалось — в противоположность их нацистским подражателям — страшиться Господа Бога еще больше, чем революции. Не стояли ли «религиозные и моральные принципы» для Томаса Арнольда выше, чем даже «поведение джентльмена»?

«Стоят ли традиции Регби и общее мнение его учеников… выше ценностей Божьих?» — это еще имело форму *вопроса,* а не утверждалось как аксиома. Влиянию Арнольда следует приписать

и следующие моральные положения: «Если мальчик оказывается слабее, пусть даже он и неправ, *не* нападай на него вместе с другими… И если ты не можешь прийти ему на помощь (или сделать его мудрее), запомни: он нашел в мире нечто, за что будет бороться и страдать, и именно это тебе следует сделать для себя; думай и говори о нем с нежностью».

Все это, как писал автор книги «Barbarians and Philistines», «уберегло [британцев]… от самой суровой формы жестокости по отношению к врагам, туземцам и прочим подданным». Уберегло благодаря тому, что «британские правящие классы воспитывались в атмосфере, в которой беспощадная жестокость уживалась с постоянными напоминаниями о необходимости быть добрым», — такой вывод сделал автор книги «Империя и английский характер».

В Англии, в отличие от нацистской Германии, никогда не звучали открытые призывы к зверствам. Даже в учении Карлейля присутствовал религиозно-нравственный аспект, напрочь отсутствовавший у Гитлера.

Субъективно британский империализм не был совершенно лишен моральных устремлений. Во всяком случае, он призывал их иметь — хотя бы

устами либералов, находившихся *в оппозиции:* «Англия… пребывая в контакте со столь многими слабейшими расами, в проклятой гордости кровью, цветом кожи или империей… [могла впасть] в соблазн позабыть, что все это не уменьшает, а усугубляет обязанность быть человечными»!

«Наш долг — действовать во благо тех слабых человеческих существ, для которых мы исполняем роль почти что Провидения; великая, данная нам свыше обязанность — действовать в пользу народов, наших подданных, наш долг —…оправдать нашей справедливостью наше мировое господство». Даже радикально настроенному либералу Чарлзу Дилку, верившему в превосходство англосаксонской расы и одобрявшему истребление «низших» рас, приписывали «решимость защищать слабых».

О том, что авторитарный расизм в Англии смягчался представлениями о милосердии, свидетельствует и высказывание Джона Рёскина: «Наша раса все еще не пришла в упадок; у нас… все еще сохранились твердость, чтобы управлять, и милость, чтобы подчиняться. Нам присуща религия чистого милосердия».

Для ярого империалиста Сесила Родса Англия стояла выше остального человечества, но при

этом, даже для него, Бог стоял выше Англии. Именно Сесил Родс утверждал, что «религиозная сторона политики» должна «предохранить… империю от… превращения в воплощенного демона, подверженного амбициям беззакония и бессердечной любви к золоту». «Надо быть империалистом не только исходя из простой… гордости своей расой, но и потому, что… империя является проводником… Справедливости, Свободы и Мира во всем мире». Даже для Сесила Родса «распространение Справедливости и Свободы являлось условием избранности англосаксонской расы Богом».

Перед Первой мировой войной одна «История английского патриотизма» видела свою империю «не только могучей… но также бескорыстной и христианской… Ведь… величие и душа [английской] конституции [sic] — свобода… Судьбой Британии еще может стать создание образца империи… через посредство любви». В апогее Британской империи даже Фрэнсис Янгхасбенд[7] объяснял превосходство жителей Великобритании над азиатами «более высокой нравственной

[7] Примечания: 7

Янгхасбенд Фрэнсис Эдвард (1863–1942) — англ. путешественник, исследовал Центральную Азию и Тибет, в 1906–1909 гг. — британский резидент в Кашмире.

сущностью».

* * *

Такое нравственное превосходство британцы ощущали по отношению к людям чужих рас, «полудьяволам и полудетям», в соответствии со знаменитыми словами Киплинга о «бремени белого человека». Колониальные англичане — по Киплингу — должны с величайшим трудом выводить их из тьмы на свет, пожиная за все это лишь неблагодарность. Конечно же, имея дело с такими «полудьяволами и полудетьми», англичане не представляли, как тут можно говорить о равноправии, пусть даже в отношении образованных «туземцев»; несмотря на это подчинение последних должно было вписываться в некую патриархальную связь — в духе самовосприятия тогдашнего классового общества в самой Англии. Киплинговская Англия видела в себе упорядочивающую силу.

Сходным образом, например, Пауль Рорбах оправдывал вильгельмовский империализм не без морализма. «Гуманность… была практически неопровержимым доводом… в деле пропаганды империализма». Британские империалисты *заявляли,* что они собираются «дать народам

земли… большую свободу и большую справедливость, величественнее и беспристрастнее которой не было в мире» — как бы исполняя волю Всемогущего, а не провозглашая «какую-нибудь новую форму имперского язычества, созданную на основе… немецкого культа самопочитания» (эти слова Болдуина даже в 1940 г. цитировали в Германии).

В донацистской Германии специфика английской религии понималась как вера в «своего английского бога, защищающего свой избранный народ и ведущего его к победе», по определению Фридриха Брие. Но, по крайней мере, в Англии, в отличие от Германии Ницше, не считалось, что «Бог мертв» — пусть даже, как у Томаса Карлейля, это был *британский* Бог: ему соответствовало некое высшее «сверх-Я». Так, Киплинг напоминал: «Если мы, опьяненные властью, перестанем испытывать благоговение к Тебе… Господь воинства, не покидай нас, чтобы не забылись мы». «Высланный в даль, тает наш флот… Глядите, весь наш блеск вчерашний оставит от себя не больше, чем оставили после себя Ниневия и Тир. Судья наций, все же пощади нас, чтобы не забылись мы, чтобы не забылись мы. Да избежим мы веры в то, что невечно:…в железо, в осколки. В прах

обратится мужество, то, что строится на песке, на железе, на том, что обратится в осколки. Помилуй Твой народ, Господь». Этим гимном Киплинг призывал соотечественников к смирению. И если британцы Киплинга считали себя «избранным народом», то они связывали это и с возложенными на себя обязанностями, а не исключительно (пусть и в основном) со своими привилегиями.

(Понятие о ветхозаветной, этническо-культурной исключительности, которое обычно выводят из знаменитого высказывания Киплинга: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут», на самом деле в том же киплинговском тексте преобразуется в гуманистическом духе: если сильный сталкивается с сильным, то для этих истинных людей больше нет ни Востока, ни Запада[8]).

Хоть выражение «бремя белого человека» и было исполнено расового чванства, но эти кры-

---

[8] Примечания: 8

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,

Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.

Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,

Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?

(Баллада о Востоке и Западе / Пер. Е. Полонской).

латые слова отражали *не только* лицемерие. Они рассматривались как «распространение сословного «noblesse oblige»[9] на империю» (в противоположность лозунгу среднего класса «bourgeoisie n'oblige pas»[10], по словам русского аристократа Александра Герцена). Как «бремя белых», так и обязанности, обусловленные знатностью, должны были связывать этот статус с необходимостью исполнять долг перед более слабыми и даже делать его символом этого долга.

Богоизбранность английской расы подразумевала под собой — по крайней мере в начале викторианской эпохи — и Страшный суд, день, когда Британия будет призвана к ответу («Совесть викторианского государства»). Даже в разгар Первой мировой войны «христианский империализм» напоминал: «Когда нам говорят о нашей принадлежности к посвященному народу, о том, что этот статус влечет за собой священные обязанности, мы могли бы пожелать, чтобы… этого не произносили вслух… И все же наша совесть не останется глуха к их мольбам… А если чванливая гордость когда-либо станет нашим

[9] Примечания: 9
Положение (букв, дворянство) обязывает *(фр.).*

[10] Примечания: 10
Принадлежность к буржуазии не обязывает *(фр.)*

главным грехом… что, как ни повиновение Ему, тому, кто низвергает могущество… и возвышает низы, сделает нас смиренными».

В Британии не было места для сверхчеловека — не только владеющего своими мышцами и нервами и стоящего выше чувств и страхов, но стоящего выше и религиозных представлений, господина над жизнью и смертью обычных людей. Ведь в Англии не было нигилизации, которая нуждалась в компенсации потери идентичности, компенсации в густой тени сверхчеловека.

Несмотря на все английские традиции веры в «расу господ», избранность, расовое превосходство, сплоченное расовое единство и на привычку подчиняться, при всем культе мускулов и презрении к духовной и эмоциональной жизни, которые воспитывались у английской элиты, все-таки в самой Великобритании никаких войск СС не появилось. (Члены английского «Потерянного легиона», хотя их и характеризовали как решительных, жестоких и преданных своему лидеру, все же не были настолько деморализованы, чтобы стать наравне с эсэсовцами и выполнять их функции). Не появилось в Англии ни концлагерей, охранники которых должны были бы проходить в этих местах квалификационные ис-

пытания путем «полувоенной» службы в них, ни частей «Мертвая голова» из тех, кто уже получил такую «квалификацию».

* * *

Попытка «тотальной власти опытным путем в лабораториях концлагерей избавиться от людей, ставших лишними, соответствует… осознанию современными массами собственной ненужности в перенаселенном мире». Таким образом, тоталитаризм в конечном счете стремился создать систему, в которой человек является лишним, — делала вывод Ханна Арендт. К этому ведет прогресс механизации. Ведь и в «открытом обществе» индивидуальная деятельность имеет тенденцию «в конечном счете [сводиться] к бессознательному или вынужденному исполнению роли [социальных] механизмов», то есть происходит, по определению общественных наук, «упразднение человека». Потенциальные возможности развития в этом направлении, возможно, наметились при индустриализации, начавшейся в Великобритании. Однако обезличивание человека путем лишения его духовности в конечном счете привело к тоталитаризму все-таки не в самой Англии.

Как утверждал антидемократический, католический теоретик Карл Шмитт, Гитлер воплотил в жизнь чаяния ницшевского Запада, его стремление к Человеку, реализующему себя в этом мире, чисто биологически, в соответствии с природой.

Шмитт говорил о Гитлере как о конечном продукте «гуманизма» Ницше. Ницше, как известно, появился не в Англии. Согласно Ницше, человеку как таковому, так сказать, не остается места между недочеловеком и сверхчеловеком. Однако в Англии почти не было социальной потребности в грезах Ницше о сверхчеловеке, в его желании создать «орден высших людей, у которых воспитывают самодисциплину… [ради] твердости и преодоления сострадания… воли к власти… *будущих* властителей мира». Ведь среди имперских англичан (где быть англичанином значило быть «избранным над всеми народами») хватало «властелинов», *уже* — а не будущих — властителей мира. А значит, в Англии не оставалось социального пространства для «революции [гитлеровской] *новой* аристократии» «против масс», в духе «богочеловека» — «богочеловека», в одиночестве стоящего надо всеми, обладающего беспредельной властью и подчиняющегося лишь своей воле.

Во всяком случае, в Англии не было нужды в австро-баварском, мещанском типе сверхчеловека, для которого, по словам Даниэля Голдхагена, «концлагерь являлся тренировочной площадкой для вырабатывания поведения, присущего господам». Таким образом, роковое предсказание Гитлера: «Я освобожу людей… от грязных и унизительных самоистязаний из-за химеры, именуемой «совестью и моралью»» в Англии не получило отклика[11].

Драма политической реальности

Писали, что задолго до того, как войска СС изготовились к «броску на Восток», Адольф Гитлер — который к тому времени уже стяжал гром оваций всего лишь за заверение «я *все* рассчитал» — сделал следующее предсказание: «Может быть, мы погибнем. Но мы возьмем с собой весь мир»: Муспилли, мировой пожар из нордической мифологии. «Он напел тему из «Сумерек богов»»

---

[11] Примечания: 11

Ведь функции прагматической составляющей этого «сверхчеловеческого» обещания уже исполнял «кэнт» (cant) — оценка другой стороны по моральным критериям, а собственной — по утилитаристским, основанная на представлении об избранности: мораль, таким образом, оставалась — двойная..

[Рихарда Вагнера] — «только это подобает… незыблемой воле повелителя, которая и перед лицом полного уничтожения остается цельной».

Как в «Сумерках богов» Рихарда Вагнера, мир, обреченный на гибель, должен был охватить очистительный мировой пожар. А «Гитлер стал Зигфридом, героем, вознамерившимся убить «злого гложущего червя рода человеческого»», так сказать, «превратить мир в театр Вагнера». «Драма политической реальности… для Гитлера разыгрывалась на фоне меняющихся декораций «Кольца» [Нибелунгов]», это был «спектакль… в котором Гитлер играл свою звездную роль», делил «мир по категориям и создавал социальный порядок, при котором костюм олицетворял функцию». «Как Вотан — дикой охотой, он [Гитлер] командовал уже войском мертвецов… и, разыгрывая войну в ящике с песком, форсировал массовую гибель… Пока это зависело от него, репертуар составляли «Сумерки богов»».

Лишь «вагнеровский» «театр мира… изображающий гибель сынов арийских богов и наступление… владычества» демонических хранителей сокровища, «помог немыслимому стать отчетливо-наглядным» до такой степени, что внушил мысль истребить мнимых «мракобесов».

«В отвратительный абсурд, который он [Гитлер] предвещал в своих проповедях перед ликующими массами, по сути никто не был готов… поверить». Казалось, что это чистой воды театр, пьеса, требующая сценического же воплощения. Однако этому «театру» суждено было стать реальностью.

Безусловно, Англия — выстояв при Уинстоне Черчилле (с июня 1940 по июнь 1941 гг.) — не позволила Гитлеру одержать окончательную победу. Однако при этом англичанами двигали не такие абстракции, как борьба демократии против тоталитарной диктатуры, а вещи, гораздо более близкие, более конкретные: защита собственной страны от врага.

Во всяком случае, тот факт, что неангличанин Гитлер стал претендовать на мировую значимость, какая положена только англичанам, уже перестал иметь первостепенное значение, как и то, что в своей практике Гитлер пошел несравненно дальше своих британских прообразов. Великобритания объявила войну Великогермании не за то, что та насаждала все в новых странах нацистские и фашистские диктатуры, а за экспансию Третьего рейха в сферу британских интересов. Именно это явилось причиной войны,

пусть даже британское радио на немецком языке изо дня в день утверждало обратное (слова, от которых Гитлер полагал достаточным отмахнуться как от «пустых фраз»): «Идет свобода! Она с британскими летчиками в небе Германии и Италии. Она с миллионами угнетенных, ждущих своего часа. Она с армиями рабочих, кующих себе оружие из свободной воли — в Старом и Новом Свете. Идет свобода!»

Так Англия агитировала за свое дело именем ценностей, которые *субъективно* ей самой были чужды, — абстрактных прав человека (то есть чего-то, выходившего далеко за рамки прав англичанина). И все-таки строго *объективно* это притязание было оправданным — именно в силу его фактической альтернативы.

Борясь за права англичанина, Англия не дала тоталитарной диктатуре уничтожить военным путем права человека как таковые. «Странным, чудесным образом… британцы никогда не теряли присущей им непременной веры в себя. И именно она… выиграла войну, даже после того, как высокомерие и слепота британцев почти проиграли ее» (П. и Дж. Мур).

Часть 2
Вождь массы

Альбер Камю
Вождь с моралью уголовника

(Из книги А. Камю «Бунтующий человек». Перевод Е. Головиной и М. Ваксмахера)

Альбер Камю (1913–1960) родился в бедной семье во Французском Алжире. Отец погиб на войне вскоре после рождения сына, оставив мать с двумя детьми. Альбер получил философское образование в Алжирском университете.

Авторитаризм в любых проявлениях — основной предмет критики в творчестве Камю. Говоря о «великих личностях», Камю отмечал: «Сегодня наш мир поворачивается к нам омерзительным ликом именно потому, что он построен людьми, присвоившими себе право преступать все пределы, и прежде всего право убивать других людей, не платя за это собственной жизнью.

Вот и объяснение, почему сегодня повсюду в мире справедливость служит алиби убийцам всяческой справедливости».

Ужасающее усиление государства

Все перевороты нового времени приводили к укреплению государства. 1789 год влечет за собой Наполеона, 1848-й — Наполеона III, 1917-й — Сталина, итальянские волнения 20-х годов — Муссолини, Веймарская республика — Гитлера. И тем не менее, особенно после того как Первая мировая война разделалась с остатками

«божественного права», устроители этих переворотов с все большей и большей уверенностью провозглашали своей целью созидание «града людей» и завоевание подлинной свободы. Всякий раз залогом этих амбиций было возрастающее могущество государства. Было бы неверно утверждать, что всего этого не могло не произойти. Но вполне возможно рассмотреть, каким образом оно произошло, и постараться извлечь из прошлого соответствующие уроки.

Наряду с незначительным количеством объяснений, которые не укладываются в рамки настоящего исследования, непостижимое и ужасающее усиление современного государства может рассматриваться как логическое следствие его непомерных технических и философских амбиций, чуждых подлинному духу бунта, но тем не менее породивших революционный дух нашего времени. После того как с идеей «града божьего» было покончено, пророческие мечты Маркса и смелые провидения Гегеля или Ницше в конце концов привели к созданию нового типа государства, рационального или иррационального, но в обоих случаях террористического.

Строго говоря, фашистские перевороты XX века не заслуживают названия революций. Им не

хватало универсальных притязаний. Разумеется, и Гитлер, и Муссолини стремились к созданию империй, а идеологи национал-социализма недвусмысленно высказывались о планах мирового господства. Их отличие от теоретиков классического революционного движения состояло в том, что они избрали и обоготворили иррациональную часть нигилистического наследия, отказавшись обожествить разум. И тем самым отреклись от универсальных притязаний. Это не помешало Муссолини ссылаться на Гегеля, а Гитлеру считать своим предшественником Ницше, но не подлежит сомнению, что они воплотили в истории лишь некоторые из пророчеств немецкой идеологии. И в этом отношении они принадлежат истории бунта и нигилизма. Они первые построили государство, исходя из идеи, что ничто на свете не имеет смысла и что история — всего лишь случайное противоборство сил. Последствия не замедлили сказаться.

Начиная с 1914 года Муссолини прославлял «святую религию анархии» и провозглашал себя врагом всех разновидностей христианства. Что же касается Гитлера, то его официальная «религия» без колебаний совмещала в себе обоготворенную судьбу с божествами Валгаллы. На

самом же деле его божествами были броские речи на митингах и овации по окончании этих речей. До тех самых пор, пока ему сопутствовал успех, он выдавал себя за боговдохновенную личность. А накануне разгрома заявил, что был предан своим собственным народом. В промежутке между двумя этими крайностями ничто не свидетельствовало о том, что он готов признать себя виновным в нарушении каких бы то ни было высших принципов. Эрнст Юнгер, единственный человек высокой культуры, придавший нацизму видимость философии, использовал в своих писаниях все те же нигилистические формулы: «Лучший ответ на предательство жизни духом — это предательство духа духом, и одна из величайших и мучительнейших радостей нашего времени состоит в том, чтобы участвовать в этой разрушительной работе».

Люди действия, пребывающие в безверии, никогда не доверяли ничему, кроме действия. Неразрешимый парадокс Гитлера в том и состоял, что он хотел основать стабильный порядок на основе беспрестанного действия и отрицания. Раушнинг был прав, когда в своей «Нигилистической революции» писал, что гитлеровский переворот был чистейшим воплощением дина-

мизма. В Германии, до самых основ потрясенной беспрецедентной войной, разгромом и экономическим кризисом, ни единая ценность уже не внушала доверия. Нельзя сбрасывать со счетов изречение Гете, сказавшего, что «немцы стараются усложнить все на свете, такова уж их судьба», и все же эпидемия самоубийств, прокатившаяся по всей Германии между двумя войнами, лучше всего свидетельствует о духовном смятении той эпохи.

Никакие рассуждения не способны вернуть веру людям, которые отчаялись во всем; это могут сделать только страсти, в данном случае — те самые, что лежали в основе их отчаяния, то есть горечь унижения и ненависть. Не существовало больше истинных ценностей, признаваемых всеми этими людьми и в то же время возвышающихся над ними, во имя которых они могли бы судить друг друга. И вот в 1933 году Германия не только согласилась признать низкопробные ценности, принадлежавшие всего нескольким людям, но и попыталась навязать их целой цивилизации. За неимением морали Гете она избрала мораль уголовного мира и поплатилась за это.

* * *

Мораль уголовника — это бесконечное чередование побед, свершающихся местью, и поражений, порождающих отчаяние и злобу. Прославляя «стихийные порывы личности», Муссолини предвосхищал преклонения перед темными силами инстинкта и крови, биологическое оправдание всего наихудшего, к чему может привести слепая тяга к господству. На Нюрнбергском процессе Франк подчеркивал, что Гитлером руководила «ненависть ко всякой форме». И нельзя не признать, что этот человек был всего лишь проявлением силы, находящейся в постоянном движении, — силы, подкрепленной расчетливой хитростью и безошибочным тактическим ясновидением. Даже сама телесная сущность Гитлера, посредственная и банальная, не ограничивала его страсть к движению, позволяя раствориться в человеческой массе. Лишь действие гарантировало ему стабильность. «Быть» значило для него «делать». Вот почему Гитлер и его режим не могли обходиться без врагов. Эти взбесившиеся денди нуждались в противниках, чтобы выявить свою суть; они обретали форму только в ожесточенной борьбе, которая привела их к гибели.

Евреи, франкмасоны, плутократы, англосаксы, скотоподобные славяне — все эти образы врага один за другим мелькали в их пропаганде и истории, чтобы не дать сникнуть слепой силе, толкавшей их в пропасть. Бесконечная борьба требовала беспрестанных усилий.

Гитлер был воплощением истории в чистом виде. «Становление, — говорил Юнгер, — важнее жизни». Вот почему он проповедовал полное отождествление с потоком жизни на самом низком его уровне и вразрез с любой высшей реальностью. Режим, который изобрел биологическую внешнюю политику, попирал свои же собственные насущные интересы. Он повиновался своей, особой логике. Розенберг напыщенно сравнивал свою жизнь с поступью солдатской колонны: «Главное в том, что она марширует, а в каком направлении и с какой целью — это дело тридесятое». И не важно, что колонна эта оставит после себя руины, а потом опустошит и собственную страну, суть в том, что она все-таки маршировала.

Истинная логика этого порыва заключалась либо в полном поражении, либо в бесконечных победах над все новыми и новыми врагами, победах, которые должны увенчаться созданием

империи крови и действия. Маловероятно, что Гитлер, по крайней мере в начале своей карьеры, провидел эту империю. Не только по своей духовной культуре, но даже по тактическому чутью или инстинкту он не был на высоте своей судьбы. Германия потерпела крах, потому что развязала всемирную бойню, руководствуясь при этом местечковым политическим мышлением.

Но тот же Юнгер уловил эту логику, дал ей определение. Ему мерещилась «всемирная техническая империя», «религия антихристианской техники», чьими послушниками и воинами должны стать рабочие, поскольку рабочий (и в этом он смыкается с Марксом) по сути своей универсален. «На смену общественному договору придут уставы нового порядка. Рабочий будет отторгнут от сферы торговли, благотворительности и литературы и вознесен в сферу деяний. Юридические обязанности превратятся в воинскую присягу». Империя, как это явствует из вышеприведенной цитаты, должна была стать полузаводом-полуказармой всемирного масштаба, царством раба, принявшего обличье работника-солдата, о котором писал Гегель. Гитлер относительно рано был остановлен на пути, ведущем к этой империи. Но если бы даже

он продвинулся по нему гораздо дальше, дело ограничилось бы все возрастающим размахом неукротимого динамизма и ужесточением тех циничных принципов, на которых он мог покоиться.

Говоря о такого рода «революции», Раушнинг подчеркивал, что здесь уже не может идти речь об освобождении, справедливости и духовном взлете, а лишь «о гибели свободы, о власти насилия и духовном рабстве». В самом деле, фашизм — это прежде всего презрение. И стало быть, всякая форма презрения, примешанная к политике, подготавливает фашизм или помогает ему восторжествовать. Необходимо добавить, что он и не мог быть ничем иным, не отрекшись от самого себя.

Исходя из своих собственных постулатов, Юнгер пришел к выводу, что лучше быть преступником, чем благонамеренным обывателем. Гитлер, наделенный меньшим литературным талантом, но отличавшийся — по крайней мере, в данном пункте — большей последовательностью, понимал, что человеку, верящему только в свой успех, совершенно безразлично, кем он является: преступником или обывателем. И сам был одновременно и тем, и другим. «Дело — это

все», — говорил Муссолини. А Гитлер развивал эту мысль так: «Когда расе грозит опасность порабощения… вопрос о законности может играть только второстепенную роль». Оно и понятно: раса просто не может существовать, не испытывая угрозы со стороны, о каком уж тут равенстве может идти речь.

«Я готов подписаться под чем угодно, — продолжал Гитлер, — сегодня я могу без всякой задней мысли ратифицировать любое соглашение, но, если завтра на карту будет поставлено будущее немецкого народа, я хладнокровно порву его». Однако перед тем как развязать войну, фюрер заявил своим генералам, что у победителя не будут спрашивать, лгал ли он или говорил правду.

Лейтмотив защиты Геринга на Нюрнбергском процессе сводился именно к этой, отнюдь не бесспорной идее: «Победитель всегда будет судьей, а побежденный — обвиняемым». Но тогда непонятна позиция Розенберга, заявившего на том же процессе: «Я не мог предвидеть, что нацистский миф ведет к массовым убийствам». Когда английский обвинитель заметил, что «Майн кампф» — это прямая дорога к газовым камерам Майданека, он коснулся главной темы процесса, темы исторической ответственности западного

нигилизма, единственной, которая по вполне понятным причинам не была по-настоящему затронута в Нюрнберге. Невозможно построить процесс на тотальном обвинении целой Цивилизации. Поэтому были осуждены только преступные деяния, к отмщению за которые взывала вся земля.

«Один хозяин, миллионы рабов»

Как бы там ни было, Гитлер пустил в ход вечный двигатель завоевания и захвата, без которого он сам остался бы ничем. Но вечные поиски врага предполагают вечный террор — теперь уже на государственном уровне. Государство отождествляется с «аппаратом», т. е. с совокупностью механизмов завоевания и подавления. Завоевание, обращенное внутрь страны, называется пропагандой («первый шаг к преисподней», по выражению Франка) или репрессией. Направленное вовне, оно порождает военную экспансию. Таким образом, все государственные проблемы милитаризируются, переводятся в область насилия. Начальник генерального штаба определяет не только внешнюю политику, но и основные вопросы внутреннего управления. Этот принцип,

неоспоримый в военной сфере, распространяется и на гражданское население. Формула «Один вождь, один народ» на деле означает «Один хозяин, миллионы рабов». Политические посредники, в любом обществе являющиеся гарантами свободы, исчезают, уступая место Иегове в солдатских сапогах, царящему над толпой, которая либо безмолвствует, либо — что не меняет сути дела — выкрикивает навязанные ей лозунги. Общение вождя с народом осуществляется не с помощью органов примирения и посредничества, а с помощью партии, пресловутого «аппарата», который является эманацией вождя и орудием его воли, направленной на угнетение. Так рождается первый и единственный принцип этой низкопробной мистики, восстанавливающий в нигилистическом мире идолопоклонство и выродившееся священство.

Латинский юрист Муссолини довольствовался идеей всеобъемлющей значимости государства, которую он посредством риторических ухищрений возвел в абсолют. «Ничего вне государства, над государством, вопреки государству. Все посредством государства, ради государства, в государстве». Гитлеровская Германия облекла эту ложную идею в соответствующую словесную

формулу, по сути своей религиозную. «Наше божественное предназначение, — писала одна нацистская газета во время партийного съезда, — состоит в том, чтобы вернуть каждого к истокам, в царство Матерей. Это воистину богоугодное дело». Под «истоками», по всей видимости, нужно понимать вой первобытной орды. Но о каком боге идет здесь речь? Просветить нас на сей счет может одно из официальных заявлений партии: «Все мы верим в Адольфа Гитлера, нашего фюрера… и признаем, что национал-социализм — это единственная вера, ведущая наш народ к спасению». Законом и моралью в таком случае становятся заповеди вождя, звучащие с Синайских высот, уставленных трибунами, украшенных флагами и озаренных прожекторами, заменяющими пламя неопалимой купины. И достаточно всего один раз прокричать в микрофон преступный приказ, чтобы он от начальника к подчиненному докатился до последнего раба, который только получает приказания, но никому их не отдает. А потом какой-нибудь угодивший за решетку палач из Дахау начинает плакаться: «Я был всего лишь исполнителем приказов. Все это затеяли фюрер и рейхсфюрер. Кальтенбруннер спускал приказы Глюку, тот пересылал их дальше, а отду-

ваться за них всех приходится мне, ведь я простой хауптшарфюрер, у меня под командой никого нет. Я только исполнял приказы о расстреле, а теперь они твердят, что я — убийца». Геринг на процессе оправдывался своей верностью фюреру и тем, что «в этой проклятой жизни еще существуют понятия о чести». Честь для него состояла в слепом повиновении, которое зачастую было тождественно преступлению. Военные законы карают за неповиновение смертной казнью, а воинская честь равносильна рабству. Когда все население страны приравнено к военным, преступником оказывается тот, кто отказывается убивать по приказу.

А приказы, к сожалению, весьма редко требуют творить добро. Динамизм, облеченный в форму доктрины, не может быть направлен на благо, он стремится лишь к эффективности. До тех пор, пока у него есть враги, он будет раздувать террор, а враги у него будут до тех пор, пока он существует, ибо они непременное условие его существования: «Любые замыслы, могущие подорвать суверенитет народа, обеспечиваемый фюрером при поддержке партии, должны решительно пресекаться». Враги — это еретики, их нужно либо обращать в истинную веру посредством

проповеди, то бишь пропаганды, либо истреблять с помощью инквизиции, то есть гестапо. В результате человек как таковой исчезает: будучи членом партии, он превращается в орудие фюрера, становится простым винтиком «аппарата»; будучи врагом фюрера, он подлежит перемалыванию между жерновами того же «аппарата».

* * *

Нигилистическая революция, исторически воплотившаяся в гитлеровской религии, привела только к бешеному всплеску небытия, в конце концов обратившемуся против себя самого. Вопреки Гегелю, отрицание, по крайней мере на сей раз, не было созидательным. Гитлер являет собой, быть может, единственный в истории пример тирана, не оставившего после себя ничего положительного. Для своего народа и для всего мира он пребудет лишь воплощением истребления и самоистребления. Семь миллионов замученных евреев, семь миллионов лиц других национальностей Европы, убитых или отправленных в лагеря смерти, десять миллионов погибших на войне — всего этого, быть может, и не хватило бы истории, для того чтобы осудить Гитлера, — ей не привыкать к убийцам. Но его отказ от последнего

своего оправдания, то есть от немецкого народа, превращает этого человека, долгие годы наводившего ужас на миллионы людей, в пустую и жалкую тень.

Из показаний Шпеера на Нюрнбергском процессе явствует, что, отказавшись прекратить войну, не доводя ее до тотальной катастрофы, Гитлер обрек немецкий народ на самоубийство, а германское государство — на материальный и политический разгром. Единственной его целью до конца оставался триумф. Поскольку Германия проигрывала войну, поскольку она оказалась страной трусов и предателей, она заслуживала гибели. «Если немецкий народ не способен победить, он недостоин жить».

И в то время когда русские пушки уже крушили стены берлинских дворцов, Гитлер решил увлечь его за собою в могилу, превратив собственное самоубийство в мрачный апофеоз. Гитлер и Геринг, Геббельс, Гиммлер и Лей, надеявшиеся, что их останки будут покоиться в мраморных саркофагах, покончили с собой в подземных укрытиях или тюремных камерах. Но их смерть была лишена смысла, она напоминала дурной сон или дым, развеянный по ветру. Не будучи ни жертвенной, ни героической, она лишь выявляла

кровавую пустоту нигилизма. «Они мнили себя свободными, — истерически вопил Франк, — но разве они не знали, что от гитлеризма не освободишься!» Да, они не знали ни этого, ни того, что всеобщее отрицание равносильно рабству и что истинная свобода — это внутреннее подчинение истине, которая противостоит истории со всеми ее «триумфами».

Антонио Грамши
Современный «Государь»

(Из «Тюремных тетрадей» А. Грамши. Перевод Г. Смирнова, В. Дмитриченко-ва, П. Козлова)

Антонио Грамши (1891–1937) родился в семье мелкого служащего. Учился в Туринском уни-

верситете, вступил в Социалистическую партию Италии. После прихода к власти Муссолини фашистский трибунал приговорил Грамши к 20 годам тюремного заключения; там были написаны знаменитые «Тюремные тетради».

Грамши пытался всесторонне проанализировать феномены фашизма и тоталитаризма как результат кризиса политических и социальных структур в Европе в первые два десятилетия XX века. Как он считал, политическая диктатура явилась результатом неспособности правящего класса получить поддержку широких социальных групп. Авторитаризм есть форма «пассивной революции» верхов.

«Государь» и государство

...«Государь» Макиавелли мог бы рассматриваться как политическая идеология, выступающая не как пресная утопия, не как доктринерские рассуждения, но как порождение конкретной фантазии, воздействующей на разъединенный и распыленный народ, с тем чтобы всколыхнуть его и организовать в нем коллективную волю. Утопический характер «Государя» состоит в том, что Государя не существовало в реальной исто-

рической действительности; он не представал перед итальянским народом как непосредственная объективность, обладающая определенными характерными чертами; напротив, он был чистейшей доктринерской абстракцией, символом вождя, идеальным кондотьером; однако страсть и мифологизм, содержащиеся в этой книжице и обладающие в ней огромной драматической силой, плотно концентрируются в заключительной главе и обретают там жизнь в призыве, обращенном к Государю, существующему реально.

В своей книжице Макиавелли рассуждает о том, каким должен быть Государь, чтобы привести народ к созданию нового Государства, и его рассуждения ведутся строго логично, научно отрешенно; в заключительной же главе сам Макиавелли становится народом, сливается с народом, но не с народом вообще, а с тем самым народом, которого он убедил своими предшествующими рассуждениями, народом, сознанием и выражением которого он себя ощущает, народом, с которым он мысленно отождествляется; кажется, что вся «логическая» работа оказывается не чем иным, как саморефлексией народа, внутренне целостными рассуждениями, развивающимися в народном сознании и завершающимися страст-

ным непроизвольным криком.

Страсть в ходе внутренней саморефлексии снова оборачивается аффектом, лихорадочным чувством, фанатизмом действия. Вот почему эпилог «Государя» не является чем-то внешним, «навешенным» на него извне, чем-то риторическим — эпилог этот следует истолковывать как необходимый элемент произведения, более того, как тот элемент, отсвет которого лежит на всем произведении и превращает его в своего рода «политический манифест».

Можно научно показать, как Сорель[12], исходя из концепции идеологии мифа, не дошел до понимания политической партии, а остановился на концепции профессионального союза. Правда, у Сореля «миф» получал свое наивысшее выражение не в профессиональном союзе как организации коллективной воли, а в практической деятельности профессионального союза и в уже действующей коллективной воле, в практическом действии, наиболее полной реализацией которого должна была бы стать всеобщая

---

[12] Примечания: 12

Жорж Сорель (1847–1922) — французский социолог, теоретик революционного профсоюзного движения (синдикализма), автор книги «Размышления о насилии», в которой он рассматривает миф о всеобщей стачке в качестве коллективного мобилизующего представления, способного стать основой революционных преобразований.

забастовка, то есть, так сказать, «пассивная деятельность», носящая негативный и предварительный характер (позитивный характер дается только достижением консенсуса ассоциированных воль), деятельность, не предполагающая для себя самой фазы «активной и конструктивной».

У Сореля, таким образом, боролись между собой две необходимости: необходимость мифа и необходимость критики мифа, поскольку «всякий предустановленный план утопичен и само понятие предвидения — не более чем пустой звук», то иррациональное не может не господствовать, и всякая организация людей — антиистория, предрассудок; в таком случае отдельные практические проблемы, которые выдвигает историческое развитие, можно решать лишь от случая к случаю, пользуясь первыми попавшимися под руку критериями, а оппортунизм оказывается единственно возможным политическим курсом. Однако возможно ли, чтобы миф был «неконструктивным», можно ли, оставаясь в пределах интуиции Сореля, вообразить, будто по-настоящему действенным оказывается инструмент, оставляющий коллективную волю на примитивной и элементарной стадии ее чистого формирования ради разъединения

(ради шизоидного «раскола»), пусть даже насильственного, то есть разрушающего существующие нравственные и юридические отношения? И эта столь примитивно сформированная коллективная воля, не прекратит ли она сразу же своего существования, беспорядочно распылившись в бесконечности единичных воль, идущих к позитивной стадии разными, непохожими друг на друга путями? Не говоря уж о том, что не может быть разрушения, отрицания без имплицитно подразумеваемого созидания, утверждения, и не в метафизическом смысле, а практически, то есть политически, в качестве партийной программы. В данном случае ясно видно, что за спонтанностью скрывается чистейший механицизм, за свободой (непроизвольным жизненным порывом) — доведенный до предела детерминизм, за идеализмом — абсолютный материализм.

Современный государь, государь-миф не может быть реальным лицом, конкретной личностью; он может быть только организмом; элементом сложного общества, в котором уже начала складываться коллективная воля, добившаяся признания и отчасти уже проявившая себя в действии. Организм этот уже дан историческим развитием, и он есть политическая партия —

первая клетка, в которой соединяются ростки коллективной воли, стремящиеся к тому, чтобы обрести универсальность и тотальность.

В современном мире только непосредственное и неотвратимое историко-политическое действие, характеризуемое необходимостью стремительных, молниеносно принимаемых мер, может мифологически воплотиться в конкретную личность; стремительность мер должна оказаться необходимой в силу большой непосредственной опасности; большой опасности, которая, именно потому, что она большая, моментально разжигает страсти и фанатизм, аннигилируя критичность рассудка и разъедающую иронию, способные разрушить «божественно провиденциальный» характер кондотьера. Но такого рода непосредственное действие по самой своей природе не может быть долговременным и органичным: оно почти всегда оказывается действием типа реставрации и реорганизации, а не типа, свойственного созданию новых государств и новых национальных и социальных структур (как это было в случае с «Государем» Макиавелли, в котором реставрационный аспект был всего лишь частью риторики, то есть был связан с литературными представлениями об Италии

как прямой преемнице Рима, которая призвана восстановить строй и могущество Рима), типа «охранительного», а не оригинально творческого, при котором, иными словами, предполагается, что уже наличная коллективная воля оказалась ослабленной и распыленной, пережившей грозный и опасный кризис, однако не смертельный и катастрофический, и которую поэтому требуется вновь сосредоточить и укрепить, но уже не как коллективную волю, создаваемую ex novo изначально и направляемую на конкретные и рациональные цели, а как обладающую конкретностью и рациональностью, пока еще никак не проявившими себя и не подвергшимися еще критике реального, универсально признанного опыта истории.

Абстрактный характер сорелевской концепции «мифа» проявляется во враждебности (принимающей форму страстного нравственного отвращения) к якобинцам, которые, бесспорно, были «категорическим воплощением» «Государя» Макиавелли. «Современный Государь» должен обладать разделом, посвященным якобинству (в том широком значении, которое это понятие имело исторически и которое оно должно иметь концептуально), в качестве примера того, как

конкретно сформировалась и действовала коллективная воля, которая — по крайней мере, в ее некоторых аспектах — была создана ex novo изначально. И необходимо, чтобы коллективная воля, так же как и политическая воля вообще, получила свое современное определение; воля как активное сознание исторической необходимости, как протагонист подлинной, реальной исторической драмы.

* * *

Один из первых разделов в «Современном Государе» следовало бы посвятить именно «коллективной воле», поставив в нем вопрос: «Когда можно утверждать, что существуют условия, при которых способна пробудиться и развиться коллективная национально-народная воля?» Необходим, таким образом, исторический (экономический) анализ социальной структуры данной страны, а также «драматическое» изображение веками предпринимавшихся попыток пробудить эту волю и выяснение причин их постоянных неудач. Почему в Италии во времена Макиавелли не было абсолютной монархии? Надо дойти вплоть до Римской империи (вопросов языка, интеллигенции и т. д.), выяснить роль

средневековых коммун, значение католицизма и т. д. — словом, следует создать очерк всей итальянской истории, сжатый, но четкий.

Причину неудачи всех много раз предпринимавшихся попыток создать коллективную национально-народную волю следует искать в существовании определенных общественных групп, сформировавшихся в результате разложения буржуазии коммун, в особом характере всех прочих групп, отражающих международную роль Италии как местопребывания Церкви и изначального хранителя Священной Римской империи и т. д. Эта роль и вытекающая из нее позиция определяют внутреннюю ситуацию, которую можно назвать «экономико-корпоративной», то есть в политическом отношении худшей формой феодального общества, формой наименее прогрессивной и наиболее застойной: при ней всегда отсутствовала и не могла сложиться сила по-настоящему якобинская, та самая сила, которая в других странах пробудила и организовала коллективную национально-народную волю и основала современные государства. Существуют ли, наконец, условия для такой воли, иными словами, каковы нынешние отношения между такого рода условиями и противостоящими им

силами? Такими силами традиционно являлись земельная аристократия и вообще земельная собственность во всей совокупности, с ее характерно итальянской чертой — особой сельской буржуазией, паразитическим наследием, доставшимся современности после классового разложения коммунальной буржуазии (сто городов, города безмолвия).

Позитивные условия следует искать в существовании социальных городских групп, соответственно развившихся в сфере промышленного производства и достигших определенного уровня историко-политической культуры. Всякое формирование коллективной, национально-народной воли оказывается невозможным без того, чтобы большие массы обрабатывающих землю крестьян не вторгались также и в политическую жизнь. К этому стремился Макиавелли посредством реформы ополчения, это сделали якобинцы во время Французской революции, в понимании этого надо видеть опередившее свое время якобинство Макиавелли, зародыш (более или менее плодотворный) его концепции национальной революции. Весь ход истории после 1815 года обнаруживает усилия традиционных классов помешать формированию такого рода

коллективной воли, дабы сохранить «экономико-корпоративную» власть в международной системе пассивного равновесия.

Важный раздел в «Современном Государе» должен быть посвящен вопросу нравственной и интеллектуальной реформы, то есть вопросу религии и мировоззрения. В этой области мы тоже обнаруживаем традиционное отсутствие якобинства и боязнь якобинства (последнее философское выражение этой боязни — мальтузиантская позиция Кроче по отношению к религии). Современный Государь по необходимости должен быть глашатаем и организатором моральной и интеллектуальной реформы, что будет означать создание почвы для последующего развития коллективной национально-народной воли, ведущего к осуществлению более высокой и всеобщей формы современной цивилизации.

Вот эти два основных положения — формирование коллективной национально-народной воли, организатором и вместе с тем активным, действенным выражением которой является Государь, и нравственная и интеллектуальная реформа — должны были бы образовать структуру всей книги. Конкретные пункты программы следует включить в первую часть, то есть они

должны «драматически» вытекать из изложения, а не превращаться в сухое и педантичное перечисление доводов и выводов.

Возможна ли культурная реформа, а следовательно, подъем гражданственности угнетенных слоев общества без предшествующей экономической реформы и изменения их положения в социальной и экономической жизни? Вот почему моральная и интеллектуальная реформа не может не быть связана с программой экономической реформы, более того, программа экономической реформы является тем самым конкретным способом, каким реализует себя всякая нравственная и интеллектуальная реформа. Современный Государь, развиваясь, опрокидывает всю систему нравственных и интеллектуальных отношений, поскольку его развитие означает, что каждое действие начинает рассматриваться как полезное или вредное, как доброе или злое только в зависимости от того, как оно соотносится с Государем, служит ли оно упрочению его власти или оказывает ей сопротивление.

Государь занимает в сознании место божества или категорического императива, он становится основой современного мирского сознания, предпосылкой полной секуляризации всей жизни,

всех свойственных ей обычаев и нравов.

Принципы политики

Следует отметить, что та постановка вопроса о политике, которая была предложена Макиавелли (а именно заложенная в его сочинениях идея о том, что политика является самостоятельной, самодовлеющей деятельностью со своими собственными принципами и законами, отличными от принципов и законов морали и религии, имеет огромное философское значение, ибо она внутренне предполагает новое понимание морали и религии, то есть меняет все миропонимание), до сих пор оспаривается и отвергается, не сделавшись «общим мнением». Но что это означает? Значит ли это только то, что нравственная и интеллектуальная революция, элементы которой содержались in nuce в идеях Макиавелли, все еще не произошла, не стала общепринятой и очевидной формой национальной культуры? Или же это имеет чисто политический смысл и служит указанием на разрыв, существующий между правителями и управляемыми, указанием на то, что существуют две культуры — культура правителей и культура управляемых; что

господствующий класс в лице церкви занял по отношению к простым людям двойственную позицию, продиктованную необходимостью, с одной стороны, не отрываться от них, а с другой — поддерживать в широких массах убеждение, что Макиавелли — не кто иной, как порождение дьявола?

Таким образом, встает вопрос о значении, которое имел Макиавелли в свое время, и о целях, которые он преследовал, создавая свои книги, прежде всего «Государя». Учение Макиавелли не было в свое время чисто книжным, достоянием одиноких мыслителей; «Государь» не был сокровенной книгой, имевшей хождение только среди посвященных. Стиль Макиавелли — это никак не стиль тех систематических трактатов, которые сочинялись и в Средние века, и в пору гуманизма; это стиль человека действия, писателя, который хочет побудить к действию, это стиль партийного манифеста.

Моралистическое истолкование Макиавелли, предложенное Фосколо, несомненно, ошибочно; тем не менее это правда, что Макиавелли кое-что «разоблачал», а не просто теоретизировал, обобщая реальные факты. Но каковы были цели его разоблачений? Преследовал ли он моралистиче-

ские или политические цели? Принято говорить, что правила, установленные Макиавелли для осуществления политической деятельности, «применяются, но не провозглашаются»; говорят, что великие политики начинают с проклятий Макиавелли, с объявления себя антимакиавеллистами именно для того, чтобы иметь возможность свято следовать его правилам, претворяя их в жизнь. Не был ли Макиавелли никудышным макиавеллистом, одним из тех, кто знает «правила игры» и по глупости обучает им других, тогда как вульгарный макиавеллизм предписывает прямо противоположное?

Кроче[13] утверждал, что, будучи наукой, макиавеллизм служит в такой же мере реакционерам, как и демократам, подобно искусству фехтования, которое служит как порядочному человеку, так и разбойнику, как для того, чтобы защищать свою жизнь, так и для того, чтобы убивать, и что именно в этом смысле надо понимать суждение Фосколо. Однако такое утверждение Кроче истинно лишь в абстракции. Макиавелли сам отмечал, что то, о чем он пишет, всегда применялось и применяется на практике великими историче-

[13] Примечания: 13

Бенедетто Кроче (1866–1952) — итальянский философ, политик, историк. Представитель неогегельянства.

скими деятелями; поэтому никак не возникает впечатление, будто он хочет поучать того, кому и без него все известно; весь стиль его — это не стиль беспристрастного научного исследования; кроме того, невозможно представить, чтобы он пришел к выдвинутым им положениям политической науки путем философских спекуляций, ибо в подобного рода специфической материи в его времена такое выглядело бы едва ли не чудом, ведь даже сейчас положения эти вызывают споры и встречают возражения.

Поэтому можно предположить, что Макиавелли имел в виду «несведущего», что он стремился дать политическое воспитание «несведущему», политическое воспитание не негативное, формирующее ненавистника тирании, как то хотелось бы думать Фосколо, а позитивное, формирующее человека, которому приходится признавать необходимость применения известных средств — пусть даже таких, которые свойственны тиранам, — для достижения определенной цели. Тот, кто был рожден и выпестован в традициях правительственных сфер, тот почти автоматически приобретал характерные черты реалистического политика благодаря всему своему воспитанию, полученному в семейном кругу, где господствова-

ли династические и правонаследные интересы. Так кто же тогда был «несведущим»?

Тогдашний революционный класс, «народ», итальянская «нация», городская демократия — можно утверждать, что Макиавелли стремится убедить эти силы в необходимости иметь «вождя», который знал бы, чего он хочет, и как достичь того, что он хочет, и принять этого «вождя» с восторгом даже в том случае, если его действия придут в реальное или кажущееся противоречие с распространенной в то время идеологией, с религией. Такая политическая позиция Макиавелли вновь возникает в «философии практики»[14]. Снова обнаруживается необходимость стать «антимакиавеллистами», развивая теорию и практику политики, которая может послужить обеим борющимся сторонам, хотя предполагается, что в конечном итоге она послужит прежде всего стороне «несведущих», ибо считается, что именно она является прогрессивной силой истории и немедленно приведет к достижению важного результата, к расколу единства, основанного на традиционной идеологии, без крушения которой новая сила не смогла

[14] Примечания: 14

«Философия практики» — здесь и далее иносказательное название марксизма в «Тюремных тетрадях» А. Грамши. — *Прим. ред.*

бы прийти к осознанию себя как независимого субъекта.

Макиавеллизм послужил улучшению технических приемов традиционной политики консервативных господствующих групп точно так же, как он послужил политике философии практики; это не должно скрывать от нас его существенно революционного характера, который ощущается уже теперь и объясняет все проявления антимакиавеллизма.

* * *

Однако вопрос, который раньше всего следует поставить и разрешить в исследовании о Макиавелли, — это вопрос о политике как самостоятельной, самодовлеющей науке, то есть о том месте, которое политическая наука занимает или должна занимать в систематическом миропонимании (цельном и последовательном), в философии практики.

В каком смысле можно отождествлять политику и историю, а следовательно, всю жизнь и политику? Каким образом вся система надстроек может пониматься как различия политики, и, следовательно, каким образом оправдывается введение в философию практики понятия

различия? Но можно ли говорить о диалектике различий, и как возможно толковать понятия цикличной связи между ступенями надстройки? Понятие — «исторический блок», то есть единство между природой и духом (базисом и надстройкой), единство различий и противоположностей.

Можно ли распространить критерий различия также и на базис? Как будет пониматься тогда базис, как можно различать в системе общественных отношений такие элементы, как техника, труд, класс и т. д., понимаемые не «метафизически», а исторически? Критика позиции Кроче, который, преследуя полемические цели, утверждает, будто базис становится «скрытым богом», «ноуменом», противостоящим «видимости» надстройки. «Видимости» в метафорическом и в буквальном смысле.

В то же время концепция Кроче, концепция политики-страсти, исключает партии, ибо невозможно представить организованную и перманентную страсть: перманентная страсть есть состояние оргазма и судорог, обусловливающих полнейшую неспособность к действию. Она исключает партии и всякий заранее разработанный план действий. Между тем партии существуют, а планы действий разрабатываются, применяются

и зачастую почти полностью осуществляются.

Следовательно, в концепции Кроче имеется какой-то изъян. И не стоит говорить, что если партии и существуют, то это все равно не имеет большого «теоретического» значения, ибо с началом действия действующая партия перестает быть той партией, которой она была до этого. В какой-то мере это, может быть, и верно, однако совпадений между этими двумя партиями так много, что можно утверждать: на самом деле речь идет об одном и том же организме.

Для того чтобы концепция была верна, она должна быть приложима также и к войне, а следовательно, объяснять факт существования постоянных армий, военных академий, офицерских корпусов. Война — тоже «страсть», крайне сильная и пылкая, она — момент политической жизни, продолжение в иных формах определенной политики. Таким образом, необходимо объяснить, как «страсть» может стать нравственным долгом, и долгом не морально-политическим, а этическим.

В связи с «политическими планами», связанными с партиями как с постоянными организациями, следует вспомнить о том, что говорил Мольтке о военных планах; а именно что они не

могут быть заранее разработаны и приняты во всех деталях, что можно разработать только их центральное ядро и начертать общую схему, ибо конкретные частности военных действий будут в значительной мере зависеть от того, что предпримет противник. Страсть проявляется как раз в частностях, однако мне не кажется, что принцип Мольтке мог бы свидетельствовать в пользу концепции Кроче. Во всяком случае, предстояло бы еще объяснить род «страсти» Генерального штаба, разработавшего план на ясную голову — трезво и «бесстрастно».

Крочеанская концепция страсти как момента политики сталкивается с серьезными трудностями при объяснении и оправдании существования таких постоянных политических институтов, как партии и, в еще большей мере, как национальные армии и генеральные штабы, поскольку невозможно помыслить постоянно организованную страсть, не превращающуюся в рациональность и взвешенное суждение, то есть уже в не страсть. Вот почему решение тут может состоять только в отождествлении политики и экономики. Политика является постоянным действием и порождает постоянные институты именно потому, что отождествляется с экономикой. Но

она также и отличается от нее, а потому можно говорить отдельно об экономике и политике и можно говорить о «политической страсти» как о непосредственном импульсе к действию, возникающем на «постоянной и органичной почве» экономической жизни, но выходящем за ее пределы, когда она вводит в игру такие стремления и чаяния, в накаленной атмосфере которых сами индивидуальные жизненные, человеческие расчеты подчиняются уже законам, в корне отличным от законов личной выгоды и т. д.

* * *

Наряду с достижениями современной «макиавеллистики», восходящими к Кроче, следует указать также на преувеличения и искажения, которые она вызвала к жизни. Так, например, стало принято слишком напирать на то, что Макиавелли-де был «политиком вообще», «ученым в политике», актуальным для каждого времени.

Макиавелли надо рассматривать главным образом как необходимое выражение своей эпохи и как человека, тесно связанного с условиями и требованиями своего времени, продиктованными: 1) внутренними распрями Флорентийской республики и специфической структурой государства,

не сумевшего освободиться от коммунально-муниципальных пережитков, то есть от ставшей тормозом формы феодализма; 2) борьбой между итальянскими государствами за установление равновесия в пределах Италии, затрудняемого существованием панства и прочими феодальными, муниципалистическими пережитками, характерными для государственных форм города, а не территориального государства; 3) борьбой более или менее солидарных между собой итальянских государств за европейское равновесие, то есть противоречиями между необходимостью внутриитальянского равновесия и потребностями европейских государств, борющихся за гегемонию.

На Макиавелли влияет пример Франции и Испании, которые добились прочного единства территориального государства; Макиавелли делает «эллиптическое сравнение» (если воспользоваться выражением Кроче) и выводит правила для сильного государства вообще и для итальянского в частности. Макиавелли — целиком и полностью человек своей эпохи; его политическая наука представляет философию времени, которое стремится к созданию абсолютных национальных монархий, политической

форме, допускающей и облегчающей дальнейшее развитие буржуазных производительных сил. У Макиавелли можно обнаружить in nuce принцип разделения власти и парламентаризм (представительное правление): его «ярость» обращена против пережитков феодального мира, а не против прогрессивных сил. Государь должен положить конец феодальной анархии; а это и делает Валентине в Романье, опираясь на производительные классы, на купечество и крестьян. Учитывая военно-диктаторский характер главы государства, который требуется в период борьбы за создание и укрепление новой власти, классовое указание, содержащееся в «Военном искусстве», надо понимать как имеющее силу также и для государственной структуры вообще: если городские классы хотят положить конец внутренним беспорядкам и внешней анархии, они должны опираться на крестьян как на народные массы, создав тем самым верную и надежную вооруженную силу, абсолютно отличную от наемных отрядов. Можно сказать, что у Макиавелли настолько надо всем доминирует собственно политическая концепция, что это вынуждает его делать ошибки военного характера: он думает исключительно о пехоте, массы которой можно

мобилизовать с помощью политического действия, и потому отрицает значение артиллерии.

Руссо (в «Пролегоменах к Макиавелли») справедливо отмечает, что «Военное искусство» дополняет «Государя», но он не извлекает всех выводов из своего замечания. И в диалогах «О военном искусстве» Макиавелли тоже должен рассматриваться как политик, которому пришлось заняться военным искусством; его односторонность (вместе с другими «курьезами» вроде теории фаланги, дававшими пищу для пошловатых анекдотов наподобие того, самого известного, который откопал Банделло) обусловлена тем, что не технические вопросы военного дела находились в центре его интересов и его идей — он занимался ими лишь настолько, насколько это требовалось для его политических построений. Но не только «Военное искусство» должно быть связано с «Государем», с ним надо связать и «Историю Флоренции», которая и должна послужить анализу реальных условий в Италии и в Европе, породивших насущные требования, содержащиеся в «Государе».

Из наиболее соответствующей эпохе концепции творчества Макиавелли вытекает, как нечто от нее производное, более историчная оценка

так называемых «антимакиавеллистов», или, во всяком случае, наиболее «наивных» из них. На деле речь в данном случае идет вовсе не об антимакиавеллистах, а о политиках, выражавших требования своего времени, или же связанных с условиями, отличными от тех, которые воздействовали на Макиавелли. Типичного «антимакиавеллиста» такого рода, как мне кажется, надо поискать в Жане Бодене (1530–1596), который в 1576 году был депутатом Генеральных Штатов от Блуа и побудил Третье сословие отказать королю в субсидиях, требуемых для ведения гражданской войны.

Во время гражданских войн во Франции Боден являлся представителем третьей партии, прозванной партией «политиков», которая выступала с позиций национальных интересов, то есть внутреннего классового равновесия, при котором гегемония принадлежала третьему сословию, осуществлявшему ее с помощью монарха.

Мне представляется очевидным, что зачисление Бодена в разряд «антимакиавеллистов» явится абсолютно внешним и поверхностным решением вопроса. Боден основал политическую науку во Франции на почве более взрыхленной и сложной, чем та, которую Италия предоставила

Макиавелли. Для Бодена речь идет не о создании единого территориального (национального) государства, то есть не о возврате к эпохе Людовика XI, а об уравновешивании общественных сил, борющихся в рамках такого государства, уже сильного и пустившего глубокие корни; не момент силы интересует Бодена, а консенсус. С Боденом возникает стремление к развитию абсолютной монархии: третье сословие настолько сознает свою силу и достоинство, настолько хорошо понимает, что судьба абсолютной монархии связана с его судьбой и с его развитием, что ставит условия для своего согласия, выдвигает требования, пытается ограничить абсолютизм.

Во Франции Макиавелли служил уже реакции, так как мог быть использован для оправдания идеи о том, что мир надобно навсегда оставить «в колыбели» (по выражению Бертрандо Спавенты), а потому по необходимости приходилось становиться «в политическом отношении» антимакиавеллистами.

* * *

Другой вопрос, который следует поставить и рассмотреть в связи с «Государем» Макиавелли, — это вопрос о «двойной перспективе» в

политической деятельности и государственной жизни. Различные уровни, на которых может представать двойная перспектива, — от самых простейших до самых сложных, но которые, однако, теоретически возможно свести к двум основным уровням, соответствующим двойной природе макиавеллиева Кентавра, звериной и человеческой, — к силе и согласию, к авторитету и гегемонии, к насилию и цивилизованности, к моменту индивидуальному и универсальному (к «Церкви» и «Государству»), к агитации и пропаганде, к тактике и стратегии и т. д.

Некоторые свели теорию «двойной перспективы» к чему-то пошлому и банальному — всего лишь к двум формам «непосредственности», которые, более или менее «сближаясь», механически следуют друг за другом. Однако может случиться так, что насколько первая «перспектива» будет элементарнейшей и самой что ни на есть «непосредственной», настолько вторая должна будет оказаться «далекой» (не во времени, но в плане диалектической связи), сложной, возвышенной; подобно тому, как в человеческой жизни — чем более отдельный индивидуум вынужден защищать свое непосредственное физическое существование, тем больше он опирается на все

самые сложные и самые высокие идеи культуры и человечности, выдвигая именно их на первый план.

Несомненно, предвидеть — значит всего лишь ясно видеть настоящее и прошлое в их движении: ясно видеть, то есть четко определять основные и неизменные элементы прогресса. Но предполагать, будто существует чисто «объективное» предвиденье, — полнейшая нелепость. Тот, кто выступает с предвиденьем будущего, на деле выступает с «программой», которая должна восторжествовать, и предвиденье как раз и оказывается элементом ее торжества. Это не значит, что предвиденье всегда должно быть волюнтаристским и произвольным или чисто тенденциозным. Напротив, можно даже утверждать, что только в той мере, в какой объективный аспект предвиденья связан с программой, этот его аспект приобретает объективность: 1) что только страсть обостряет ум и делает интуицию более ясной; 2) что так как действительность является результатом приложения человеческой воли к совокупности вещей (машиниста к машине), то устранение всякого волевого элемента или учитывание только включения посторонних воль как объективного элемента общей игры искажает самоё действи-

тельность. Только обладающий сильной волей находит необходимые элементы для реализации своей воли.

Поэтому полагать, будто определенное мировоззрение и миропонимание в самом себе содержит величайшую способность предвиденья, — значит допускать грубейшую и глупейшую ошибку. Конечно, мировоззрение внутренне заложено во всяком предвиденье и потому, является ли оно бессвязным переплетением взятых с потолка мыслей или четким, последовательным видением мира, имеет немалое значение, но свое значение оно приобретает именно в голове человека, который высказывает предвиденье и вызывает его к жизни, используя для этого всю свою сильную волю.

Это видно по предвиденьям, высказываемым так называемыми «беспристрастными» людьми: они изобилуют праздными догадками, мелочными подробностями, изящными предположениями. Только наличие у «провидца» программы, которую он намерен реализовать, вынуждает его придерживаться существенного, тех элементов, которые, поддаваясь «организации» и допуская, чтобы их направляли в ту или иную сторону, по сути дела, и являются теми единственными

элементами, которые можно предвидеть.

Это противоречит принятым взглядам на подобный вопрос. Принято считать, что всякий акт предвиденья предполагает установление законов столь же точных, как законы естественных наук. А так как подобных законов не существует в полагаемом абсолютном или механическом смысле, то не принимаются во внимание посторонние воли и не «предвидятся» результаты их воздействия. В результате все строится на высосанной из пальца гипотезе, а не на почве реальной действительности.

«Чрезмерный» (а потому поверхностный и механистический) политический реализм зачастую приводит к утверждению, что государственный человек должен действовать только в сфере «наличных реальностей», интересуясь не тем, что «должно быть», а лишь тем, что «есть». Но это означало бы, что государственный человек не должен видеть ничего дальше собственного носа. Такого рода ошибка вынудила Паоло Тревеса увидеть «истинного политика» не в Макиавелли, а в Гвиччардини.

Необходимо проводить различия не только между «дипломатом» и «политиком», но также между политиком-ученым и политиком-прак-

тиком, активным политиком. Дипломат может действовать только в сфере наличной действительности, ибо его специфическая деятельность состоит не в том, чтобы создавать новые равновесия сил, а в том, чтобы сохранять существующее равновесие в определенных правовых границах. Точно так же и ученый, постольку, поскольку он является чистым ученым, не должен выходить за пределы наличной действительности. Но Макиавелли не является чистым ученым; он человек партии, человек могучих страстей, активный политик, желающий создать новые соотношения сил, а потому он не может не интересоваться тем, что «должно быть», разумеется, понимаемым не моралистически. Поэтому вопрос не может ограничиваться этими рамками, он значительно более сложен: речь идет о том, чтобы выяснить, является ли «должное» актом произвола или необходимости, является ли оно конкретной волей или мечтой, желанием, витающей в облаках любовью.

Активный политик — это творец, побудитель к действиям, но он не творит из ничего, не трепыхается в мутной пустоте своих мечтаний и желаний. Он опирается на наличную действительность, но что такое эта наличная действительность? Не

является ли она чем-то статичным и неподвижным, а вовсе не соотношением сил, находящихся в постоянном движении и постоянно нарушающих равновесие? Прилагать волю к созданию нового равновесия реально существующих и действующих сил, опираясь на ту определенную силу, которая считается прогрессивной, укрепляя ее во имя ее же победы, всегда значит действовать на почве наличной действительности, но во имя господства над нею или преодоления ее (или способствовать этому).

«Должное» является, следовательно, конкретностью, больше того, оно является реалистическим и историческим истолкованием действительности, единственной действительной историей и философией, единственной политикой.

Партии, государство, общество

Нужно подчеркнуть, что очень часто предают забвению как раз самые элементарные, самые простые понятия политики. Первое элементарное отношение в политике состоит в том, что в реальности-то существуют правители и управляемые, руководители и руководимые. Все искусство и вся наука политики построены на

этом первичном факте, от которого никуда не уйдешь.

Если даже в одной и той же группе существует деление на управляющих и управляемых, то возникает необходимость установить определенные принципы этих отношений. Ведь именно в этой области совершаются наиболее грубые «ошибки», обнаруживаются самая преступная неспособность и наиболее трудные для исправления просчеты. Считается, что раз цели этой группы изложены, то это должно автоматически обеспечить ей полную поддержку, и поэтому нет нужды отстаивать «необходимость» и разумность этих принципов. Более того, считается бесспорным (кое-кто убежден в этом и, что еще хуже, действует в соответствии с этим «убеждением»), что поддержка «придет», даже если не попросить о ней, даже если не намечен путь, по которому предстоит двигаться.

Так, например, трудно избавиться от присущего руководителям убеждения в том, что дело будет осуществлено только потому, что руководитель считает справедливым и разумным, чтобы оно было осуществлено; если этого не происходит — возлагается «ответственность» на того, кто «должен был бы…» и т. д. Так же трудно

вытравить преступные замашки — пренебрежение необходимостью избегать бесполезных жертв. В самом деле, всем известно, что провал коллективных (политических) действий происходит большей частью потому, что не пытаются избежать бесплодных жертв или не учитывают жертв других и играют чужими жизнями…

Если исходить из принципа, что существуют руководители и руководимые, правители и управляемые, то несомненно, что «партии» до сих пор представляют собой самое удобное средство для подготовки руководителей и навыков руководства.

Следует обратить внимание на то, что там, где устанавливаются тоталитарные режимы, традиционная функция института верховной власти присваивается на деле определенной партией, которая является тоталитарной именно потому, что выполняет эту функцию. Хотя всякая партия является выразителем интересов социальной группы, и только одной определенной социальной группы, тем не менее определенные партии при известных условиях представляют интересы такой группы, поскольку они осуществляют равновесие и выполняют роль арбитра между интересами собственной группы и других соци-

альных групп, а также заботятся о том, чтобы развитие представляемой ими группы шло при согласии и с помощью союзных ей социальных групп, если они не являются прямо, решительно враждебными ей группами.

Конституционная формула, определяющая положение короля (или президента республики), — «царствует, но не управляет», — представляет собой юридически оформленное выражение этой арбитражной функции, выражение заботы конституционных партий о том, чтобы не «разоблачать» корону или президента. Содержащееся в конституции положение о том, что глава государства не несет ответственности за действия правительства, и положение о министерской ответственности представляют собой казуистическое выражение общего принципа, состоящего в защите концепции государственного единства, концепции согласия управляемых с государственной деятельностью вне зависимости от того, кто входит в состав правительства и какая партия находится у власти.

При господстве тоталитарной партии эти конституционные положения теряют свое значение, и деятельность функционировавших в соответствии с ними институтов ослабевает. Однако

выполнение этой функции арбитра берет на себя тоталитарная партия, превозносящая абстрактную концепцию «государства» и старающаяся различными способами создать впечатление того, будто функция «беспристрастной силы» осуществляется действенно и эффективно.

Можно отметить, что во многих странах современного мира органические, основные партии вследствие необходимости вести политическую борьбу или по другим соображениям разбиты на фракции. Поэтому часто случается, что духовный генеральный штаб органической партии не принадлежит ни к одной из таких фракций, а действует так, как если бы он был самостоятельно существующей руководящей силой, стоящей над партиями; и подчас люди этому даже верят. Эту функцию можно очень точно изучить, если исходить из того, что газета (или ряд газет), журнал (или ряд журналов) являются «партиями» или «партийными фракциями» либо выполняют «функцию определенной партии».

В этой связи следовало бы поразмышлять над теми функциями, которые выполняет так называемая «информационная» и «аполитичная» и даже спортивная и техническая печать. Впрочем, это явление обнаруживает очень интересные

черты в таких странах, где безраздельно господствует тоталитарная партия, ибо такая партия не выполняет больше чисто политических функций — она выполняет теперь только технические, пропагандистские и полицейские функции, а также функции нравственного и культурного воздействия. Политическая функция выполняется в таком случае косвенным путем, потому что если отсутствуют другие легальные партии, то всегда существуют некоторые фактические партии и тенденции, которые нельзя подавить легальным путем; полемика и борьба против них напоминают игру в жмурки. Во всяком случае, несомненно одно, что в тоталитарных партиях преобладают культурные функции, а язык политики превращается в политический жаргон, то есть политические вопросы облекаются в культурные формы и как таковые становятся неразрешенными.

* * *

Существуют два типа «партии». Один тип ее может представлять собой элиту, деятелей культуры, «функции которых заключаются в том, чтобы с позиций культуры и общих идеологических принципов осуществлять руководство

широким движением родственных между собой партий (которые являются в действительности фракциями одной и той же органической партии). Второй тип, появившийся в более близкий к нам период, представляет собой не элиту, а массовую партию, причем политическая роль массы заключается» только в том, что она должна (подобно армии) во всем следовать и доверять открытому или скрытому политическому центру (открытый политический центр часто является механизмом управления в руках тех сил, которые стремятся остаться в тени и действуют косвенно, через посредников и через «посредническую идеологию»). Масса служит здесь попросту средством для «маневра», и ее «занимают» моральными наставлениями, сентиментальными внушениями, мессианскими мифами о наступлении легендарной эпохи, во время которой сами собой будут разрешены все бедствия, устранены все противоречия современности.

Вопрос о том, когда можно считать партию сформировавшейся, то есть имеющей ясную и постоянную цель, вызывает оживленную полемику и часто, к сожалению, порождает даже партийную спесь, не менее смешную и опасную, чем

«национальная спесь», о которой писал Вико[15].

Трудно допустить, чтобы какая-либо политическая партия (представляющая господствующую группу, а также и подчиненные социальные группы) не выполняла также и полицейскую функцию, то есть функцию защиты определенного узаконенного политического порядка.

Показав это со всей отчетливостью, вопрос следует поставить по-другому, а именно как вопрос о тех путях и о тех способах, с помощью которых осуществляется эта функция. Что лежит в ее основе — репрессии или убеждение, носит ли она реакционный или прогрессивный характер? Выполняет ли данная партия свою полицейскую функцию с целью сохранения порядка, который является внешним, чуждым живым силам истории и сковывает их развитие, или эти ее действия продиктованы стремлением поднять народ на новую ступень цивилизации, политическое и правовое устройство которой составляет ее программную цель?

В самом деле, закон находит тех, кто его нарушает, во-первых, среди реакционных социальных элементов, которых он лишил власти; во-вторых,

---

[15] Примечания: 15

Джамбаттиста Вико (16681744) — итальянский философ, основоположник философии истории и этнической психологии.

среди прогрессивных элементов, которых закон подавляет; в-третьих, среди тех элементов, которые не достигли того уровня цивилизованности, который выражает закон. Поэтому выполняемая партией полицейская функция может быть прогрессивной и регрессивной: она прогрессивна, когда направлена на то, чтобы удерживать в рамках законности реакционные силы, отрешенные от власти, и поднять на уровень новой законности отсталые массы; она регрессивна, когда стремится подавить живые силы истории и сохранить уже превзойденную, антиисторическую законность, ставшую чуждой массам. А в остальном отличительным критерием какой-либо партии служит характер ее деятельности: если партия является прогрессивной, она выполняет эту функцию «демократически»; если партия является регрессивной, она выполняет эту функцию «бюрократически».

Во втором случае партия представляет собой простого нерассуждающего исполнителя, она является (в техническом отношении) полицейской организацией, и ее название — «политическая партия» — представляет собой простую метафору, носящую мифологический характер.

Цезаризм является отражением такой си-

туации, когда борющиеся между собою силы находятся в состоянии катастрофического равновесия, то есть такого равновесия, при котором продолжение борьбы может иметь лишь один исход: взаимное уничтожение борющихся сил.

Цезаризм всегда служит выходом из историко-политической ситуации, характеризующейся таким равновесием сил, которое грозит завершиться катастрофой; этот выход принимает форму «арбитража», доверенного великой личности. Цезаризм прогрессивен, когда его вмешательство помогает восторжествовать прогрессивной силе — хотя бы и с помощью определенных компромиссов и условий, ограничивающих значение одержанной победы; цезаризм носит реакционный характер, когда его вмешательство помогает восторжествовать реакционной силе также с помощью компромиссов и ограничений, но имеющих в этом случае иной смысл, иную силу, иное значение. Цезарь и Наполеон I служат примерами прогрессивного цезаризма. Наполеон III и Бисмарк — цезаризма реакционного. Впрочем, цезаризм — это полемико-идеологическая формула… Обстоятельства могут привести к установлению цезаризма без Цезаря, без великой «героической» и представительной личности.

В современном мире явление цезаризма в общем носит особый характер. Тем не менее даже в современную эпоху для развития цезаризма имеется известное поле, более или менее широкое (в зависимости от характера страны и того места, которое она занимает в мировой структуре), потому что эта социальная форма «всегда» имеет потенциальные возможности для последующего развития и организационного оформления.

Она может особенно рассчитывать на относительную слабость противостоящей ей прогрессивной силы, вытекающей из самой ее природы и особенностей ее существования, слабость, в сохранении которой эта социальная форма заинтересована; поэтому и говорят, что современный цезаризм носит скорее полицейский, а не военный характер.

Теодор Адорно
«Вождь говорит…»

(Из книги «Исследование авторитарной личности». Перевод М. Попова, М. Кондратенко)

Теодор Адорно (1903–1969) родился в обеспеченной буржуазной семье еврейского (отец) и

итальянского (мать) происхождения. Окончил Франкфуртский университет, защитил диссертацию, посвящённую феноменологии Эдмунда Гуссерля.

В творчестве Адорно большое место занимает исследование рецессивных социальных изменений, связанных со стандартизацией отношений в «управляемом обществе».

Он писал: «В сознание человека ввинчивается «истинностный» момент идеологии. Там, где есть инструкция и указание, не должно существовать никакого противоречия, никакого антагонизма».

Самопропаганда вождя

Для фашистского фюрера характерна склонность к болтливым заявлениям о собственной персоне. Либеральные и леворадикальные пропагандисты, напротив, склонны к тому, чтобы ради «объективных» интересов, к которым они апеллируют, избегать намеков на частную жизнь: либерал — чтобы продемонстрировать деловитость и компетенцию, левый радикал — чтобы не подвергать сомнению свою коллективистскую позицию. В то время как такая «обезличенность» по праву обоснована в объективных условиях

индустриального общества, то в отношении публики оратора она проявляет явные слабости. Отрыв от собственного Я, как того требует любая объективная дискуссия, предполагает наличие интеллектуальной свободы и силы, которые вряд ли имеются среди масс современных людей. Кроме того, «холодность», присущая объективной аргументации, усиливает чувство отчаяния и одиночества, из-за которых страдает, в принципе, каждый индивид и которых он стремится избежать, когда слушает публичные речи.

Фашисты это поняли, их язык личностен. Он не только затрагивает непосредственные интересы своих последователей, но и включает часто персональную сферу оратора, который, как кажется, доверяется своему слушателю и преодолевает пропасть между людьми.

Однако имеются еще более специфические причины для применения этого метода, который, даже если он часто подпитывается тщеславием вождя, хорошо рассчитан и, несмотря на очевидный «субъективизм», является частью весьма объективной системы пропагандистской практики. Чем безличнее наш общественный порядок, тем более значимым становится индивидуализм как идеология. Чем энергичнее отдельный

человек низводится до простого колесика в механизме, тем настойчивее должна быть подчеркнута, как компенсация за его бессилие, идея его неповторимости, автономии и значимости. Так как это может произойти не в индивидуальной, а в достаточно общей и абстрактной форме, то оно выполняется заместителем фюрера. В этом часть тайны тотального вождизма, его свиты — создать перед глазами последователей картину независимого характера, иметь который в действительности им не дано.

Далее, самопропаганда вождя фашистов — это своего рода трюк доверия. Хотя иногда он и восхваляет себя, а в решающие моменты может даже обманывать, он предпочитает, особенно пока не достиг решающей власти, оставлять в стороне тему своей непреодолимой силы. Он заверяет, что он «такой же человек», т. е. такой же слабый, как и его будущие сторонники. Самой по себе идеи силы и авторитета недостаточно, чтобы объяснить силу притяжения фашистских главарей, а скорее важно представление, что слабый может стать сильным, если он пожертвует свою жизнь «движению», «делу», «крестовому походу» или еще чему-то. С амбивалентной ссылкой на собственную личность, как одновременно

человеческую и сверхчеловеческую, слабую и сильную, близкую и далекую, он дает модель для установки, которую он хочет закрепить среди своих слушателей.

Признания, правдивые или лицемерные, выполняют, кроме того, цель удовлетворить любопытство публики — универсальный признак сегодняшнего массового общества. Его структура еще недостаточно исследована; частично причина этого состоит в широко распространенном чувстве «быть проинформированным», чтобы поддерживать беседу, частично во мнении, что жизнь других богатая, волнующая и пестрая по сравнению с собственными мучениями. Может быть, в основе его лежит атрибут шпиона, глубоко укоренившийся в подсознании, который требует наслаждения тем, что можно заглянуть в частную жизнь соседа. Такое поведение отвечает сущности фашиста, он знает, что не важно, каким образом это любопытство удовлетворяется. Разоблачения коррупции или краж, в которых замешаны противники, обсуждения болезни его жены или его финансовых трудностей, которые, может быть, даже выдуманы, действуют с одинаковой силой. Как практикующий психолог он разбирается немного в способе функциони-

рования амбивалентных чувств, даже если он объявляет психоанализ еврейской фальшивкой. Если со слушателем обращаются как с посвященным в тайну, то его либидо удовлетворяется, не важно, направляется ли его любопытство на положительные или отрицательные представления.

Он хорошо осведомлен о манипуляции собственного Я для пропагандистских целей, и он ловко приспособил технику разоблачения и признания, используемую Гитлером, для американской арены действия и к эмоциональным потребностям своей публики, пожилым и старым гражданам нижнего слоя среднего класса с их сильной верой в Библию и сектантским фоном. Мы приводим несколько примеров манеры говорить о самом себе.

«Одинокий волк»

Трюк «одинокого волка» идет из арсенала Гитлера, который постоянно похвалялся своими семью одинокими и героическими товарищами по партии, основавшими движение, и который якобы мог рассчитывать только на самого себя, в то время как другие имели в своем распоряжении

прессу и радио.

Наряду с выпячиванием собственной смелости и собственной безупречности трюк «одинокого волка», чтобы завоевать доверие тех, кто чувствует себя одиноким и обделенным, таит в себе скрытый расчет успокоить всеобщий и постоянно растущий страх перед манипуляцией. Он возникает как результат сопротивления бойкому продавцу и заключается в полусознательной вере, что каждое публично произнесенное слово не имеет объективного значения, не представляет собой личного убеждения говорящего, а является пропагандой в широком смысле, которая служит интересам какой-то группы, оплачивающей это.

Причина этого представления — экономическая централизация и монополизация средств коммуникации. Заявление: «За мной не стоят никакие деньги никакого политика», — сводится к утверждению, что собственные рассуждения спонтанны и ими не управляет какая-либо монополистическая организация. Однако это отношение к манипуляции и психологическую функцию данного трюка нельзя упрощать. В современных социальных условиях люди не только боятся манипуляции, но они, наоборот, ощущают потребность в ней и в руководстве тех, кто

считает себя сильными и способными защищать их. Иерархическая природа нашей экономической организации усиливает желание быть объектом манипулирования и самому оставаться бездеятельным. Кроме того, начинает стираться граница между «объективной констатацией» и пропагандистскими трюками.

Чем сильнее концентрация власти в интересах групп и индивидов, которые овладели средствами коммуникации, тем в большей степени их пропаганда становится «правдой», поскольку она выражает действительную власть. В высшей степени показательно название министерства Геббельса «Министерством народного просвещения и пропаганды», — объективная правда, которую он якобы хочет дать народу, идентифицируется с пропагандистскими лозунгами партии.

Необходимо учитывать эту двусмысленность в отношении людей к манипуляции со стороны агитаторов, которые используют трюк «одинокий волк». Они не ожидают, что их речь будет воспринята серьезно, что, вероятно, никогда не имеет места. Играя с общим недоверием слушателей к манипуляции со стороны современных властей предержащих в сфере коммуникации

и в политике партии, они внушают с помощью трюка «одинокий волк», что в действительности за ними стоит очень много, а именно действительные силы, которые работают против властей предержащих.

В современной фазе разжигание ненависти к монополизму является одним из средств ускорить победу тоталитаризма. Слушатель, который ежедневно слышит по радио, что оратор один и работает за свой собственный счет, верит, что общественные и официальные организации сегодня не на его стороне, а скорее являются потенциальными силами интегрированного коллектива и «тайным царством, которое должно прийти». Гражданами его станут те, которые достаточно рано присоединились к нему. Очернение манипуляции является одним из средств ее. Рафинированным образом людям внушают убеждение, что инициатива в их руках и в руках их образца — оратора.

Кажущаяся спонтанность речей агитаторов поднимается до уровня идеологии, чем в большей степени они ее лишаются.

«Освобождения от чувств»

Оратор подчеркивает симулированную спонтанность и неманипулированную индивидуальность посредством совершенно осознанного и настоятельного подчеркивания чувств. Это становится составной частью его техники и не только выставляется на всеобщий обзор, но также и рекомендуется. Именно отказ от достоинства является, очевидно, самым действенным стимулом фашистской пропаганды. Гитлер постоянно прибегал к демонстративным истерическим вспышкам, и одно из его любимых выражений гласило: «Я бы скорее убил себя, чем…».

Это модель поведения, которую его слушатели должны принять и которой они должны подражать. Они не должны себя вести цивилизованным образом, они должны кричать, жестикулировать, дать выход своим чувствам. Чем больше оратор срывает барьеры самообладания со своих слушателей, тем легче они подчиняются его воле, послушно следуя за ним, куда он пожелает.

То, что фашизм живет за счет недостатка эмоционального удовлетворения в промышленном

обществе и что он дает людям то иррациональное удовлетворение, которое они не получают из-за сегодняшних социальных и экономических отношений, это часто подчеркивается, и это утверждение прежде всего подтверждается трюком «освобождения чувств». Но эта манипуляция, по сути, противоположна «освобождению», которое она вызывает. Более того, фашистская пропаганда ради своих собственных целей не доходит до корней эмоционального вытеснения в нашем обществе, а способствует в большей степени смятению чувств посредством слова. Она не дает ни чистого удовольствия, ни чистой радости; она только освобождает от сознания собственного несчастья и способствует регрессивному удовлетворению благодаря растворению Я в обществе. Эмоциональное облегчение, которое дает фашизм, является лишь простой заменой исполнения желаний.

При этом подключение проявления чувств — отнюдь не только искусственный прием, рассчитанный на зрителей. Оно предполагает у них определенную склонность, и ловкость пользующегося успехом агитатора в действительности же состоит в том, чтобы обнаружить диспозиции, которые он может использовать в качестве при-

манки для своих целей. Для желания избежать трудности самообладания публика должна иметь сильную «базу», поэтому следует создать о ней соответствующее представление. Она сама по себе является следствием процесса рационализации, от которого люди хотели бы освободиться. Они хотят «перестать сопротивляться», перестать быть индивидами в традиционном смысле, как самосохраняющаяся и самоопределяющаяся единица. Сила держать себя в узде отражает силу конкурировать с другими и определять собственную экономическую и духовную судьбу. Сегодня, когда эта независимость все больше и больше уходит, начинает исчезать и самообладание. Огромные общественные силы, действию которых подчинен каждый индивид, не только вынуждают его подчиниться им экономически, когда он предпочитает лучше стать служащим, чем остаться самосохраняющейся социальной единицей, но и психологически, так как он может переносить их социальное и культурное насилие, если это становится его собственным делом. Он должен поступать скорее адекватно конформистски, чем как единый, закрытый характер. Он становится не только жестче, поскольку он все больше учится думать прагматически,

но и уступчивее, поскольку уменьшается его сопротивление давлению социального мира и промышленной технологии. Чем больше он перестает быть Я, «самим собой», тем в меньшей степени он готов и способен соответствовать требованиям самообладания. Истерия — это экстремальное выражение психологической структуры, которая быстро распространяется во всем обществе. Это является той особой склонностью, которую имеет в виду трюк «освобождение чувств». Он осмеивает стоицизм, так как люди не могут и не хотят больше быть стоиками, так как компенсация за самодисциплину — окрепшее и уверенное существование — более не действует.

Эффект трюка — не столько преодолеть выявленные реакции, сколько сделать их общественно приемлемыми, отменить уже шатающееся табу и дать людям чувство, что они поступают социально правильно, если отбрасывают свое самообладание.

«Преследуемая невинность»

Выбор личных качеств, которыми, как утверждает оратор, он обладает прямо или косвенно, приобретает значение только благодаря проти-

вопоставлению их тем качествам, отсутствие которых бросается в глаза. Например, он подчеркивает по старым шаблонам избирательной пропаганды свою чистоту и честность, намекает на свое призвание вождя, но никогда не упоминает свои особые таланты для выполнения довольно запутанной задачи, над которой он работает, свое политическое становление, свои знания и какие-либо определенные черты, которые могли бы характеризовать его как политического вождя.

Сочетание саморекламы и неясных намеков на свою личность имеет особое значение. Пусть даже он рассчитывает на широко распространенную антипатию к профессиональным политикам и экспертам, которая основывается на закоренелом, неосознанном сопротивлении имеющемуся разделению труда, вождю нужна непрозрачность его имиджа, чтобы возбудить фантазию слушателей. Он кажется похожим на пустую раму, которую они должны заполнить самыми противоречивыми представлениями, будь то благожелательный и гуманный священнослужитель, или отважный солдат, или чрезвычайно чувствительное человеческое существо, или лукавый практичный человек, или проницатель-

ный наблюдатель, знающий все сомнительные подоплеки конфиденциальных историй, или чистый дух, взывающий в пустыне.

Непроницаемость его личности в сочетании с неясностью его политических целей является средством интеграции. Оба эти элемента служат тому, чтобы объединить самых различных слушателей, которые следуют за ним тем более слепо, чем меньше его знают, кто он и за что он выступает.

Трюк «преследуемая невинность» выполняет двойную функцию. Во-первых, он должен интерпретировать опасность, угрожающую вождю, как опасность, угрожающую всем, и скрывать агрессивность под маской самозащиты. С тех пор как Цезарь напал на полудиких галлов со своей хорошо обученной армией и объявил свою захватническую войну как неизбежную и необходимую меру, военная агрессия постоянно стала называться защитой. Фашизм с его внутренним родством со всеми империалистическими видами поведения впервые приспособил этот прием для внутриполитических целей, даже для создания идеологий отдельных акций. Однако его механизм включает более скрытые психологические побочные явления. Он не назван буквально,

более того, он должен быть стимулом к насилию. Как показал психоанализ, агрессивные садистские наклонности, к которым апеллирует фашистская пропаганда, не различают однозначно жертву и нападающего. Оба понятия, которые возникли в фазе развития общества, когда дифференциация субъекта и объекта, Я и внешнего мира еще четко не закрепилась, до определенной степени взаимозаменяемы психологически.

Значение понятия самопожертвования в фашистской пропаганде делает эту двойственность еще более четкой. В конце концов, подобная заменяемость позволяет обвинить намеченную жертву как раз в таком преступлении, которое хотел совершить сам.

«Неутомимость»

Когда оратор говорит об исповедуемой им честности, самоотверженности, верности любимому делу, он редко забывает упомянуть еще и о своей неутомимости. Он читает сотни писем в день, тратит свою полезную энергию, из-за постоянного напряжения он рано поседел, он жертвует собой и работает несравнимо больше, чем его слушатели.

Неутомимость — это психологическое выражение тоталитаризма. Спокойствия не может быть, пока все не завоевано, не охвачено и не организовано. А так как этой цели никогда невозможно достичь, то здесь требуются бесконечные усилия сторонников.

Призывая к неутомимости, агитатор, однако, не хочет вызвать у сторонников состояние полного «бодрствования», осознанности и ясности. Само собой разумеется, он желает, чтобы они были деятельными и готовыми к действиям, но как бы под чарами. Название «массовый психоз» содержит для фашистов долю этой правды, хотя оно недооценивает часто в высшей степени рациональный элемент, т. е. надежду последователей на материальную выгоду и улучшение их социального статуса. Достоверно все-таки можно сказать: в большей степени это активность загипнотизированных, являющаяся целью фашистской пропаганды, а не активность осознающих ответственность и думающих индивидов. Поэтому настоящий призыв к неутомимости действует как наркотик. Именно так, поскольку последователи должны некоторым образом впасть в сон и действовать во сне. Им постоянно приказывают быть бдительными и не спать.

Из внешне амбивалентного состояния между сном и неутомимостью агитатор извлекает пользу. Кто должен спать, в то время как ему внушают, что он должен быть неутомимым, что он и есть неутомимый, тот будет меньше сопротивляться воле вождя. Внушают, что ему сделали прививку против заразной, угрожающей здоровью болезни.

Человеческий интерес

Мотивом трюка «человеческий интерес» является контингент аудитории, которая большей частью состоит из пожилых, немного одиноких, разочарованных людей, и прежде всего слушательниц женского пола. По хорошо показавшему себя образцу, типа ключевых фигур в женских журналах с их чрезвычайной силой притяжения, оратор симулирует личное тепло, близость и доверие.

Он выступает в некоторой степени как простой философ, по-народному добродушный, скромный человек с золотым сердцем, который думает прежде всего о своем близком, несет ему облегчение и помогает то в одном, то в другом. Он притворно проявляет «искреннее» участие в

домашних делах своих слушателей. Всегда есть больные, страдающие люди и люди, живущие в унизительных условиях; всем им он выражает свою симпатию.

Картина, скрывающаяся за трюком «человеческий интерес», — это идеал традиционалистических, антилиберальных бедняков, которые вопреки убогости своего существования довольны и готовы пожертвовать собой для сохранения именно тех условий, из-за которых они страдают, испытывая в качестве вознаграждения сомнительное удовольствие от неопределенного внутреннего превосходства над богатыми и недовольными.

По существу, вся наигранная личная поза вождя состоит в подчеркивании частного элемента, сходства между ним и его слушателями, в подчеркивании всей сферы интересов как своего рода эмоциональной компенсации за холодную, самоотчуждающую жизнь большинства людей и прежде всего бесчисленного количества изолированных индивидов нижнего уровня среднего сословия. Именно благодаря непосредственности и теплоте общения, теплоте его способа приблизиться к людям, он глубже и прочнее овладевает ими. Не солидарность, а послушание являются

заменой их изоляции и одиночества.

Устарелые, как бы докапиталистические формы человеческой эйфории он противопоставляет современным условиям жизни, чтобы препарировать их для трансформации в нечто более прогрессивное, тоталитарное государство фюрера. Фальшивый индивидуализм, который он проповедует, лишь усиливает тенденцию отказаться от индивидуума, в то время как он вливается в коллектив, где может чувствовать себя «защищенным», но не имеет права вообще что-либо сказать.

Понятие жертвы

...Невозможно понять заявления вождя о его политической цели, так как они являются отрицательным аспектом его высказываний. Он определяет цель как озабоченность предстоящей «регенерацией» мира. Его цель в действительности не столько торжество конкретной, специфической идеи, сколько коллективная имитация, заразительный экстаз. Он становится конкретным только тогда, когда речь идет о деньгах или об организационных вопросах, когда он говорит о своих противниках и о якобы грозящей опасно-

сти, но никогда о позитивной идее.

Перемещение акцента с целей и средств — одна из аксиом логики манипулирования — кончается лозунгом: «Мы можем продемонстрировать миру, что есть патриоты, богобоязненные мужчины и женщины, которые готовы пожертвовать свою жизнь делу Бога, Родины и Отечества». При этом конкретная цель по-прежнему расплывчатая — остается только отрицательное понятие жертвы, которую он может предложить в конце.

Так как ему нечего доказывать, не надо стремиться делать настоящие выводы путем анализа подаваемого материала, то и не приводится никакая действительная аргументация. Когда он для вида что-то доказывает, он в действительности хочет только усилить те общие предрассудки, которые удобны для его планов. Все решено еще до того, как начинается аргументация.

Голая идентификация, просто классификация — это и есть логический процесс. Весь ассортимент ценностей, также самых сомнительных, рассматривается как определенный заранее. Оратор направляет все свои усилия на идентификацию группы лиц, рас, деноминаций или, что еще может быть, с помощью застывших понятий своей системы отношений, и даже в этом

процессе идентификации он ни разу не старается подтвердить правильность принадлежности какого-либо явления к этим псевдологическим классам. Он подпитывается предрассудками и усиливает их, подводя их под высокопарные категории, такие как силы зла, фарисеи или битва под Армагеддоном.

Он рассчитывает на слушателей, которые не могут думать, не способны обеспечивать длительный процесс дедукции, по-видимому, интеллектуально живут, так сказать, от момента к моменту и реагируют в меньшей степени на консистентные мыслительные структуры, чем на изолированные, логически не связанные рассуждения. Репродуцируя в своих речах расплывчатый процесс мышления, ограниченный голыми ассоциациями, «внутренним» монологом, он дает людям, не способным мыслить, приятную возможность почувствовать себя разумным человеком. Он подсовывает беспочвенные фантазии в качестве рационального процесса.

«Слушайтесь своего вождя»

Азбучная истина, заключающаяся в том, что авторитарная пропаганда делает все, чтобы созда-

вать авторитарные идеи, сама по себе не является признаком фашизма. Другие идеологии, особенно религиозные и феодально-консервативные, во все времена превращали понятие авторитета в свою тему. Новым в пропаганде авторитета является то, что антидемократия не может больше ссылаться на авторитеты, которые, как церковь, считаются достоверными благодаря сверхъестественным откровениям, или обоснованными вездесущей традицией вроде «легитимной» идеи феодального авторитета и до определенной степени даже монархизма. Современный авторитаризм стоит перед проблемой, появившейся впервые еще во времена французской реставрации в произведениях таких реакционеров, как Бональд и де Мейстр. Фашизм должен был бы пытаться оправдать авторитаризм как одну из присущих современному обществу тенденций, и при этом он должен быть готов к суждению, противоположному идее авторитарности, и должен предстать как раз перед теми массами, которые он хочет подчинить себе посредством авторитета. Эта почти неразрешимая задача, если она вообще должна быть предпринята с какой-либо надеждой на успех, то потребует определенной уловки и искажения фактов.

Большинство видов техники по рациональной и «демократической» защите слепого авторитета, зачастую разоблаченные, избиты. Типичным является описанный в исследовании Кафлина (Институт анализа пропаганды) трюк «трансфер», переносящий хорошо обоснованный, популярный авторитет веры в идеи или лица на тезис, который фашист хочет переодеть в одежды славы авторитета. В равной степени это относится и к известному трюку «грузовик с оркестром», который должен завлекать людей в движение, обманывая их, что якобы многие уже присоединились.

Самое характерное средство обосновать авторитет путем пропаганды квазирациональным путем, не прибегая к традиционно признанным институтам, — это подхватить авторитарный термин и сделать его фетишем. А. Сандерс описывает этот трюк под заголовком «магические слова». Образцом представляется персонификация всех тоталитарных режимов через дуче, фюрера или через иного лидера.

Термин «фюрер» действительно является характерным и выражает претензию на непререкаемый авторитет, требование «следовать» фюреру, не ссылаясь на традиционный титул

династии. В этом отношении пропагандистский инстинкт Гитлера был настолько ярко выраженным, что он после смерти Гинденбурга даже не принял титул рейхспрезидента, а назвал себя фюрером всего немецкого народа. Фюрер — это тот, кого нужно слепо слушаться и воле которого надо подчиняться из-за его собственных, всесторонне чтимых заслуг. Его психологический статус парадоксален: иррациональную преданность последователей он связывает с рациональной претензией, что он действительно особенно подходит для этой задачи и должен быть признан ими лучшим.

Тут нужно принять во внимание два факта. Во-первых, в различных государствах концентрация экономического могущества достигла такой ступени, что те, кто обладает этим могуществом, действительно осуществляют то, что в «рациональном» индустриальном обществе сводится к абсолютному авторитету. Тогда потенциальная сила населения становится заметной, поскольку авторитарные фюреры вынуждены тем, над кем они властвуют, доказывать каким-либо образом свою полезность. Этот факт приводит к парадоксальному в представлении фюрера как абсолютного, но в то же время «ответственного»

авторитета. Общественный конфликт, стоящий за этим толкованием, придает принципу фюрера внутреннюю силу, который из-за присущей ей логической непоследовательности является относительно неуязвимым. Хотя авторитет, без сомнения, включает в себя реакционные элементы, идолопоклонство в слове «фюрер» является не просто возвратом к варварским привычкам мышления, но оказывается результатом позднего индустриального общества, на что, по крайней мере, нужно указать.

Между индустриальной рациональностью и магическим идолопоклонством посредником выступает реклама. Техника конкуренции выработала тенденцию придавать магическую силу рекламным текстам, в сопровождении которых продаются товары, и усиливать эту магию слов благодаря беспрестанному и постоянному, рационально спланированному повторению, притупляющему, однако, осознанную силу суждения будущих клиентов.

Важным моментом в этом процессе является то, что покупатели, чувствующие за постоянно повторяющимися словами сконцентрированную силу, проявляют определенную готовность к послушанию, которое приводит к тому, что

разрывается связь между собственными интересами и действительной пользой товара. В конце концов, они придают продукту определенную ценность «самому по себе», волшебную силу фетиша. Этот механизм повсюду в современном процессе торговли настолько автоматизирован, что его можно перенести без труда с помощью простой техники рекламы в область политики. «Методы продажи идеи» не сильно отличаются от методов продажи мыла или какого-либо безалкогольного напитка.

При социально-психологическом рассмотрении магический характер слова «фюрер» и вместе с ним харизма фюрера являются не чем иным, как очарованием текстами рекламы продаж товаров, которые заимствовали слуги непосредственной политической власти.

Экскурс в технику «Fait accompli»

Как нам кажется, такие хорошо известные приемы, как прием снабжать собственную систему трюков идеями устоявшихся авторитетов, или призыв «грузовика с оркестром» («два миллиона покупателей не могут заблуждаться»), или такие определенные понятия, как «вождь», которые

делаются фетишем, — это только специальные случаи широко распространенного метода, лежащего в основе любой фашистской пропаганды, по крайней мере в этой стране. Его можно назвать техникой «fait accompli», и состоит он в том, чтобы рассматривать спорные вопросы как уже решенные.

Это предшествующее решение подсовывается массам, защищающим точку зрения оратора или личного (официального) авторитета, от которого он получает свой престиж, или, по крайней мере, какого-то четко очерченного представителя верхов из области идей, что должно быть переведено в практические, технические термины.

Некоторые причины для этой техники ясны. Во-первых, требуется меньше независимости и нравственной смелости, чтобы вступить в партию, которая находится на пути к победе; это преимущество весьма ценно в ситуации, когда агитатор должен считаться с огромным числом людей, которые, живя в условиях, делающих их полностью зависимыми от более сильных, не хотят идти ни на какой риск. С другой стороны, вера, что дело уже решено, заставляет считать любое сопротивление безнадежным предприятием.

Само собой разумеется, техника «fait accompli»,

которая часто принимает бессмысленные и обманчивые формы, едва ли могла бы функционировать, если бы у нее не было базы не только в психологии масс, но и в реальной действительности. Современный экономический порядок имеет действительно широкую тенденцию часто делать людей объектами процессов, которые они нередко не понимают и на которые они никаким образом не влияют. Жизнь, из которой исчезают самостоятельное экономическое предпринимательство и инициатива, является для них в меньшей степени жизнью, определяемой собственной свободной волей, а превращается в нечто, что идет наперекор им, с этого момента их жизнь заранее предрешена.

Если появляется организация, которая создает впечатление, что ее постоянно поддерживают определенные силы, и которая что-то обещает своим последователям, то многие охотно и по своей воле поменяли бы неясное положение быть просто объектами на членство в таком движении, ведь таким образом они могут поменять проклятую мысль о полной зависимости на активную позицию, на веру в то, что отказом от собственной воли они подключатся к организации, победа которой предрешена.

Техника «fait accompli» затрагивает центральный механизм фашистской психологии масс: трансформация чувства бессилия в чувство власти. Чувство бессилия воплощается в подозрении, что исход уже решен, причем ты сам в этом никак не участвовал, однако потом ощущаешь, что таинственным и иррациональным образом появляется чувство силы, когда «перебегаешь» к уже узаконенному победителю. Самой важной задачей контрпропаганды было бы, может быть, вмешаться в этот механизм и решительно объяснить массам, что признание в слабости, полный отказ от себя никогда не приведет к настоящей силе и социальному возрождению. Однако не только фашистская пропаганда манипулирует этим механизмом, он запускается в ход повсюду в современной массовой культуре, прежде всего в кино. Если его использует фашистский агитатор, он может положиться на процессы, которые в определенной степени уже автоматизированы. Даже по виду самый безвредный комик кино в состоянии с этой точки зрения, не осознавая того, содействовать этим пагубным целям господства произвола.

Между тем этот механизм, как кажется, включает в себя элемент, связанный с еще более

глубокими психологическими процессами и образующий, может быть, платформу осязаемых эффектов. Здесь мы можем намекнуть на это в довольно общем виде; наблюдается весьма распространенная тенденция в современном обществе принимать существующее, то, что есть, и даже этим восхищаться. Во времена просвещения дух позитивизма в самом широком смысле разрушил магические и «сверхъестественные» идеи посредством конфронтации с эмпирической действительностью.

Понятие фактического повсюду в современной истории духа оказалось сильнее, чем какая-либо метафизическая сущность. Однако историческое превосходство является лишь одним из многих других моментов; мы говорим здесь лишь о выживании магических психологических черт после отмены метафизических идей, о чудовищном насилии сегодняшней высокоорганизованной социальной жизни над индивидуумом и непрозрачности, даже иррациональности самого существующего порядка. Все это способствовало тому, что фактическое было окружено как раз тем ореолом, против которого первоначально создавали идею фактического. Даже религия широко и неосознанно была вытеснена очень абстракт-

ным, но сверхмогучим культом существующего. Доказательством того, что что-то существует, считается, что оно сильнее и поэтому лучше, чем то, что не существует. Что бы ни называли философским дарвинизмом, он пронизывает каждый уголок современной психологии в такой мере, которая едва ли может быть переоценена.

Техника «fait accompli» эксплуатирует это положение. Придавая всему, что реклама хвалит и что люди желают иметь, качество существующего, она имеет тенденцию делать это объектом восхищения парней-подростков, которые мечтают о машинах и самолетах. Чем упорнее существующее представляется в терминах техники рационального и применяемого, тем сильнее восхищение.

Мысль, что существующее широко оправдывает самое себя, ведет назад к исходному пункту наших рассуждений о трюке фюрера, к констатации, что понятие «фюрер», лишенное всякого оправдания, рационально или традиционно принимается и прославляется. Культ фюрера основывается, как мы показали, не только на предпосылке, что власть уполномочивает фюрера, но и, наверно, на том, что само существование фюреров, подтвержденное историей, является

достаточным основанием для узаконивания их. Здесь фашистская пропаганда глубоко связана с основными чертами современной антропологии культуры. С ней можно более чем с эфемерным успехом бороться только тогда, когда в нашем сегодняшнем порядке окончательно преодолеется очарование существующим в его основе. Иррациональность фашистского воодушевления идеей осуществленных фактов в общем и идеей устойчивого вождизма в частности — это только последнее следствие идеи здравого человеческого смысла, что ничего нет более успешного, чем сам успех. Только если опровергнуто кажущееся благоразумие таких идей, можно опровергнуть также и абсурдность фашизма.

Трюк единства

Один из самых успешных лозунгов национал-социалистов был направлен против якобы бесчисленных партий в Германии. Отсутствие внутреннего единства они считали причиной кризисов в Веймарской республике, особенно ее неспособность в последние годы создать здоровое большинство в парламенте. Этот немецкий трюк оправдывал себя даже за границей, где часто

утверждали, что демократия едва ли могла бы функционировать при наличии 20–30 партий. С самого начала эта идея основывалась на лжи, большинство якобы вредных партий никогда не играло решающей роли, и никогда их не было больше 6–7, которые еще имели какое-то значение.

Единство как таковое объявляется идеалом, вождь проклинает отсутствие единства в обществе, особенно в политической и религиозной жизни, и восхваляет единство как единственную надежду на спасение от постоянно грозящей анархии. С другой стороны, собственная организация якобы олицетворяет такое единство или, по крайней мере, стремится к нему, несмотря на все свои характеристики как партии.

Такая пропаганда проявляет одну из самых глубинных основных черт фашизма: нечто чрезвычайно ограниченное и частное выдавать за тотальное (всеобщее), за целостность, общность. Он извлекает выгоду из постоянно присутствующего чувства, что в современном обществе нет настоящей солидарности, направляет его в сферу очень специфических интересов, которые являются антагонистическими по отношению к такой солидарности, т. е. представляет интересы

своего шантажа.

Единство здесь является не чем иным, как фантазией, идеалом обширной организации тех «настоящих людей», которые разделяют его репрессивные интересы.

Демократическая маска

Обычно вождь говорит, что он противник любой формы диктатуры, но если он ее критикует, то слышится, по крайней мере, нотка восхищения ее успехами. Он оставляет слушателей под общим впечатлением, что движение по направлению к диктатуре является неизбежным, и единственный выход — слушаться своего собственного авторитета. Авторитаризм подчиняется только авторитету…

Хотя и при демократии можно принимать решения на основе большинства, но большинство является не моральной ценностью, а формальным принципом управления. Некоторые особенности населения, которые можно приписать общественным недемократическим процессам и которые по своему духу антидемократичны, могут, таким образом, трактоваться и распространяться в демократии как послед-

ний аргумент только потому, что они являются характеристиками большинства. Это — одна из слабостей, которые иногда позволяют фашизму мобилизовать массы для репрессивных целей вопреки их действительным интересам.

«Если бы вы только знали...»

Трюк «если бы вы только знали» — это внушение таинственных опасностей, о которых знает только оратор, простой же человек почти не может себе и представить их; они слишком неприличны, чтобы их обсуждать публично.

Намеки на будущее, на то время, когда станут известными факты, на которые теперь только намекают, или намеки на конечный день расплаты вызывают любопытство и искушают толпу примкнуть к движению либо, по крайней мере, читать публикации в надежде когда-нибудь быть «посвященными в тайну», если они просто делают то, о чем говорит и пишет агитатор.

Простой интерес к тому, что люди узнают о будущем, создает своего рода эмоциональную связь между агитатором и слушателем. Этот механизм повсюду применяется в рекламе и является невинным поверхностным аспектом

техники намека.

Привлекательность намека растет вместе с его неясностью. Она позволяет безудержно разыгрываться фантазии и возбуждает различного рода спекуляции, которые постоянно усиливаются, потому что массы сегодня, так как они чувствуют себя объектом общественного развития, хотели бы охотно знать, что разыгрывается за кулисами. К тому же они склонны превращать анонимные процессы, в которые вовлечены, в личностные понятия заговоров и путчей злых сил, тайных международных организаций и т. п.

Техника намека основывается на распространенном в современной массовой культуре невротическом любопытстве: каждый изолированный индивид мечтает о том, чтобы узнать больше, чем просто о скрытых силах, от которых зависит собственное существование, мрачную и жуткую сторону жизни других, в которой он не участвует.

Это положение помогает превратить технику намека в нечто отнюдь не невинное. Ее опасный аспект состоит прежде всего в иррациональном возрастании престижа и авторитета оратора. Предположение о том, что ты что-то понимаешь, что не может быть свободно высказано, так ска-

зать, подмигивание, предполагает своего рода согласие посвященного, имеющее тенденцию к тому, чтобы сделать оратора и слушателя соучастниками. Подтекст этого согласия остается всегда угрожающим. Намеренно невысказанное — это не только знание о чем-то слишком ужасном, чтобы быть высказанным открыто, но и ужасное, которое сам хотел бы совершить, но в этом не признаешься, а выражаешь лишь через намек. Трюк «если бы вы только знали» обещает открыть тайну тем, кто присоединится к шантажу и заплатит свою «десятину», но оратор намекает и на обещание, что вступившие станут однажды участниками ночи длинных ножей, утопии шантажа.

Кроме того, метод намека является угрозой для всех тех, кто исключен из этого «шепота», кто якобы не знает, «что я имею в виду».

«Грязное белье»

Обязательным добавлением к намеку является настоящее или воображаемое разоблачение. Чтобы понять психологическое значение этой техники, нужно рассмотреть пропагандистские разоблачения в отношении их особого содер-

жания. Оно исходит в большинстве случаев из среды болтунов и хулителей и касается обычно растрат, коррупции или секса.

Психологические реакции, вызываемые трюком «грязное белье», можно сравнить с определенным поведением, которое наблюдается у многих людей, когда они ощущают плохой запах. Очень часто они не отворачиваются, а жадно вдыхают испорченный воздух, обнюхивают вонь, и в то время как они жалуются на его спертость, делают вид, что они его идентифицируют. Не обязательно быть психоаналитиком, чтобы предположить, что эти люди неосознанно наслаждаются плохим запахом. Очень похоже обстоит дело с притягательной силой скандальных историй. Негодования по поводу возмутительного события являются в большинстве случаев необоснованными умствованиями. В действительности слушатель забавляется их описанием, и, по-видимому, таинственные и запрещенные деяния, разоблачением которых он возмущенно наслаждается, как раз и являются тем, чем бы он сам с удовольствием занимался.

Этот механизм стал в такой степени автоматическим, что лишь из простого акта разоблачения (не важно, что разоблачается) уже возникает

удовлетворение. Разоблачение само по себе воспринимается как выполнение обещания и приобретает почти торжественный характер, который может быть окрашен религиозными воспоминаниями.

В этом состоит объяснение одного из самых странных явлений трюка «грязное белье»: удивительное несоответствие между объективным весом сообщенных фактов и психологическим влиянием, которое они приобретают. Слушатель обобщает случаи, которые могут иметь место при любой политической системе, в то время как рассматривает их как типичные для демократии, особенно из-за ее «плутократической» природы. Он возмущается фактами, при ближайшем рассмотрении оказывающимися весьма невинными или однозначно относящимися к частной жизни, в которую никто не имеет морального права вмешиваться. Так, в последние годы Веймарской республики огромную роль в нацистской пропаганде сыграла шуба берлинского бургомистра, который получил ее якобы как взятку. Хотя владение шубой едва ли может считаться роскошью, но важным было само разоблачение, а не факт.

Любовь к проветриванию «грязного белья» больше характерна для реакционеров, чем для

прогрессивных людей. Для этого, вероятно, имеются различные причины: тенденция сваливать социальные проблемы на частную ответственность, общее репрессивное настроение, которое склонно замарать любого, радующегося жизни, вместо того чтобы доказать свою деловитость, а также утонченная спекуляция на определенных инстинктах разочарованных масс.

Те, кто не хочет изменения условий, всегда готовы свалить вину за любое зло на тех, кто не придерживается существующих моральных норм. Лицемерие — это привилегия конформизма.

«Содрогание от ужаса»

Трюк «грязное белье» связывается постоянно с тенденцией терроризировать слушателей. Люди реагируют на страх и объединяются, чтобы встретить опасность, — это ее внешний эффект; ее неосознанный, грубо говоря, эффект заключается в том, что описание зверств доставляет им удовольствие, потому что они сами однажды захотят их совершить. Радость от жестокости и радость от грязи тесно связаны друг с другом.

Обещание, которое имплицирует пропаганда

террора, — это скорее обещание разрушения самого по себе, что ведет к некоторой модификации нашего тезиса об амбивалентности. Может, это было бы слишком логично предположить, что ужасы будут обязательно те же, которые ты хотел бы совершить по отношению к слабым, хотя этот импульс, конечно, играет большую роль. Однако не менее садистского развит и мазохистский компонент. Будущий фашист, вероятно, после своего собственного уничтожения будет желать не в меньшей степени и уничтожения противника, так как разрушение — это эрзац его самых сокровенных и наиболее подавляемых желаний.

Постоянные указания фашистов на жертву или некоторые высказывания Гитлера подтверждают это; Раушнинг ссылался на него, когда тот сказал, что если Гитлер потеряет Рагнарек, то наступит гибель Богов. Возможно, здесь неосознанно выражается проницательность фашистов в отношении окончательной безнадежности предпринятых ими действий. Они видят, что их решение не является решением, что оно в конце концов обречено на гибель. Каждый трезвый наблюдатель мог ощутить это чувство в национал-социалистической Германии, до того как разразилась война. Безнадежность идет путем

отчаяния; уничтожение — это психологический эрзац для тысячелетнего рейха в день, когда исчезнет разница между Я и другим, между бедным и богатым, сильным и слабым в большом нерасчлененном единстве. Если массам не предложат настоящую надежду на солидарность, они могут ухватиться в своем страхе за этот отрицательный суррогат.

«Последний час»

Очередной формой техники террора является прямое или косвенное утверждение, что предстоит близкая катастрофа, ситуация безнадежна и достигла критической отметки и что необходимо немедленное изменение. «Думающие мужчины и женщины во всей стране спешно поднялись, так как они знают, что дела не могут идти дальше так, как они шли до того».

На первый взгляд это напоминает обычные рекламные шаблоны: «Это предложение действует в течение нескольких дней». Публику побуждают действовать быстро, немедленно присоединяться к движению. За этим стоит простое соображение, что люди легко забывают то, что они не сделают тотчас же. Особенно быстро вытесняются тер-

рористические стимулы, которые всегда имеют весьма нерадостные побочные значения. Пропаганда террора действует только «немедленно».

Однако это затрагивает феномен лишь поверхностно. Намек на приближающуюся беду, прежде всего на мировую катастрофу, намного старше, чем индустриальное общество. Ее корни лежат в апокалиптическом аспекте христианской религии.

Кроме того, следующее положение, вероятно, является попыткой объяснения иррационального привеска, который добавляется к идее кризиса: оратор рассчитывает на последователей, которые до глубины души недовольны и даже испытывают нужду. Их объективная ситуация может превратить их даже в радикальных революционеров. Предотвратить это и направить революционные течения в собственное мыслительное русло — одна из главных задач фашистского агитатора. Чтобы достичь цели, он крадет, так сказать, понятие революции. Снова привлекается идея катастрофы, используется эрзац судьбоносного момента, предрекаются радикальные перемены. При этом никто не способен заглянуть, что будет после конца света; также и катастрофа — это скорее что-то такое,

что случается с людьми и едва ли может быть реализовано посредством их собственной свободной воли. Лишенные своей спонтанности, люди превращаются в свидетелей больших всемирно-исторических событий, которые решаются над их головами, их собственная энергия абсорбируется посредством верности организации и любви к фюреру.

В психоанализе много раз отмечалось, что невротическое чувство слабости часто выражается в своеобразной позиции по отношению к элементу времени. Чем меньше человек способен к действиям по собственной воле, тем вероятнее, что он абстрактно ожидает все от времени. «Не может так долго продолжаться».

Трюк «последний час» основывается на этой диспозиции. Гарантом приближающейся перемены делается время, и «последователь» освобожден от собственной ответственности. Ему нужно только делать то, чего требует «час». Представление этого часа как последнего часа связывает этот трюк с техникой «fait accompli».

«Черная рука» (тайное судилище)

Как дополнение к трюку «единство» трюк «черная рука» является средством интегрировать различные элементы репрессивной и эксклюзивной организации. Ее исключительность может только сохраняться, когда члены, среди которых все время поддерживается состояние взаимного недоверия, следят и шпионят друг за другом.

Репрессивное единство имеет своим результатом подавление всех непрофессиональных видов деятельности, которые непосредственно контролируют правительство и партия. Если заговорщики стремятся образовать компактную группу, они должны, что касается их убеждений, быть полностью изолированными друг от друга. Фашистский шантаж является чистой пародией на то «народное сообщество», быть которым он так стремится на словах. Фашистские последователи завистливее и недоверчивее, чем другие, и готовы в большей степени даже, чем самые крутые соперники, «ликвидировать» друг друга. Разъяснение этого было бы правильным ответом на трюк «человеческий интерес».

Самая роковая импликация трюка «черная

рука» касается между тем одной из глубоких внутренних характеристик бандитизма и фашизма. Оба можно определить как тип организаций, из которых нет пути назад. Жертва отдельного для сообщества, как это было уже рассмотрено и как проявляется в постулате невозможности отмены, в клятве, символике крови, ритуалах посвящения и так далее, означает полную отдачу душой и телом, без ограничений и оговорок. Желание выйти из принудительного сообщества — это начальный жест, который выражает стремление к свободе; нет ничего более ужасного для фашиста, чем такое желание.

Кто передумал, кто хочет опять «наружу», рассматривается как «заклятый враг», и не важно, насколько порядочен он и каковы были побудительные причины: перемена убеждения характеризуется как предательство и требует строгого наказания.

«Давайте будем практичными!»

Этот лозунг имел влияние на всех реакционных теоретиков со времен Гоббса. Он следует как тень за всеми высокопарными идеологиями современного века.

Рационализм, который авторитарный вождь выставляет на всеобщий обзор в планах и в организации своей группы, в каждом пункте приходит в противоречие с застывшей иррациональностью его религиозного учения. Существует бездна между его высказыванием о практическом здравом человеческом разуме и официальной идеологией, которая, по крайней мере, показывает неосознанное бессилие его идеалов и их собственную лживость.

Идеалы должны завуалировать прежде всего его желание власти и его административные манипуляции и заклеймить противников как морально стоящих ниже его. Напротив, высказывания, в которых он говорит о практических и трезвых вещах, доказывают слушателям, что их вождь является человеком со здоровым человеческим умом, таким же, как и они сами, но также и то, что им важно: организация, власть конкуренции и светский успех.

«Прагматический» трюк получил новое значение в явно идеалистических вопросах. Раньше он, вероятно, был средством для целей религиозного обращения и более или менее истинного воскрешения. Сегодня обращение и воскрешение стали средствами пропаганды с целью

сделать народ практичным, т. е. побудить его к отказу от любой собственной теоретической мысли, объединить его в команды и организации и заставить действовать в соответствии с его коллективными интересами вместо его рациональных убеждений. Существующая необходимость «иллюстрировать» каждое понятие его непосредственным практическим применением, которое часто ведет к выхолащиванию его истинного смысла, неспособность к абстракции, которая в современных условиях, наверное, скорее усилилась, чем ослабла, применяется как рычаг в пропагандистских целях. Идеал, который отождествляется непосредственно и бездумно с какой-либо практической мерой или отношением, теряет свой смысл как идеал и низводится до простого украшения ближайшего практического шага.

Однако это, собственно, то, к чему стремится вся фашистская пропаганда, — т. е. превратить сознание в не что иное, как идеологию, придающую привлекательность поступкам ради собственного интереса в чистом виде, которые совершает организация. Когда идеал дискредитируется, когда его превращают в понятие повседневной практической жизни, последова-

телям втолковывают, что важна не идея, даже не намеренно расплывчато представленное дело, за которое она выступает, а в принципе только сама организация, т. е. аппарат власти и тот авторитет, который в конце концов решает, какие меры целесообразны.

Техника разложения

Одно из важнейших средств фашистского оратора — религия. Она придает ему колорит, типичный для его речей. Она — торговый знак, который отличает его от конкурентов. В качестве проповедника он может выступать как консультант, который хлопочет о специфических интересах определенной группы. Его система, сконструированная для сторонников ортодоксального, ханжеского, крайне религиозного мышления, имеет целью в принципе преобразовать благочестивое стремление в политическую приверженность партии и политическую подчиненность.

Религиозный антилиберализм служит прикрытием политическому антилиберализму, за который вождь не осмеливается выступать открыто, в то время как религиозный авторитет

психологически выполняет функцию эрзаца авторитарной системы.

«Вера наших отцов»

Идею «веры наших отцов» можно назвать в основном антихристианской, так как христианство претендует на истину, и не на принятие ее через традиции: кто верит только потому, что это делали его предки, тот ни в коем случае не является верующим.

Патерналистский авторитет выполняет всегда свою функцию — не давать уклониться тем, вера которых в истину самой христианской догмы поколеблена. В конце концов, христианская вера насильно достигается светскими внешними средствами, контролем патриархальной семьи и в то же время воспринимается весьма респектабельно, смиренно и благочестиво.

Идеологическая обработка

Как уже говорилось, конкретное содержание речей вождя играет только побочную роль. Психологическое «размягчение» слушателей не дает

ни единой политической программы, ни единой критики существующего общественно-политического порядка.

То, что выступление оратора насквозь лишено настоящих теоретических положений, объясняется, во-первых, намерением быть «практичным», и, во-вторых, вероятнее всего, фактом, что у него нет никакой точной программы. Как большинство фашистских агитаторов, он, разумеется, руководствуется в меньшей степени политическими и социологическими рефлексиями, чем свойственным ему ярко выраженным чувством подражания пресловутым имеющим успех образцам авторитарных систем.

Такой псевдотеоретичный подход наблюдается со времен начала режима Муссолини; он, по-видимому, имеет прочное основание в структуре самих авторитарных систем и может объясняться не просто циничным релятивистским презрением стоящего у власти разнузданного политика к истине и ее манифестации в теории. Скорее, это можно приписать теории самой по себе, независимо от ее содержания.

Даже если она исходит из произвольных домыслов, сам факт последовательного когерентного и консистентного мышления получает опреде-

ленную собственную значимость, определенную «объективность». Она делает в глазах фашиста из теории проблематичное оружие, так как мышление само по себе отказывается быть только инструментом. Теория как таковая, рассмотрение автономных логических процессов, дает тем, на которых хочет оказать влияние фашист, некое чувство безопасности, разрешает им, так сказать, быть услышанными. Поэтому она, в основном для фашистов, является «табу». Его царство — это область бессвязных, неясных изолированных фактов, или, более того, форма их проявления. Чем изолированнее они приводятся, чем больше выбранные излюбленные темы привлекают внимание обоих — агитатора и слушателя, тем лучше для фашиста. Этим, по-видимому, объясняется малая сменяемость мотивов.

Оратор преследует цель найти мотивы, от манипуляции которыми он надеется получить немедленное эмоциональное эхо. Свои политические темы он выбирает с точки зрения их психологической значимости.

Что касается травли политических противников, психологическая атака относится в большей степени к их мифическому образу, который представляет собой смесь из эмоциональных

восприятий и проекций психологических инстинктов. Образцом для такой травли служат, например, отвратительные и малопонятные карикатуры на евреев, которые печатались в нацистском журнале «Штюрмер».

Позиция в отношении внешней политики

Особо следует сказать о технике оратора, когда он имеет дело с внешней политикой. Он обращается с нациями, как будто они индивиды, применяет непосредственно в отношении них моральные понятия и использует моральные дихотомии для разъяснения национальных политических вопросов.

Эта уловка, уступка способности его последователей думать в безличных терминах, имеет, несмотря на пророческое звучание, зловещий оттенок. Чем упорнее рассматриваются нации как индивиды вместо групп народов, тем основательнее превращаются люди в послушных членов своего государства, тем беспощаднее они перед лицом грозящей катастрофы, которую неустанно расписывает оратор, и тем легче их можно склонить к «интеграции». Персонификация нации

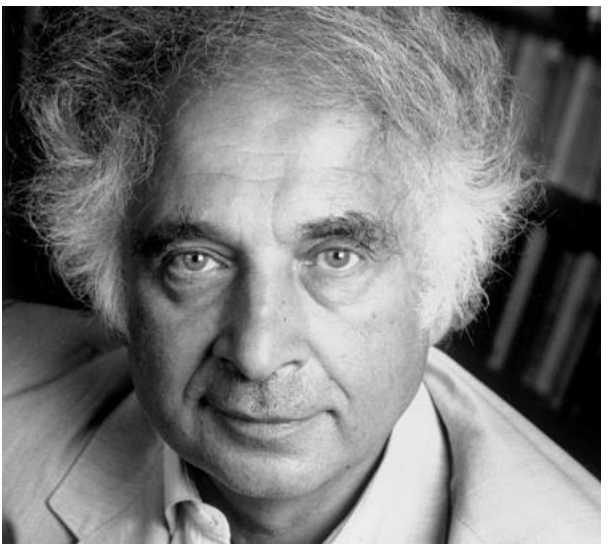
является, таким образом, тоталитарной интеграцией.

Конечная цель пропаганды

Конечная цель пропаганды вождя — власть посредством жестокого, садистского подавления — является центром, объединяющим принципом, который определяет его теологию, политическую тактику, психологию и его моральные принципы.

Подсознательная мечта агитатора — ужасное и прекрасное опьянение уничтожением, которое выдается за спасение.

Серж Московичи
Вождь массы
(Из книги С. Московичи «Машина, творящая богов». Перевод Т. Емельяновой, Г. Дилигенского)



Серж Московичи (1925–2014) родился в Румынии в еврейской семье. Подвергаясь преследо-

ваниям за своё происхождение и взгляды, Серж Московичи покинул Румынию и перебрался во Францию, где окончил Парижский университет.

Московичи исследовал вопросы власти и людей, которые стоят во главе, а именно — вождей. Он считал, что главная причина их появления в том, что человек, будучи разумным существом, не всегда руководствуется своим интеллектом, а часто подпадает под воздействие окружающей среды, которая влияет на него и полностью поглощает. Всё это приводит к тому, что создается новый тип человека, а именно человек-массы, который становится всецело зависимым от других. Таким образом, подчинение становится нормой жизни.

Средства власти над массой

Власть — вот действительный и неизбежный источник отношений между людьми. Мы видим ее повсюду: в школе и у домашнего очага, на рынке и в административных учреждениях и, само собой разумеется, в государстве и церкви. «Одни люди должны подчиняться каким-либо другим людям» — таков единственный категорический императив, общий для всех верований.

Принцип порядка реализует такое своеобразное орудие, каким является насилие. Хотя оно иногда преображается до неузнаваемости, мы не можем отринуть его, отсутствие насилия или освобождение от него совершенно исключено. «Любое государство основано на силе», — сказал однажды Лев Троцкий. Это всеобщая истина, и никто ее не опроверг.

Какой бы ни была власть, с которой люди имеют дело, возникает вопрос: «В каких условиях они подчиняются и почему? На какие внутренние оправдания и внешние средства опирается это господство?» Вебер в числе этих условий называет прежде всего военную силу, например политику, связанную с армией, или экономический интерес. Далее, на основании общепризнанного права, скажем, выборов или наследования, подчинение авторитету, лицу, призванному командовать другими.

Следовательно, с одной стороны, насилие в различных формах, с другой — легитимность, оправдывающая и освящающая господство. Вот апостроф из Корана, иллюстрирующий этот контраст: «Бедуины говорят: “Мы верим”. Скажите: “Вы не верите”. Лучше скажите: “Мы покоряемся”, пока вера не вошла в ваши сердца».

Внутренняя вера, дополняющая в различных пропорциях внешнее насилие, — вот формула легитимности. Согласно тому, что мы уже знаем, Вебер рассматривает господство — и в этом основа его теории — исключительно с данной позиции. Не в том смысле, что он пренебрегает экономическим или вооруженным давлением, но в том, что чем больше доверия и любви внушают носители власти, тем более полных повиновения и возможностей командовать они достигают. Английский мыслитель Д. Раскин прав, когда он пишет: «Царь видимый может стать царем подлинным, если однажды он захочет оценить свое царствование своей истинной силой, а не географическими границами. Не важно, что Трент отделяет от вас какой-то замок, а Рейн защищает другой, меньший замок, расположенный на вашей территории. Для Вас, царя людей, важно, чтобы вы могли сказать человеку: “Иди”, — и он пойдет, и сказать другому: “Приди”, — и он придет… Для Вас, царя людей, важно знать, ненавидит ли Вас Ваш народ и умирает за Вас или любит Вас и живет благодаря Вам».

* * *

Короче, власть партии над нацией, учителя над классом, вождя над массой осуществляется при том условии, что нация, класс или масса верят в них, не оспаривают их легитимность. Эта вера выражает давление общества на индивида, оно навязывает ему дисциплину и учит, что хорошо или плохо, верно или неверно, вплоть до того, что правила и ценности становятся, в конце концов, частью его самого, инкорпорируются в его конституцию. Он верит в то, во что от него требуют верить, и соответственно действует, побуждаемый невидимыми силами, исходящими от него самого, по крайней мере от его собственной воли. Власть, центром тяжести которой является такая дисциплина, легитимна.

Немецкий социолог Юрген Хабермас дает ей более общее определение. На мой взгляд, оно в то же время исчерпывающе, и поэтому я его воспроизвожу: «Легитимность политического порядка измеряется верой в нее тех, кто подчинен его господству». Именно эту веру предназначены измерять еженедельные опросы общественного мнения, касающиеся наших политиков, или то, что папа римский ищет в далеких странах, когда

он собирает там тысячи и миллионы людей. И именно эту веру имеют в виду, когда говорят, что президент республики имеет «право помилования».

Легитимность в этих случаях так велика, что она спонтанно принимает облик личной любви. Она переносит индивидов в другую действительность, более теплую, интимную, и они не сомневаются, что сами выбрали и создали ее.

Запрет на критику

Доверие — следовательно, главная проблема господства. Но это доверие особого рода, которое не может опираться, как в иных случаях, только на чувство и мнение. Несомненно, доверие по своей природе представляет собой согласие по поводу верований и ценностей. Но если согласие возникает из обсуждения и обмена аргументами, обладающими убедительной силой, оно не может опираться на них. Ибо оно нуждалось бы тогда в постоянном испытании своего влияния, дабы сохранять сплоченность членов группы и в любой момент получать их поддержку.

Вера в согласие, в консенсус между управляемыми и правящими, ее признание, напротив,

опирается как раз на отсутствие дискуссии. Другими словами, ее особенность в том, что она основана на запрете, молчаливом, но вездесущем запрете на критику. Этим способом общество избавляется от беспокоящих его споров и диссонансов, во всяком случае публичных. Определенные убеждения и правила жизни выделяются в особую группу и ставятся над всеми другими подобно тому, как золото вознесено над бумажными деньгами. Можно спорить о лучшей избирательной системе, но сам принцип выборов остается неприкасаемым. Можно устанавливать определенные ограничения свобод, и кодексы их устанавливают, например кодекс прессы. Но сама свобода неприкасаема, и никто не осмелится стереть ее с фронтонов наших мэрий. То же относится и к равенству, от каких бы искажений ни страдало оно на практике.

Запрещенное для критики также не надо доказывать, как нельзя опровергать. В этой области каждый подчиняется обобщенному правилу: «Не спорь». Оно естественным образом отразилось в мысли итальянского философа Джамбаттиста Вико: «Сомнение должно быть изъято из любой доктрины, особенно из доктрины моральной». Ибо оно означает ущербность или слабость, кото-

рым можно противопоставить только силу, а не собственное убеждение.

Можно было бы бесконечно перечислять примеры этого запрета, иллюстрировать его универсальность. Все спонтанно склоняются перед ним. Невидимое и неосязаемое препятствие, он проявляет свою силу принуждения в буйстве страстей, которые пробуждает в нас. Любой, кто робко пытается поставить под вопрос неоспоримое, встречает самое свирепое озлобление. Посмотрите, с какой быстротой церкви или партии отлучают за малейшее диссидентство и даже за спор, и вы поймете, о чем идет речь.

В принципе, утверждается, что право на критику запечатлено в наших законах и нравах. Это так, но совершенно очевидно, что запрет ограничивает это право, чтобы заставить уважать те и другие, легитимировать их власть. Это подразумевается неувядающими банальностями вроде «Права она или нет, но это моя страна», «Вне церкви нет спасения» или «Молчание — знак согласия».

Сила запрета! Перед ним безмолвны совесть и воля к проверке. «Но молчание, — писал датский философ Серен Кьеркегор, — или уроки, которые мы пытались из него извлечь, искусство мол-

чать, является истинным условием подчинения». Молчанием, которое каждый умеет хранить в любой момент, мы делаем себя заложниками покорности и выражаем наше доверие.

* * *

Я понимаю, что упрощаю дело. Тем не менее приходится признать, что запрет на критику не является достоянием лишь древней истории. Повсюду и всегда он обнаруживает — и в этом его особенность — существование легитимности и гарантирует ее. Ибо он ставит выше сомнения и возражения те верования и практику, которые необходимы для господства.

Было бы неверно приравнивать такое молчание к незнанию или скрытности, которые якобы превращают нас, большинство общества, в невинных слуг силы, задрапированной символами. Не знак и не символ, власть коренится столь же в явно провозглашенном и недвусмысленном запрете, который делает ее непогрешимой в наших глазах, сколь и в насилии, призванном ее выразить.

Что побуждает нас бросать на людей власти взгляд полубеспокойный-полупрезрительный? Не разрыв между их словами и делами, хотя он

проявляется постоянно в той демагогии, к которой они прибегают и в которой запутываются так часто и так быстро. А также и не недостаток порядочности, иногда столь очевидный вопреки добродетельным речам, слетающим с их губ. Все они выдают себя за людей, поднявшихся до своего высокого положения благодаря беспримерным чувству ответственности и мужеству перед лицом опасностей, подстерегающих их в неопределенной и угрожающей ситуации.

Нет, наше замешательство порождено неким неясным, не поддающимся определению впечатлением. Постоянно, несмотря ни на что, мы готовы признать за ними все те достоинства, которых они не имеют, и, отбросив в сторону наше недоверие, следовать за ними. Но, подобно священникам, побуждающим верующих грешить против собственной веры, они вынуждают нас своими бесчинствами и ложью нарушать единственное правило, придающее легитимность их авторитету.

Внедренный в каждое сознание, запрет выхолащивает сомнения и глушит сердечные перебои. Ибо власть, которую оспаривают и противоречиво интерпретируют, уже не власть. Люди и группы, которые сумели дольше всего сохранить

авторитет, обязаны этим умению уберечь сферу принципов от контроверз и своевременно отвести их от нее. У власти вкус запретного плода, все хотят ее отведать, но лишь немногие смеют вкусить ее.

* * *

Господство обладает особым статусом. В качестве политического института оно ставит проблему метода: как управлять? Но в качестве отношения оно зависит от повседневной покорности, которая ставит проблему легитимности: во имя чего верить, выражать доверие? Если доверия начинает не хватать, руководители и руководимые испытывают нерешительность: руль корабля, например государство, находится на своем месте, но в машинном отделении недостает энергии.

Форму, которую принимает господство, обусловливают виды легитимности, следовательно, верования. Это краеугольный камень теории Вебера, оказавший наиболее заметное влияние на современную науку. Первый тип легитимности, которому он уделил максимальное внимание, рождается, как вы знаете, в период смуты и кризиса. Можно сказать, что он материализу-

ется в аномальном и иногда в революционном обществе. Только перед таким обществом проблема обоснования легитимности возникает как абсолютно настоятельная, даже до появления власти. Разве не такой является она для формирующейся нации, для социального движения, мобилизующего своих сторонников, для церкви, возникающей из волнения сект вопреки установившейся традиции? Именно поэтому не замечают их необходимости и предназначения и даже считают их абсурдными. А когда вера в них распространяется в массах, их абсурдность исчезает и анафема их не достигает.

Затем, у членов этого общества нет другой силы, объединяющей их, кроме прямой, личной связи между правящими и управляемыми. Интересы слишком слабы, и особые компетенции слишком второстепенны, чтобы заметно содействовать такому объединению. Поэтому власть, требующая тяжелых жертв ради неопределенных результатов, заставляет признать себя, лишь когда ей удается присутствовать как бы физически — так, что ее можно видеть и слышать. Решающую роль приобретают свойства характера и чувства. Без этого участники рискуют оказаться в стороне от общего дела. Независимо от конкретных обстоя-

тельств, в таком обществе превалирует идея, что лишь исключительные индивиды в состоянии противостоять состоянию неопределенности и неведения. Идея столь же живучая, сколь та, которая предполагает, что в моменты смуты появляется вождь или спаситель. В его присутствии люди являются пленниками собственных эмоций, они подавлены собственным множеством, околдованы, уже покорны. Это зародыш власти в некотором роде сверхчеловеческой и личной.

* * *

Средства коммуникации баснословно увеличивают власть вождя, поскольку они концентрируют авторитет на одном полюсе и преклонение — на другом. Захват прессы, радио и особенно телевидения становится одной из целей политической борьбы и социальных дебатов. Справедливо или нет, каждая правящая группа — правительство или оппозиция — считает, что тот, кто получит к ним доступ, тот одновременно получит решающее влияние на общественное мнение. Зная ее или нет, все разделяют концепцию Тарда, согласно которой современные вожди для создания своей публики и управления ею должны располагать медиа и обладать необходи-

мыми талантами, чтобы ими пользоваться.

Люди, изолированные друг от друга, каждый представляя нацию, становятся членами той разновидности толпы, которая составляет публику телезрителей, получающих одновременно одни и те же изображения, одну и ту же информацию, а значит, одни и те же идеи. Передаваемые программы подчинены этой цели и следуют «психологии и расхожим предрассудкам в наибольшей мере: трудно сказать, вытекают ли программы из предрассудков или предрассудки из программ. Взаимодействие, без сомнения, совершается в духе все большей и большей унифицированности. Эта массификация устанавливается на уровне ума наиболее застойного, наиболее инертного. Благодаря ей, посредством внушающего доверие эффекта повторения, политика правящих кругов гипнотизирует сознание».

В этих условиях тысячи лично преданных людей, многочисленные связи и соратники любого порядка становятся абсолютно бесполезными. Достаточно некоторого очень ограниченного числа публицистов, чтобы достичь искомого результата, сообщить мысли президента и навязать свою волю целой стране.

Президент всегда держит в руках инструмен-

ты власти — полномочия обычного порядка и резервного. Но он не владеет больше той сущностью, которая внушает безраздельное уважение к должности и восхищение личностью. В этом новом контексте искусство правления является уже не искусством обольщения, а искусством (наукой?) коммуникации, в котором медиа — газеты, радио, телевидение — занимают решающее место.

Вождь массы

Очевидно, как всякий президент нации, имеющий вес, он окружен двором. Из его личности делают культ, и каждый стремится ему понравиться, его обольстить. Сам по себе такой культ, однако, смог бы вызвать поклонение, религиозный восторг, которые единственные привлекают толпы к их лидеру, как полюса магнита — железные опилки. Но, несмотря на постоянные усилия, превосходную работу по подчеркиванию его должности и инсценированию великих событий, ему не хватало того единственного, что могло его возвысить: личного авторитета, харизмы.

Президент непринужденно чувствует себя в позиции государственного деятеля и наставни-

ка. Именно в этом качестве, очевидно, он хочет блистать, и, поддерживаемый временем, он блещет. О военачальнике говорят, что он является вождем людей. Из этого следует, что он увлекает их к битве, к славе, к смерти и умеет найти зажигательное слово в критический момент. О наставнике же говорят, что он просвещает своих учеников и зажигает в них не только знания как таковые, но, по крайней мере, желание знать.

Черты этого персонажа характерны. Он не творит: он передает. Свободный от головокружения чувства открытия, от сомнения вопросов, он знает лишь удовлетворение от подражания, спокойствие ответов. И у него есть ответ на все. Его отличает упорство. Верный одной школе, одному учебнику, одной системе мышления, сформировав свое мнение, он стоит на своем. Он не только отказывается видеть противоположное мнение, «другую сторону вещей», для него эта другая сторона вообще не существует. Пусть даже его собственное суждение привело его к противоположному выводу. Нет смысла возвращаться назад или предаваться новому изысканию.

Отсюда невозможность диалога. Он слышит только звук одного колокола, своего, и не понимает вопросов, которые ему задают. Так как они

предполагают иную систему, принципиальное сомнение, не существующие для него. Следовательно, он ведет монолог, это и есть деятельность преподавателя. Нетерпимый к возражениям, он охотно позволяет себе уходить от темы, если не повторять утверждения, слово в слово воспроизводящие то, что аудитория уже знает.

Президент в своих речах и публичных появлениях обнаруживает некий педагогический стиль. Отсюда этот аргументированный язык, пронизанный повсюду целомудренным чувством, этот отвлеченный лексикон, свойственный высокопоставленным чиновникам. Отсюда эти речи, изобилующие цифрами, процентами и подробностями. Посредством всего этого набора он предполагает прежде всего обучать, а затем убеждать. Это может дать положительный результат в мирное время, в кругах однородного политического класса — мятежники выставляются за дверь. Однако было бы достаточно прихода другого лидера, который сумел бы преобразовать публики в толпы, для того чтобы пошатнуть заботливо выстроенное здание.

* * *

Мы почти не рискуем ошибиться, замечая, что массовые общества варьируют от демократического деспотизма до деспотической демократии. Они используют то одну, то другую формулу в надежде со временем найти равновесие, которого они не достигают в пространстве. С этой точки зрения, история Франции показательна и с эпохи революции представляет собой классический образец. Повторение одинаковых причин вызывает одни и те же следствия, это очевидно по тому, как заразительны эти формы. То, что некогда было исключением, теперь стало образцом и своего рода наукой.

Как Французская революция, призвавшая массы к оружию, чтобы сразиться и победить, навязала войну своему классическому веку, так и череда современных революций и антиреволюций навязала деспотизм своему классическому порядку вещей. Поэтому так и распространилась сеть заведений и административных учреждений, в которых человек добивается продвижения в соответствии со своей компетенцией лишать людей их свободы.

Понятиям тоталитарной системы, культа лич-

ности или авторитарного режима я предпочитаю понятие западного деспотизма как более откровенное. Но даже из того немногого, что здесь было отражено, можно заметить ограничения его аналогии с восточным деспотизмом и то, что их различает. С одной стороны, вместо того чтобы заниматься средствами производства, этот тип власти привлекает средства коммуникации и использует их как нервную систему. Они простирают свои ответвления повсюду, где люди собираются, встречаются и работают. Они проникают в закоулки каждого квартала, каждого дома, чтобы запереть людей в клетку заданных сверху образов и внушить им общую для всех картину действительности.

С другой стороны, при древнем деспотизме вождь был хранителем неизменного порядка в обществе и в природе. Он находился наверху общественной иерархии в силу узаконенного неравенства. Никто не оспаривал его позиции, даже если и бунтовали против его личности. Его падение или смерть, аналогичная смерти бога, рассматривалась как знак нарушения порядка вещей. Она вызывала ужас, искусно используемый его заранее определенными наследниками. В современном деспотизме, напротив, потреб-

ность в вожде определяется исключительными обстоятельствами и крайней напряженностью ситуации. Таковы ситуации экономических кризисов с их чередой инфляции, безработицы, нищеты; таковы политические кризисы с их угрозой гражданской войны и краха всей системы, со сменой революций и контрреволюций, которые дестабилизируют аппарат управления и мощно мобилизуют массы.

* * *

Сказанное подводит нас к очевидному выводу: вождь масс — это всегда узурпатор, признанный ими. Это происходит не только потому, что его действия шли вразрез с нормами законности и что его власть была порождена чрезвычайным положением. Это также объясняется необходимым уважением принципа равенства. А он на самом деле не допускает, чтобы человек, кем бы он ни был, мог стоять неизмеримо выше сообщества. Так что всякий истинный лидер по существу своему незаконен. Но пока он занимает свои позиции, он безгранично распоряжается массой.

Мне возразят, что ни значимость средств коммуникации, ни могущество лидеров не имеют того веса, который я им здесь приписываю. Будут

называть другие действующие факторы, чтобы объяснить такое развитие истории. Я и не думаю этого отрицать, так колоссальна ее сложность. Но я сосредоточился на цели до конца проработать одну из гипотез психологии толп: тенденцию современного общества к деспотизму. Эта наука видела в ней симптом деградации нашей цивилизации, поражение индивида перед лицом сообщества и отказ интеллектуальной и политической элиты от их обязательств перед демократией.

Есть много средств будоражить души, восстанавливать против нее умы. Но повсюду, где мы наблюдаем царящие, но неправящие массы, без риска ошибиться можно предвидеть черты деспотизма. «Примечательно, — писал Поль Валери[16], — что диктатура так же заразительна сейчас, как некогда свобода». Историк Возрождения Букхардт предполагал эту эволюцию задолго до появления на свет психологии масс: «Будущее принадлежит массам и тем личностям, которые смогут доступно объяснить им некоторые

[16] Примечания: 16

Валери Поль (1871–1945) — французский поэт, эссеист, критик. Через все творчество Валери проходит тема поисков «чистого Я», путь к которому лежит через постепенное освобождение от всего, что подвержено биологическим изменениям и распаду. — Примеч. ред.

вещи».